22500300643

Med
K47730

E60 C20

Проф. И. А. Сикорскій.

ДУША РЕБЕНКА

СЪ КРАТКИМЪ ОПИСАНІЕМЪ

ДУШИ ЖИВОТНЫХЪ И ДУШИ ВЗРОСЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

Съ 17-ю рисунками.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская улица, собственный домъ, № 4.
1909.

WELLCOME LIBRARY INSTITUTE

336406/34336

WELLCOME INSTITUTE LIBRARY
Coll. Welk
INS

ДУША РЕБЕНКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . III—IV

А. Основные факты психическаго развитія ребенка . 1

Б. Основные факты изъ сравнительной психологіи . 5

1. Факты біологическіе . . . . . —

2. Психологія животныхъ 10

а) Черви . . . . . —

б) Муравей 11

в) Пчелы 14

г) Паукъ 15

д) Рыбы 16

е) Земноводныя 17

ж) Птицы 18

з) Млекопитающія 19

α) Летучая мышь . . . . . —

β) Лошадь . . . . . —

γ) Быкъ . . . . . —

δ) Слонъ 20

ε) Собака 21

ς) Обезьяна 21

η) Душа человѣка 22

В. Развитіе и измѣненіе души съ возрастомъ 24

I. Душа въ возрастѣ перваго дѣтства 25

1. Душа новорожденнаго 25

2. Первые три мѣсяца по рожденіи 37

а) Развитіе способности воспріятія 39

α) Осязаніе 42

β) Зрѣніе 47

γ) Слухъ 53

б) Развитіе чувства въ первые три мѣсяца 54

в) Нервно-психическая гигіена въ первые три мѣсяца . . . 56

Стран.

3. Отъ четвертаго до десятаго мѣсяца по рожденіи . . 57
а) Психофизическіе факты 58
б) Зрительное и слуховое узнаваніе 61
в) Внѣшнее вниманіе 64
г) Сочетаніе разнородныхъ воспріятій 66
д) Свободныя представленія 73
е) Внутреннее вниманіе 77
ж) Основныя ассоціаціи 84
4. Конецъ перваго и начало второго года 85
5. Отъ второго до шестого года 89
а) Развитіе чувства 91
б) Развитіе ума и вниманія 103
α) Основные факты . . . . . —
β) Значеніе внѣшнихъ впечатлѣній для развитія ума . 106
γ) Значеніе игръ 114
δ) Интеллектуальныя игры 125
в) Развитіе воли 127
г) Развитіе личности дитяти 131
д) Развитіе индивидуальности 133
е) Неправильности индивидуальнаго развитія 138
ж) Психическія черты нормально развивающагося ребенка . 139
II. Душа въ возрастѣ второго дѣтства 140
1. Старшее дѣтство . . . . . —
2. Промежуточный возрастъ 146
III. Юность 148
IV. Зрѣлый возрастъ 151
V. Старость 153
Указатель предметовъ 157

Предисловіе.

Настоящій трудъ, въ томъ видѣ, какъ онъ является здѣсь, вышелъ въ недавнее время вторымъ изданіемъ въ Германіи и принятъ тамъ, какъ учебное пособіе въ нѣкоторыхъ школахъ и заведеніяхъ, подготовляющихъ къ педагогической дѣятельности (Kindergärtnerinnen—Seminär).

Хотя наше отечество далеко не можетъ сравниться съ Германіей по обилію педагогическихъ школъ и учрежденій, но два подобныхъ учрежденія уже существуютъ и дѣйствуютъ—это „Педагогискіе курсы" при С.-Петербургскомъ Фребелевскомъ Обществѣ и „Педагогическій Фребелевскій Институтъ" при Кіевскомъ Фребелевскомъ Обществѣ. Въ программу Кіевскаго Педагогическаго Института входитъ не только общая Психологія, но и, спеціально, Психологія дѣтскаго возраста, какъ одинъ изъ основныхъ предметовъ педагогической подготовки. Такая постановка дѣла вполнѣ соотвѣтствуетъ назрѣвшей научной потребности—знать природу дѣтей и на этомъ знаніи основать воспитаніе.

Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ во всѣхъ странахъ Европы и въ Америкѣ интересъ къ психологіи дѣтскаго возраста поднялся до высоты острой духовной жажды, которая въ Германіи даже вызвала широкое культурное движеніе, названное многосодержательнымъ словомъ Kinderforschung (изученіе дѣтей).

Какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ Западной Европы оцѣнка несовершенствъ школы и дошкольнаго воспитанія привела къ сознанію необходимости капитальнаго пересмотра всего вопроса о дѣтяхъ, о дѣтской жизни, дѣтской природѣ и дѣтской душѣ. Перспектива организовать дѣло первоначальнаго воспитанія на новыхъ основахъ выдвинула психологію дѣтскаго возраста на первое

мѣсто: даже упрочилось стремленіе говорить не столько о воспитаніи дѣтей, сколько о душѣ ребенка.

Еще до недавняго времени психическая жизнь дѣтей — молчаливымъ образомъ — признавалась достаточно извѣстной и не вызывала у педагоговъ ни сомнѣній, ни вопросовъ. Но эта роковая ошибка, такъ долго тяготѣвшая надъ мыслью отцовъ и надъ судьбою дѣтей, теперь безповоротно поколеблена, и психологія впервые занимаетъ подобающее ей мѣсто, какъ исходная точка научно поставленнаго педагогическаго опыта. И въ то же время періодъ юнаго дѣтства признается важнѣйшимъ срокомъ воспитанія человѣка.

И. Сикорскій.

1 ноября 1908 года.
Кіевъ.

ДУША РЕБЕНКА.

А. Основные факты психологіи дѣтскаго возраста.

Понять и изобразить душу ребенка — это задача болѣе трудная, чѣмъ понять и описать душу взрослаго. Душу взрослаго мы понимаемъ, руководясь нашимъ собственнымъ самочувствіемъ, нашимъ внутреннимъ опытомъ и памятью и, наконецъ, нашимъ наблюденіемъ надъ другими. Но другихъ мы понимаемъ, сравнивая съ собой: мы распознаемъ и различаемъ у другихъ: страхъ, любовь, задумчивость, разсѣянность и пр., потому что мы сами нерѣдко испытываемъ эти состоянія, мы помнимъ ихъ, понимаемъ у себя и можемъ понимать у другихъ. Но въ примѣненіи къ душѣ ребенка такой путь не примѣнимъ. Душа ребенка рѣшительно отличается отъ души взрослаго, и невозможно перенести на ребенка наблюденія, сдѣланныя надъ взрослымъ, и наоборотъ. Существуетъ, кромѣ того, и другое затрудненіе. Важнѣйшій періодъ дѣтской жизни — первые мѣсяцы и первые годы не оставляютъ въ индивидуальной памяти никакого слѣда. Ребенокъ начинаетъ впервые помнить и сознавать себя въ ту пору, когда его умственное развитіе уже успѣло сдѣлать колоссальный шагъ отъ своей исходной точки; но первые умственные успѣхи—моментъ возникновенія мысли и появленія сознанія, отчасти также и дальнѣйшій умственный прогрессъ—едва, едва мерцаетъ въ памяти, пока, наконецъ, не установится ясная память душевныхъ актовъ. Когда ребенокъ становится взрослымъ человѣкомъ, онъ совершенно не помнитъ своего ранняго дѣтства.

Но какъ ни трудно пониманіе дѣтской души, все же оно возможно, лишь необходимы другіе пріемы изслѣдованія кромѣ тѣхъ,

какіе обыкновенно употребляются въ психологіи. Съ примѣненіемъ этихъ пріемовъ задача значительно облегчается. Въ нашемъ очеркѣ развитія души по возрастамъ мы прежде всего будемъ держаться точной установки и описанія фактовъ, избѣгая отвлеченностей. Мы не коснемся безплодныхъ вопросовъ старой психологіи относительно момента, когда душа входитъ въ тѣло ребенка — въ моментъ ли зачатія, въ моментъ ли рожденія или въ промежуточный періодъ. Мы не станемъ тоже, подобно нѣкоторымъ авторамъ, дѣлать попытки изобразить душу утробнаго младенца. На всѣ эти проблематическіе вопросы читатель самъ найдетъ вѣроятные отвѣты, когда онъ познакомится съ фактами, которые установлены твердо. На эти факты мы и стараемся, главнымъ образомъ, направить наше вниманіе, избѣгая всѣхъ попытокъ строить законченное зданіе изъ сомнительнаго матеріала.

Главная цѣль, какую мы преслѣдуемъ, —это дать очеркъ исторіи развитія дѣтской души и въ краткихъ чертахъ представить дальнѣйшую психическую эволюцію съ возрастомъ. Этимъ настоящій трудъ отличается отъ обыкновенныхъ психологическихъ трактатовъ, которые, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду развитую, зрѣлую, готовую человѣческую душу.

Самую выдающуюся сторону души новорожденнаго представляютъ ея узкіе предѣлы и ея крайняя ограниченность. Явившееся въ свѣтъ дитя лишено почти всякой способности мысли, не имѣетъ никакихъ представленій и даже неспособно имѣть ихъ (см. дал. стр. 4); оно не обладаетъ никакими конкретными чувствами, не можетъ ни любить, ни радоваться, ни бояться, ни надѣяться, ни ожидать, болѣе того—не можетъ ни слышать, ни видѣть, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о звукѣ, о формѣ предметовъ, о краскахъ и свѣтѣ, о пространствѣ и времени. Вслѣдствіе этого, новорожденное дитя въ высшей степени безпомощно въ смыслѣ самосохраненія, и если бы не любовь и забота окружающихъ, оно неминуемо погибло, предоставленное самому себѣ и лишенное способности двинуться съ мѣста.

Въ сравненіи съ человѣческимъ дитятей новорожденное животное обладаетъ въ несравнимо большей степени духовными силами и способностью самосохраненія. Вышедшій изъ яйца цыпленокъ, уже

черезъ нѣсколько часовъ, движется, бѣгаетъ, твердо стоитъ на ногахъ и, стоя, можетъ клевать зерно, ударяя въ него своимъ клювомъ съ точностью математическаго расчета. Его движенія, захватъ пищи, быстрый бѣгъ показываютъ, какъ тонко работаетъ у него глазъ и вся мускулатура тѣла, съ какою скрупулёзною точностью въ его крошечномъ умѣ учитываются всѣ данныя, касающіяся величины и разстоянія предметовъ и какъ идеально опредѣляются сила и напряженіе мышцъ. Цыпленокъ узнаетъ свою мать, слышитъ ея голосъ, понимаетъ его значеніе, способенъ испугаться и броситься опрометью, ища спасенія, какъ только въ голосѣ матери слышится опасливая нотка. Двухъ—трехъ дней цыпленокъ уже почти обладаетъ умомъ своихъ родителей. Какимъ несовершеннымъ существомъ представляется новорожденное человѣческое дитя по сравненію съ крошечнымъ птенцомъ! Новорожденное дитя не знаетъ лица своей матери, не узнаетъ ея голоса, не испытываетъ страха, не понимаетъ опасностей! Причина такой разности находитъ себѣ объясненіе въ анатоміи мозга и въ исторіи развитія зародыша. Эти науки показываютъ, что мозгъ дитяти ко времени рожденія на свѣтъ далеко не въ такой степени законченъ въ своемъ развитіи, какъ мозгъ животныхъ. Изслѣдованія Флексига (профессора психіатріи въ Лейпцигскомъ университетѣ) много содѣйствовали разъясненію этого вопроса. Изслѣдовавъ большое число дѣтскихъ мозговъ изъ разныхъ періодовъ утробной жизни и первыхъ мѣсяцевъ по рожденіи на свѣтъ, Флексигъ нашелъ, что на этихъ мозгахъ, окрашенныхъ по способу Вейгерта (Weigert), можно съ наглядностью убѣдиться въ томъ, какія части мозга съ ихъ клѣточками и нервными нитями уже совершенно развиты и готовы къ дѣятельности и какія еще недоразвиты и неспособны быть мѣстомъ и органомъ психической работы.

Если сравнивать такіе мозги, то становится яснымъ, что въ мозгу двухнедѣльнаго младенца еще очень немногія части окрашиваются въ черный цвѣтъ, тогда какъ у пятимѣсячнаго ребенка уже замѣчается очень много черной окраски. Черная окраска мозга, обработаннаго по Вейгерту, указываетъ на большую законченность мозга, чѣмъ свѣтлая окраска. Флексигъ приготовилъ большую коллекцію такихъ мозговъ—готовыхъ, полуготовыхъ и неготовыхъ къ дѣятельности по своему анатомическому развитію. Эта коллекція представляетъ одно изъ поучительнѣйшихъ зрѣлищъ для

мыслящаго человѣка, и Флексигъ не безъ основанія рекомендуетъ ее вниманію ученыхъ людей.

На микроскопическихъ препаратахъ, приготовленныхъ изъ дѣтскихъ мозговъ, можно убѣдиться, что изъ громаднаго числа нервныхъ клѣточекъ лишь весьма немногія (Flechsig, Betz) [1]) закончены въ своемъ развитіи къ моменту рожденія ребенка на свѣтъ; большая же часть недоразвиты и къ дѣятельности неспособны. Эти анатомическіе факты вводятъ насъ въ широкую область біологіи, которая, въ свою очередь, даетъ немало данныхъ, освѣщающихъ сложный вопросъ о душѣ ребенка. Благодаря работамъ Герберта Спенсера, Ч. Дарвина, Э. Геккеля и русскаго академика Э. Бера, біологическіе взгляды разработаны и получили широкое примѣненіе во многихъ научныхъ дисциплинахъ, не исключая и науки о душѣ.

Можно сказать, что біологія концентрируется въ гипотезѣ недавно скончавшагося англійскаго мыслителя Герберта Спенсера. Согласно этой гипотезѣ, во всемъ сложномъ процессѣ развитія животнаго царства существуетъ тѣснѣйшее соотношеніе между тѣлесной организаціей, физіологическими отправленіями и психологическими способностями и дарованіями, а именно: чѣмъ лучше организовано тѣло и всѣ его части, чѣмъ совершеннѣе въ этомъ тѣлѣ происходятъ физіологическіе процессы, тѣмъ выше бываютъ и психическія функціи, и наоборотъ. Отсюда естественнымъ образомъ вытекаетъ простѣйшій выводъ, что совмѣстное изученіе трехъ указанныхъ сторонъ жизни можетъ пролить свѣтъ на самую идею жизни и на ея важнѣйшую сторону—душевный принципъ.

Гипотеза Г. Спенсера нашла себѣ талантливѣйшее дополненіе въ основномъ біогенетическомъ законѣ, формулированномъ Эрнестомъ Гэккелемъ (biogenetisches Grundgesetz). Этотъ законъ гласитъ: онтогенезъ, т. е. развитіе индивидуума представляетъ собою укороченное повтореніе филогенеза, т. е. развитія рода или племени. Согласно этому закону, въ своемъ краткомъ—нѣсколько лѣтъ длящемся срокѣ развитія ребенокъ повторяетъ всѣ этапы, какіе прошло животное царство въ многовѣковомъ періодѣ своего развитія и усовершенствованія.

Основной біогенетическій законъ первоначально былъ примѣняемъ только къ истолкованію анатомическихъ и физіологическихъ

---

[1]) Betz—бывшій профессоръ университета Св. Владиміра.

фактовъ, но въ настоящее время его значеніе распространено и на явленія психическія: важность его для психологіи признана многими философами (Sully). Такимъ образомъ, для уразумѣнія дѣтской души представляется необходимымъ не только ознакомленіе съ тѣлесной организаціей животныхъ, но въ такой же мѣрѣ и съ ихъ душевными качествами. Поэтому очеркъ зоопсихологіи (психологія животныхъ) по необходимости долженъ предшествовать изображенію явленій дѣтской души.

Б. Важнѣйшія данныя изъ сравнительной психологіи.

1. Факты біологическіе.

Если взглянуть на предметъ съ широкой точки зрѣнія и представить себѣ весь сложный путь и планъ развитія нервной системы въ восходящемъ ряду животнаго царства, начиная съ низшихъ формъ и кончая высшими, съ человѣкомъ включительно; то можно принять, какъ общую схему, что животное царство, въ своемъ постепенномъ развитіи, прошло четыре періода, или этапа.

Въ первомъ періодѣ нервная система существовала въ формѣ разбросанныхъ по всему тѣлу, незначительныхъ отдѣльныхъ аппаратовъ, которые, оставаясь другъ отъ друга изолированными, несли мѣстную службу—каждый въ соотвѣтствующемъ ему участкѣ. Такой организаціей обладаютъ въ настоящее время прѣсноводные полипы. Нервныя клѣточки у этихъ животныхъ еще не спеціализированы, и каждая изъ нихъ одинаково, но очень неясно воспринимаетъ всѣ виды внѣшнихъ воздѣйствій—будутъ ли то воздѣйствія механическія, химическія, оптическія или иныя.

Второй періодъ развитія нервной системы ознаменовался развитіемъ органовъ чувствъ, какъ спеціальныхъ аппаратовъ или пріемныхъ станцій, назначенныхъ для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. Вкусъ, обоняніе, осязаніе, слухъ и зрѣніе развились не единовременно, но въ извѣстной послѣдовательности. Въ настоящее время еще существуютъ многочисленныя животныя, напр., черви, которые не поднялись выше этого біологическаго періода. Животныя этого типа еще не обладаютъ всѣми пятью органами чувствъ, напр., у червей есть только одинъ органъ чувствъ - осязаніе, но еще нѣтъ ни глаза, ни уха. Подобное животное чувствуетъ внѣшній

міръ только осязаніемъ, но не можетъ знать ни звуковъ, ни красокъ. О червяхъ можно поэтому сказать, что они проводятъ всю свою жизнь въ состояніи гробовой тишины и могильнаго мрака. Появленіе на тѣлѣ нѣкоторыхъ червей отдѣльныхъ пигментированныхъ точекъ (такъ наз. глазоподобныхъ пятенъ) даетъ имъ впервые возможность чувствовать кожею тепло и свѣтъ въ той степени, въ какой пигментныя пятна концентрируютъ тепловые и свѣтовые лучи. Это первобытное біологическое приспособленіе для захвата свѣтовыхъ и тепловыхъ впечатлѣній представляетъ собою въ зачаткѣ особый органъ чувствъ, который при своемъ дальнѣйшемъ усовершенствованіи обращается въ такъ наз. термоптическій глазъ, свойственный, напр., нѣкоторымъ черепахамъ. Подобнымъ же образомъ предшественникомъ уха является у низшихъ животныхъ простое углубленіе въ кожѣ, о стѣнки котораго ударяются движущіеся частицы окружающей среды. Параллельно съ постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ каждаго изъ органовъ чувствъ идетъ развитіе центральныхъ пріемныхъ станцій въ подкорковыхъ узлахъ головного мозга. Эти—особые аппараты служатъ мѣстомъ для сохраненія полученныхъ изъ внѣшняго міра впечатлѣній и для переработки ихъ. Это вмѣстилище будущей памяти и будущаго инстинкта и разума. Простѣйшія, зачаточныя душевныя способности Рибо (Ribot) называетъ безсознательной или предсознательной памятью и познаніемъ. Описываемый сейчасъ второй психо-біологическій періодъ характеризуется развитіемъ и усовершенствованіемъ внѣшнихъ органовъ чувствъ и внутреннихъ пріемныхъ аппаратовъ, т. е. простѣйшихъ нервныхъ центровъ [1]). Путемъ физіологическаго опыта страсбургскому профессору Гольцу (Goltz) удалось низвести собаку до уровня животныхъ, стоящихъ на второй ступени біо-психическаго развитія (см. ниже стр. 27), и такимъ обр. получить экспериментальную живую модель низшаго психическаго существованія.

Третій громадный шагъ на пути прогрессивнаго развитія животнаго царства обозначился появленіемъ спеціальнаго отдѣла нервной системы, который представляетъ собою наиболѣе совершенную и наилучше организованную часть мозга, гдѣ полученныя

---

[1] E. Haeckel (Геккель). Небольшая брошюра Геккеля: Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ, переведена на русскій языкъ подъ ред. Брандта СПб. 1382.

впечатлѣнія, разсортированныя по ихъ свойствамъ, хранятся раздѣльно и на долгое время (спеціальные аппараты памяти и ассоціацій). Этотъ совершенно новый въ животномъ царствѣ органъ нервной системы называется переднимъ или большимъ мозгомъ; онъ впервые появляется въ классѣ рыбъ. На фигурѣ 1-й эта часть обозначена сплошнымъ чернымъ цвѣтомъ. Передній или большой мозгъ представляетъ собою тотъ органъ, который даетъ животному возможность примѣнять къ жизни впечатлѣнія вчерашняго дня и прошедшаго времени и такимъ образомъ связывать предшествующій опытъ съ послѣдующимъ, объединяя свои давнія впечатлѣнія съ новыми (ассоціація). Этотъ спеціальный органъ памяти и элементарнаго разума развивается въ животномъ царствѣ не вдругъ и не за одинъ разъ, но въ извѣстной послѣдовательности; раньше всего появился психическій органъ для обонянія [1]), затѣмъ видимъ другіе органы; наконецъ, развились психическіе аппараты для слуха и зрѣнія.

Фиг. 1. Мозгъ миноги съ зачаткомъ большого мозга, который обозначенъ сплошнымъ чернымъ цвѣтомъ.

Четвертый (пока послѣдній) важнѣйшій шагъ въ развитіи нервной системы соотвѣтствуетъ возникновенію двухъ большихъ высшихъ центровъ (Flechsig), назначеніе которыхъ состоитъ во всесторонней переработкѣ впечатлѣній, хранящихся въ памяти.

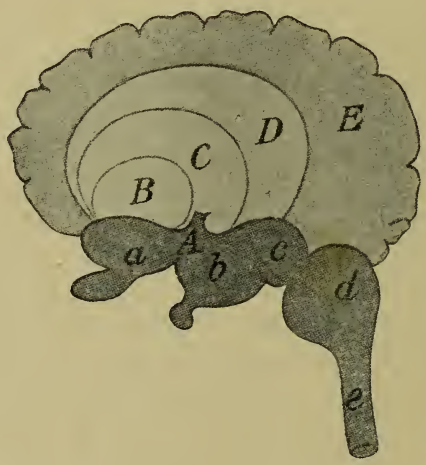
Все дальнѣйшее развитіе животнаго царства до человѣка включительно сводится, главнымъ образомъ, къ увеличенію передняго или большого мозга и расширенію его дѣятельности. Данныя сравнительной анатоміи и сравнительной психологіи показываютъ, что весь успѣхъ духовнаго развитія въ классѣ животныхъ связанъ съ развитіемъ этой именно части мозга: валовое увеличеніе массы мозга у позвоночныхъ происходитъ почти исключительно за счетъ увеличенія

---

[1]) Edinger. Neue Studien über d. Grosshirn der Reptilien. 1896.

передняго мозга, который, составляя у рыбъ (см. фиг. 1-я) незначительную часть общей массы мозга, у животныхъ выше стоящихъ (амфибій, птицъ, млекопитающихъ) настолько перевѣшиваетъ другія части мозга, что ему, по справедливости, присвоили названіе большого мозга (см. фиг. 2-ю). Въ количественномъ отношеніи этотъ замѣчательный фактъ выражается нижеслѣдующими цифрами (Gratiolet). Масса мозга относится къ массѣ тѣла животнаго:

у рыбы какъ	1 : 5568
у амфибій какъ	1 : 1331
у птицъ какъ	1 : 212
у млекопитающихъ	1 : 186
у человѣка какъ	1 : 50 и даже какъ 1 : 40



Фиг. 2. Мозгъ позвоночныхъ.
a, b, c, d, e — видъ сбоку тѣхъ частей, какія на фиг. 1-й видны сзади. A—большой мозгъ рыбы, B—амфибіи, C—птицы, D—млекопитающаго. E—человѣка.

Въ самой массѣ большого мозга впослѣдствіи, путемъ диффенцированія (обособленія), выдѣлились два существенно различные между собой психическіе органа или центра – одинъ, предназначенный для воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра (означенъ на рисункѣ краснымъ цвѣтомъ) и другой (обозначенъ зеленымъ)—для переработки впечатлѣній въ психическіе акты. Органы, назначенные для воспріятія внѣшняго міра, Флексигъ назвалъ чувственными

центрами, тѣ же, которые назначены для переработки впечатлѣній, онъ назвалъ высшими центрами, психическими центрами, ассоціативными центрами, центрами духовной жизни. Чувственныхъ центровъ столько, сколько и внѣшнихъ органовъ чувствъ, отсюда—зрительный чувственный центръ, слуховой чувствен-

Фиг. 3. Схематическое изображеніе Флексиговыхъ центровъ въ мозговой корѣ.

A—Сфера осязательная и общаго чувства.
B—Зрительная сфера.
C—Слуховая сфера.
D—Центръ рѣчи.
E—Передній ассоціативный центръ.
F—Задній ассоціативный центръ.

ный центръ, осязательный, обонятельный и вкусовой. (Всѣ обозначены на фиг. 3-й краснымъ цвѣтомъ). Въ свою очередь высшіе центры подраздѣляются на два отдѣла: передній или малый ассоціативный центръ и задній или большой ассоціативный центръ (оба обозначены на фиг. 3-й зеленымъ цвѣтомъ). Задній ассоціативный центръ перерабатываетъ впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшняго міра, а передній подобнымъ же образомъ

перерабатываетъ впечатлѣнія, получаемыя индивидуумомъ отъ собственнаго тѣла. Наблюденія надъ больными показываютъ, что если заболѣваютъ или разрушаются чувственные центры (напр., зрительный, слуховой), то субъектъ становится слѣпымъ, глухимъ и пр.

Если же болѣзненнымъ процессомъ поражаются высшіе ассоціативные или духовные центры (зеленыя поля фигуры), то въ этомъ случаѣ субъектъ теряетъ способность понимать полученныя впечатлѣнія, напр., видя брата или слыша голосъ сестры, не узнаетъ ихъ, не помнитъ ихъ и относится къ нимъ, какъ къ чужимъ. Изъ этихъ примѣровъ видно значеніе чувственныхъ и ассоціативныхъ центровъ. Два высшіе центра являются представителями какъ объективнаго познанія (задній асс. центръ), такъ и субъективнаго познанія (передній асс. центръ). Объединеніе дѣятельности передняго и задняго ассоціативныхъ центровъ составляетъ необходимое условіе для возникновенія сознанія и воли.

У человѣка высшіе центры (ассоціативные) очень развиты и занимаютъ $^2/_3$ всего объема мозга (Flechsig), между тѣмъ, у животныхъ они составляютъ только незначительную часть всей мозговой массы. Такимъ обр. уже по одному строенію своего тѣла, человѣкъ есть, по преимуществу, мыслящее существо, тогда какъ животныя скорѣе могутъ быть названы существамм смотрящими, слушающими, обоняющими и т. п., но всего менѣе мыслящими.

2. Психологія животныхъ.

На низшей ступени жизни психическія явленія трудно отдѣлимы отъ физіологическихъ, или по крайней мѣрѣ, ихъ невозможно распознать. Изслѣдованіе этой области едва началось (Verworn и др.). Въ виду этого приходится пройти мимо всю обширную область низшей жизни (Protozoa, Coelenterata, Echinodermata). Остановимъ наше вниманіе только на выше стоящихъ животныхъ и остановимся на разборѣ нѣкоторыхъ образцовъ той жизни, гдѣ психическія явленія уже вполнѣ очевидны.

а) Черви.

Съ своей точки зрѣнія человѣкъ относится съ презрѣніемъ къ червю, какъ существу, которое въ умственномъ отношеніи стоитъ

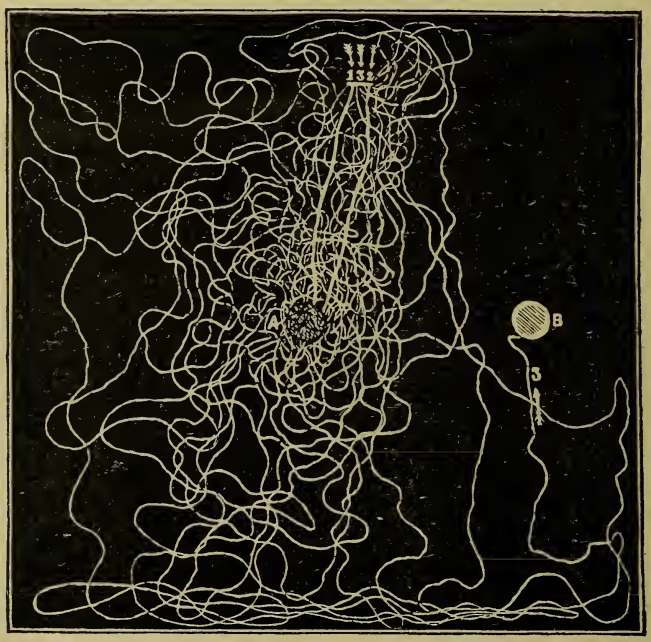
столь низко, что не можетъ защищать свою жизнь, не понимаетъ опасности и не спасается отъ нея. Причина послѣдняго явленія лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что у многихъ червей еще нѣтъ другихъ органовъ чувствъ, кромѣ осязанія: червь только ощупью чувствуетъ внѣшній міръ и приходитъ въ движеніе только тогда, когда что либо касается его кожи непосредственно. Но не обладая ни глазомъ, ни ухомъ, червь совершенно лишенъ возможности чувствовать внѣшній міръ издалека, понимать приближающуюся опасность. Но уже у нѣкоторыхъ видовъ червей появляются глазоподобныя пятна, т. е. кучки темнаго пигмента, разсѣянныя въ кожѣ и способныя удерживать лучи свѣта и тепла, давая червямъ зачаточную, примитивную возможность чувствовать внѣшній міръ издалека. Такимъ образомъ, у презираемаго человѣкомъ червя, впервые въ животномъ царствѣ, совершается эволюція органовъ чувствъ—развитіе высшихъ органовъ изъ низшихъ.

Важное значеніе обладанія болѣе развитыми органами чувствъ выясняется всего лучше на примѣрѣ двухъ типовъ животныхъ—однихъ, у которыхъ глазъ устроенъ элементарно, т. е. глазъ неподвиженъ—лишенъ движущаго мышечнаго аппарата, и—другихъ, гдѣ глазъ снабженъ мышцами. Животныя послѣдняго типа могутъ имѣть понятіе о движеніи предметовъ, потому что ихъ подвижной глазъ перемѣщается за движущимся предметомъ, или, по крайней мѣрѣ, принимаетъ его послѣдовательно на различныя фасетки роговой оболочки, какъ это видимъ въ сложномъ глазѣ насѣкомыхъ. Оттого эти животныя имѣютъ нѣкоторое понятіе о приближеніи къ нимъ предмета и способны удаляться отъ преслѣдованія; но другія животныя (черви), съ своимъ неподвижнымъ глазомъ, не могутъ имѣть никакого понятія о движеніи предмета въ направленіи къ нимъ и потому не убѣгаютъ отъ враговъ, даже рискуя быть раздавленными. Въ силу этого червь легко можетъ быть пойманъ, а муравей или бабочка спасаются бѣгствомъ, не даются въ руки.

б) Муравей.

Муравей обладаетъ всѣми пятью органами чувствъ и соотвѣтственнымъ числомъ нервныхъ центровъ; поэтому муравью доступны всѣ тѣ внѣшнія воздѣйствія, которыя воспринимаются и высшими животными. Своей неутомимой дѣятельностью муравей

привлекъ особое вниманіе человѣка. Столько же заслуживаютъ вниманія необыкновенные инстинкты, которые выработалъ муравей въ отношеніи устройства жилищъ и организаціи общественной жизни. Между насѣкомыми муравей имѣетъ самый большой мозгъ по сравненію съ размѣрами тѣла. Муравей заслуженно получилъ названіе „*психическаго атома*“, такъ какъ у него впервые встрѣчаемъ



Фиг. 4. Путь, пройденный муравьемъ при отысканіи куколки.

душу со всѣми ея главнѣйшими свойствами, т. е. пятью органами чувствъ, сложными инстинктами, однимъ высшимъ чувствомъ и необыкновенно подвижной дѣятельностью. Наблюденія, сдѣланныя надъ образомъ жизни и душевными качествами муравья (Дж. Леббокъ) [1]), показали, что муравей обладаетъ короткой памятью, длящейся не болѣе нѣсколькихъ дней, послѣ чего онъ забываетъ то, что узналъ. Въ этомъ кроется причина крайней огра-

[1]) Джонъ Леббокъ. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Пер. Аверкіева. Спб., 1884.

ниченности индивидуальнаго психическаго развитія муравья и другихъ животныхъ, имѣющихъ короткую память.

Обладая пятью органами чувствъ, муравей фактически пользуется почти только однимъ—обоняніемъ, которое играетъ у него первую роль: обоняніемъ муравей опредѣляетъ путь, пройденный товарищами, отыскиваетъ пищу, разыскиваетъ куколокъ. Джонъ Леббокъ наблюдалъ муравьевъ, ходившихъ за куколками, положенными на верхушкѣ карандаша А, воткнутаго въ землю (См. фиг. 4-ю). Муравьи ходили отъ гнѣзда къ карандашу ближайшимъ путемъ, который показанъ бѣлыми толстыми линіями; но когда наблюдатель (пока муравей былъ въ гнѣздѣ) перенесъ карандашъ съ точки А въ точку В, то муравей, придя въ точку А и не заставъ здѣсь карандаша съ куколкой, но чуя обоняніемъ ихъ близость, началъ кружить вокругъ мѣста, гдѣ карандашъ стоялъ, и въ поискахъ исколесилъ путь, показанный тонкой бѣлой линіей. Если бы муравей руководился зрѣніемъ, онъ тотчасъ замѣтилъ бы торчавшій карандашъ и на немъ куколку, и ему не пришлось бы понапрасно пройти огромный путь и затратить безполезно колоссальную энергію на передвиженіе при неудачныхъ поискахъ.

Муравьи въ своихъ переходахъ умѣютъ сохранять разъ принятое направленіе и если площадь, по которой они движутся (напримѣръ, тихо вертящійся картонный кружокъ), слегка уклоняется въ сторону,—муравей продолжаетъ вѣрно держать свой путь: въ этомъ случаѣ онъ руководится, очевидно, памятью разъ принятаго направленія.

Муравьи не знаютъ другъ друга лично (личное знакомство основано, главнымъ образомъ, на зрительныхъ впечатлѣніяхъ, а эти впечатлѣнія, какъ мы уже видѣли, слабы у муравьевъ); но жильцовъ своего гнѣзда муравьи отличаютъ отъ „чужаковъ“ по запаху. Нѣкоторые опыты произведены надъ муравьями съ цѣлью опредѣлить ихъ умъ, т. е. ихъ способность установить (на основаніи новыхъ впечатлѣній) рядъ новыхъ ассоціацій для рѣшенія конкретной задачи; оказалось, что муравьи очень тупоумны. Джонъ Леббокъ давалъ, напримѣръ, муравью такую простую задачу: перекладинку, по которой муравей ходилъ, онъ разрѣзалъ на двѣ части и одну часть опустилъ нѣсколько ниже другой, такъ что образовался разрывъ пути—родъ ступеньки, и надлежало спрыгнуть внизъ или придумать что либо, напримѣръ, подложить какой нибудь пред-

метъ или принести нѣсколько земли и подсыпать для выполненія промежутка. Муравьи рѣшительно не могли дойти до этого своимъ умомъ, несмотря на ихъ отличное знакомство со строительнымъ дѣломъ, съ установкой подпоръ и подставокъ въ ихъ подземельяхъ. Очевидно, что операція узнаванія новыхъ условій и дѣланія новыхъ выводовъ рѣшительно недоступны уму муравья. Муравей силенъ только въ тѣхъ умственныхъ актахъ и дѣйствіяхъ, которые входятъ въ составъ инстинкта и которые заучены вѣковой практикой, но за этими предѣлами его умъ безсиленъ, и область индивидуальнаго развитія ему почти недоступна.

Муравьи обладаютъ въ зачаткѣ высшими чувствами. Потерявшаго ногу или увязшаго муравья товарищи тащутъ въ гнѣздо, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, муха смотритъ безучастно на гибнущую, подобную ей, муху и не только не оказываетъ ей помощи, но проходитъ мимо и ничѣмъ не обнаруживаетъ, что она понимаетъ несчастье и сочувствуетъ страждущему. У муравьевъ развито чувство гнѣва: драки ихъ между собою и съ „чужаками“ необыкновенно жестоки и возникаютъ легко. Чувство страха не выражено ясно. Хотя муравей убѣгаетъ отъ опасности, но, повидимому, значительной эмоціи не испытываетъ.

в) Пчелы.

Подобно муравью, пчела имѣетъ всѣ пять органовъ чувствъ. Въ отличіе отъ муравья, пчела, въ своемъ душевномъ обиходѣ, руководится не только обоняніемъ, но и зрѣніемъ. Въ перелетахъ, передвиженіяхъ и дальнихъ экскурсіяхъ пчела пользуется зрѣніемъ, зрительными представленіями и зрительной памятью; она замѣчаетъ нѣкоторые выдающіеся предметы (деревья, кусты) и по нимъ запоминаетъ путь къ улью и отъ него. Пчела различаетъ цвѣта (на полоскахъ изъ цвѣтной бумаги или матеріи разныхъ цвѣтовъ пчелы садятся съ различной частотой), предпочитая одни цвѣта другимъ. Подобно тому, какъ и у муравья, обоняніе (т. е. обонятельное воспріятіе и обонятельная память) играетъ у пчелъ, какъ, вообще, у низшихъ животныхъ, роль перваго и важнѣйшаго органа: обоняніемъ пчелы узнаютъ „своихъ“, отличаютъ ихъ отъ „чужаковъ“. Бѣдность ума пчелы, какъ и ума муравьинаго, выясняется изъ того факта, что пчелѣ недоступна способность личнаго

знакомства съ товарищами по улью: существуетъ только суммарное, валовое различеніе „своихъ отъ чужихъ“, руководимое чувствомъ обонянія. Если пчелу лишить обонянія, напримѣръ, окурить дымомъ или опрыскать ароматнымъ веществомъ,—пчела потеряетъ обоняніе на нѣсколько часовъ или дней, и тогда возможно соединить два роя, безъ риска вызвать между ними столкновенія и драки. Пчелы, какъ и муравьи, почти глухи. Память у пчелы коротка: арестованная на нѣсколько дней—на недѣлю, пчела, какъ и муравей, не найдетъ болѣе пути домой, не узнаетъ своего улья и своихъ; равнымъ образомъ возвращенную въ улей изъ ареста пчелу, послѣ продолжительнаго (8—10 дней) отсутствія, свои не узнаютъ и относятся, какъ къ чужой; но три, четыре дня пчела узнаетъ своихъ, и свои узнаютъ ее. Однако же, въ предѣлахъ инстинкта, память продолжается до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ и у муравья. Направленіе движенія пчела сохраняетъ въ совершенствѣ.

г) Паукъ.

Паукъ обладаетъ пятью органами чувствъ. Независимо отъ обонянія, развитаго у паука, какъ у всѣхъ животныхъ (пищу отличаетъ отъ несъѣдобныхъ предметовъ обоняніемъ), у паука особенно тонко развито осязаніе, т.е. осязательное и стереогностическое воспріятіе.

Посредствомъ осязанія паукъ опредѣляетъ вибраціи воздуха и всякое прикосновеніе къ его паутинѣ и пр. О паукѣ разсказываютъ наблюдатели-любители, что онъ любитъ музыку, но о музыкальности у паука не можетъ быть и рѣчи; онъ воспринимаетъ лишь вибраціи, напримѣръ, камертона, и, слѣдовательно, дѣло идетъ только объ осязательныхъ, но не слуховыхъ перцепціяхъ. Камертонъ непріятенъ пауку, отъ звуковъ камертона паукъ прячется въ глубину своей паутины, какъ отъ опасности, но вибраціи камертона воспринимаетъ только, какъ воздушныя колебанія, а не какъ музыку.

Въ постройкѣ паутины паукъ проявляетъ тонкій строительный инстинктъ; не менѣе тонко у паука и пониманіе механическихъ условій передвиженія по паутинѣ, подъема грузовъ (по діагонали, а не вертикально) и т. п. Но за предѣлами спеціальной постройки своей паутины, умъ паука остается ограниченнымъ, какъ и умъ муравья, и какія либо иныя новыя формы архитектурныхъ сооруже-

ній пауку рѣшительно недоступны: паутинная сѣть составляетъ первое и послѣднее слово его зодческаго творчества.

Изъ чувствъ у паука классически развиты аггрессивный инстинктъ и гнѣвъ; страхъ также совершенно ясно выработанъ у паука и заставляетъ его быстро прятаться въ глубину паутину при опасности.

д) Рыбы.

По своей душевной организаціи рыба не превосходитъ муравья и пчелы отдѣльными сторонами своей души, быть можетъ, даже уступаетъ имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но рыба развита въ умственномъ смыслѣ всестороннѣе, тогда какъ муравей и пчела отличаются узкой односторонней геніальностью, представляя изъ себя какъ бы родъ курьезнаго, смѣлаго этюда, созданнаго природой въ качествѣ пробы. У рыбы развиты всѣ органы чувствъ, и она пользуется равномѣрно всѣми (не то, что паукъ, муравей, пчела, которые руководятся однимъ излюбленнымъ органомъ при другихъ не примѣняемыхъ къ дѣлу органахъ, какъ бы существующихъ только въ родѣ программы для пользы будущихъ поколѣній, но не для даннаго индивидуума).

Значительный умственный уровень рыбы лучше всего выясняется изъ того факта, что рыбу можно пріучать, давая ей уроки впечатлѣній, напримѣръ, по звонку можно приглашать къ корму. Здѣсь звонъ, видъ пищи и ѣда связываются въ умѣ рыбы въ одну общую умственную цѣпь, и первый членъ этого ассоціативнаго ряда (звонъ — сигналъ) вызываетъ за собою въ умѣ рыбы другіе члены (т. е. представленіе о пищѣ, представленіе о мѣстѣ выдачи порціи, представленіе о движеніи въ направленіи къ пищѣ). Въ пріученіи рыбы приходитъ за пищей по звонку мы встрѣчаемся съ новымъ душевнымъ явленіемъ — индивидуальнаго психическаго опыта и развитія. Это явленіе въ такихъ размѣрахъ и съ такой отчетливостью впервые встрѣчается въ животномъ царствѣ въ классѣ рыбъ. Оно основано на существованіи у рыбъ зачатковъ большого мозга — спеціальнаго органа ассоціативныхъ функцій, допускающаго индивидуальный опытъ и развитіе (см. выше стр. 6—7). Въ связи съ этимъ, рыба обладаетъ не только расовымъ опытомъ, какъ низшія животныя, но и опытомъ индиви-

дуальнымъ; рыба въ теченіе короткаго времени можетъ обучиться и усвоить себѣ тѣ мыслительные ряды, ту послѣдовательность впечатлѣній, для закрѣпленія которыхъ низшимъ животнымъ требуются цѣлые вѣка и смѣны поколѣній.

Память рыбъ обнимаетъ собою многіе мѣсяцы. Рыба имѣетъ эстетическія чувства—любитъ свѣтъ.

е) Земноводныя (амфибіи).

Въ анатомическомъ и психическомъ отношеніи амфибіи стоятъ выше рыбъ. Онѣ обладаютъ ясно выраженнымъ и имѣющимъ значительный объемъ большимъ мозгомъ (см. фиг. 2-ю на стр. 8-й) по сравненію съ мозгомъ рыбы. Животная организація въ классѣ амфибій впервые получаетъ надлежаще сформированный по величинѣ спеціальный органъ для высшихъ духовныхъ отправленій. Въ связи съ этимъ у амфибій впервые встрѣчаемъ высшія проявленія душевной жизни: зачатки эстетическаго чувства (пониманіе музыки), долгую память, широкую способность индивидуальнаго умственнаго развитія, что сказывается ясно въ легкой дрессировкѣ змѣй и, въ особенности, въ томъ фактѣ, что у амфибій, впервые въ животномъ царствѣ, замѣчается способность къ личному знакомству (узнаваніе людей, привязанность къ нимъ). При такихъ основныхъ условіяхъ, амфибіямъ доступно болѣе, чѣмъ предыдущимъ классамъ животныхъ, приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ, т. е. сообразованіе индивидуальной жизни и ея требованій съ условіями среды и пользованіе этими условіями для цѣлей жизни. Амфибіи впервые въ животномъ царствѣ предчувствуютъ приближающееся землетрясеніе, т. е. воспринимаютъ уже слабыя вибраціи почвы, недоступныя даже человѣку безъ помощи сейсмографа, и принимаютъ мѣры къ спасенію отъ грядущей бѣды.

Какъ на интересную особенность амфибій можно указать на существованіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ термоптическаго глаза, т. е. такого органа, расположеннаго на головѣ (на темени), который даетъ животному возможность опредѣлить совмѣстно силу освѣщенія и степень нагрѣванія. Это переходной органъ, который у другихъ животныхъ раздѣленъ между глазомъ (свѣтоощущеніе) и кожей (теплоощущеніе).

ж) Птицы.

Въ царствѣ птицъ душевныя качества уже очень высоки; въ зачаткѣ, птицы обладаютъ всѣмъ, что свойственно человѣку. Продолжительность памяти у птицы, во всякомъ случаѣ, провосходитъ годичный срокъ (вернувшаяся съ перелета птица узнаетъ свое старое гнѣздо); это уже огромный шагъ въ дѣлѣ душевнаго развитія, такъ какъ однимъ этимъ обезпечивается возможность накоплять личный опытъ и, такимъ образомъ, ускорять и расширять ходъ индивидуальнаго духовнаго развитія. Продолжительная память даже даетъ возможность птицамъ, долго живущимъ, какъ, напримѣръ, попугаю, обучиться начаткамъ членораздѣльной рѣчи (имитація рѣчи). У птицъ впервые хорошо развиты тѣ душевныя качества, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ жизни, а служатъ только для цѣлей психическаго прогресса, какъ, напримѣръ, эстетическое чувство, нравственное чувство и пр. Эти чувства и эти акты указываютъ на существованіе въ нервной системѣ обширныхъ запасовъ свободной нервной энергіи, которая, за удовлетвореніемъ всѣхъ насущныхъ нуждъ, расходуется на чистое усовершенствованіе самой нервно-психической организаціи (Гефдингъ). Такимъ образомъ, въ классѣ птицъ впервые встрѣчаемся съ истинными задатками чисто духовнаго развитія.

Эстетическія чувства развиты у птицъ въ отношеніи высшихъ впечатлѣній (зрительныхъ, слуховыхъ). Птицы любятъ цвѣта, любуются ими и цѣнятъ ихъ другъ въ другѣ; столько же онѣ понимаютъ и цѣнятъ звуки, расположенные въ ритмическомъ и мелодическомъ порядкѣ. Пѣніе нѣкоторыхъ птицъ, напримѣръ, соловья, удовлетворяетъ даже эстетическому вкусу человѣка. Птицы (нѣкоторыя) имѣютъ зачатки интеллектуальнаго чувства, напримѣръ, попугай („обезьяна пернатаго царства"), отдающійся изученію *рѣчи,* хотя эта функція не можетъ имѣть для него никакого практическаго значенія и является чистымъ интеллектуальнымъ упражненіемъ. Нравственныя чувства, въ животномъ царствѣ, впервые возникаютъ у птицъ. Птицы выработали бракъ, семейную жизнь, обнаруживаютъ идеальную привязанность другъ къ другу. (Эти чувства художественно изображены Тургеневымъ въ его „Стихотвореніяхъ въ прозѣ" въ разсказахъ: „Воробей"

и „Голуби“). Хорошо развитыя чувства птицъ лежатъ въ основаніи умственнаго прогресса и даютъ классу птицъ тотъ психологическій толчокъ къ личному усовершенствованію, котораго еще не замѣчается у животныхъ, ниже стоящихъ.

з) Млекопитающія.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ, изъ которыхъ можно извлечь принципіальныя разъясненія.

α) Летучая мышь.

Это животное обладаетъ столь тонкой осязательной чувствительностью, что даже съ выколотыми глазами можетъ летать по комнатѣ, переплетенной проволоками, не задѣвая ихъ своими перепончатыми крыльями; летучая мышь чуетъ близость предмета, какъ мы своимъ осязаніемъ чувствуемъ близость нагрѣтаго тѣла.

β) Лошадь.

Это животное помнитъ событія срокомъ до десяти лѣтъ, но сильныя впечатлѣнія, какія лошадь перенесла, не исчезаютъ у нея изъ памяти всю жизнь. На послѣднемъ фактѣ основанъ пріемъ укрощенія дикой лошади: пойманному на арканъ, стреноженному животному наносятъ удары кнутомъ по животу; это приводитъ лошадь въ такой паническій страхъ, отъ котораго она не освобождается всю жизнь, и помнитъ тяжелый урокъ. Событія, не связанныя со страхомъ, не остаются у лошади въ памяти на столь продолжительный срокъ.

γ) Быкъ.

Какимъ бы банальнымъ ни показалось наблюдателю это четвероногое,—не лишенъ глубокаго психологическаго интереса тотъ фактъ, что съ этимъ животнымъ впервые начинается въ зоологическомъ ряду чувство благоговѣнія. Это чувство сложнаго порядка состоитъ изъ синтетическаго объединенія чувствъ: страха, сочувствія и удивленія. Чувство благоговѣнія можно на-

блюдать у рогатаго скота на бойнѣ. Многія изъ животныхъ, ждущихъ своей очереди, глубоко понимаютъ приближеніе смерти и, испытывая чувство удивленія, вызванное неожиданностью событія,—испытывая также паническій страхъ, поддаются, однако, не этимъ двумъ чувствамъ, но гораздо болѣе—сочувствію къ товарищамъ, проливаемую кровь которыхъ они чуютъ своимъ обоняніемъ. Такимъ образомъ, у животнаго возникаетъ чувство благоговѣнія, и быкъ идетъ на смерть не въ безумномъ страхѣ, какъ другія животныя (свиньи, овцы), но съ возвышеннымъ чувствомъ въ душѣ, которое переполняетъ его въ эту трагическую минуту (авторомъ этихъ строкъ сдѣланы наблюденія на бойнѣ).

б) Слонъ.

При своемъ колоссальномъ тѣлѣ вѣсомъ до 4000 килограммовъ, слонъ обладаетъ необыкновенно тонкой чувствительностью и мышечнымъ чувствомъ. Его тяжелое, грузное тѣло, на толстыхъ ногахъ могло бы разбиться вдребезги при спускѣ съ крутыхъ скалъ, но именно тонкая мышечная чувствительность выручаетъ въ этомъ случаѣ слона. Его хоботъ такъ чувствителенъ и гибокъ, что его не даромъ называютъ „человѣческой рукой“.

Несмотря на свой необыкновенно долгій вѣкъ (до 400 лѣтъ), слонъ обладаетъ чрезвычайно долгой и точной памятью и узнаетъ чрезъ десятки лѣтъ человѣка, бывшаго его вожакомъ (Плиній). Подобно быку, слонъ обладаетъ высшими чувствами. Хотя онъ бываетъ мстителенъ, если его доводятъ до раздраженія несправедливостью, но, съ другой стороны, онъ великодушенъ, что является впервые въ животномъ царствѣ. Когда съ слономъ однажды жестоко обошлись его вожаки въ Лондонѣ, слонъ стерпѣлъ; но когда затѣмъ, желая загладить вину, вожакъ купилъ слону яблоки и подалъ, слонъ косо поглядѣлъ и, бросивъ яблоки на полъ, растопталъ ихъ въ кашу и швырнулъ отъ себя: онъ показалъ этимъ свое негодованіе, которое онъ сдерживалъ. Слонъ идетъ въ неволю за плѣнными дѣтенышами, чего не дѣлаютъ другія животныя, ставя личное благо выше любви къ дѣтямъ. Оставаясь въ неволѣ у людей, слонъ можетъ сдѣлаться нянькой человѣческимъ дѣтямъ, благодаря своей кротости. По своимъ нѣжнымъ чувствамъ слонъ приближается къ собакѣ, по своему уму—къ обезьянѣ.

ε) Собака.

Несмотря на то, что собака животное хищное, а не травоядное, какъ слонъ, она кротка, и у ней въ такой степени развиты нѣкоторыя высшія чувства, что, въ этомъ отношеніи, ей должно быть предоставлено первое мѣсто въ ряду животныхъ. Вѣрность собаки оцѣнена человѣкомъ и вошла въ пословицу. Такая вѣрность основана на силѣ и продолжительности эмоціональной памяти. Благодаря своему уму и нѣжнымъ чувствамъ (т. е. привязянности, вѣрности, кротости и легко наступающему чувству виновности), собака была первымъ прирученнымъ и домашнимъ животнымъ. Есть факты (остатки домашняго быта первобытнаго человѣка и его кухонныхъ кучъ), показывающіе, что собака была приручена не такъ, какъ другія животныя, т. е. не насиліемъ, но что она сблизилась съ человѣкомъ, по собственной иниціативѣ, довѣрилась ему и сумѣла оцѣнить его. Собакѣ свойственно чувство долга: становясь объектомъ вивисекціи, собака не защищаетъ свою жизнь до послѣдней крайности, какъ это дѣлаютъ другія животныя, но покоряется своему печальному долгу, подобно человѣку, идущему на казнь. Собака—единственное животное, которое человѣкъ приблизилъ къ себѣ до степени товарища и друга.

з) Обезьяна.

Обладая мозгомъ, равнымъ третьей части мозга взрослаго человѣка, или равнымъ мозгу новорожденнаго человѣческаго дитяти, обьзьяна всю жизнь остается, съ человѣческой точки зрѣнія, дитятей, недоумкомъ, несмотря на блестящія, по временамъ, умственныя проявленія. При маломъ мозгѣ, обезьянѣ, какъ и большей части животныхъ, не достаетъ средствъ подняться выше филогенетической высоты, свойственной обезьяньему роду съ отдаленныхъ временъ.

Чувство у обезьянъ, особенно чувство симпатіи, развито очень тонко: ихъ любовь къ своимъ дѣтенышамъ и забота о нихъ носятъ уже возвышенный отпечатокъ. Сила чувствъ у страдающей обезьяны велика и трогаетъ человѣка. Раненая охотникомъ обезьяна, особенно, если на ея рукахъ дѣтенышъ, показываетъ человѣку кровь и нѣжно обнимаетъ своего дѣтеныша, давая понять своими жестами, что она кротко укоряетъ человѣка, разлучающаго ее съ ея дѣ-

тенышомъ: въ предсмертный часъ она болѣе объята чувствомъ любви къ дѣтищу, чѣмъ гнѣвомъ и мстительностью къ своему убійцѣ. Это уже благородная, почти человѣческая смерть. Въ умственномъ отношеніи обезьяна отличается любопытствомъ и даже готова рисковать, не имѣя силъ подавить въ себѣ влеченіе къ новизнѣ. Подражательность обезьяны общеизвѣстна; ею обезьяна больше всего забавляетъ и смѣшитъ людей; это свойство указываетъ на свободу и подвижность процесса представленія и на яркость воспоминанія,—чѣмъ обезьяна приближается къ человѣку. Техника произвольныхъ движеній безукоризненна у обезьяны, ея ловкость изумительна. Но за то воля у обезьяны слаба, и это умное животное лишено силъ обуздать себя: обезьяна безумно жива, весела, подвижна и не обладаетъ той сдержанностью, которая необходима для психическаго прогресса. Можно сказать, что обезьяна психически тратится по мелочамъ и размѣнивается на мелкія части, теряясь для цѣлаго.

η) Душа животныхъ. Душа человѣка.

Человѣческій мозгъ равенъ у мужчинъ 1380, у женщины 1350 граммамъ (при меньшемъ ростѣ женщины). Наименьшій вѣсъ мозга у здороваго человѣка равенъ 900 граммамъ; ниже этого вѣса мозга умственныя способности уже являются недостаточными для человѣческаго существа: наступаетъ слабоуміе или идіотизмъ. Микроскопическое строеніе человѣческаго мозга способно поразить своими деталями самое развитое воображеніе. Мозгъ состоитъ, какъ и всѣ другіе органы человѣческаго тѣла, изъ отдѣльныхъ клѣточекъ, величина которыхъ такова, что онѣ замѣтны въ лупу при увеличеніи въ 10 разъ. Количество нервныхъ клѣточекъ въ мозгу достигаетъ колоссальной цифры 9,200,000,000 (H. Brandford Thomson). Еще болѣе поражается человѣческое воображеніе при мысли о громадномъ, почти невѣроятномъ, количествѣ проводящихъ путей мозга, связывающихъ между собою отдѣльныя нервныя клѣточки и центры. Общая длина проводящихъ путей превышаетъ десятки тысячъ километровъ (Флексигъ). Такимъ образомъ, если бы всѣ эти нити соединить въ одну общую длинную нить, то ею можно было бы опоясать земной шаръ по экватору. Какова же можетъ быть сложность работы въ этомъ грандіозномъ аппаратѣ!

Крупные размѣры человѣческаго мозга въ сравненіи съ мозгомъ животныхъ (см. фиг. 2-ю на стр. 8-й) разъясняютъ количественную сторону психическихъ явленій у человѣка и животныхъ. Однако же, главное и существенное отличіе человѣческой души отъ души животныхъ кроется не въ количественныхъ отношеніяхъ, но въ качественныхъ. Человѣкъ не только глубоко, но принципіально отличается отъ животныхъ по своимъ душевнымъ способностямъ. Хотя эта разница очевидна для всякаго, но она не была научно формулирована и, благодаря этому, душа животныхъ то слишкомъ переоцѣнивалась, то ставилась очень низко. Сущность дѣла удобнѣе представить на примѣрахъ. Паукъ такъ математически тонко строитъ свою паутинную сѣть, что, казалось бы, съ этой опытностью легко итти дальше въ системѣ построеній. Или соловей: онъ такъ художественно поетъ, что и человѣческая эстетика восхищается этимъ пѣніемъ. Въ свою очередь, собака обнаруживаетъ столь высокія нравственныя качества (вѣрность до смерти, долгъ, привязанность), что, казалось бы, животное обладаетъ всѣмъ, что необходимо, для дальнѣйшаго крупнаго усовершенствованія, а между тѣмъ этого усовершенствованія нѣтъ. И таковы всѣ животныя: они—существа глубоко одностороннія: паукъ ничего не можетъ сдѣлать больше своей традиціонной сѣти, соловей не можетъ спѣть иной аріи, кромѣ единственной, и не только здѣсь невозможенъ прогрессъ индивидуальный, но даже филогенетическіе успѣхи на протяженіи вѣковъ мало замѣтны. Собака, проявляя высокія чувства, лишена, въ то же время, стыда, не имѣетъ даже зачатковъ этого чувства, и человѣкъ не безъ основанія называетъ цинизмомъ, т. е. по имени собаки (κύων, собака), проявленія самыхъ тяжелыхъ видовъ безстыдства у представителей людского рода. У человѣческаго существа подобной душевной узости не замѣчается: изучившій одну пѣсню можетъ спѣть ихъ десятокъ и сотню, умѣющій сплесть одну сѣть сплететъ и множество варьянтовъ ея, обладающій одними чувствами—не лишенъ и другихъ. Сущность этого глубокаго различія двухъ психологій—психологіи человѣка и психологіи животныхъ—состоитъ въ томъ, что животныя имѣютъ не душу, а такъ сказать отдѣльные этюды ея. Душа животныхъ—это художественный музыкальный ящикъ, который можетъ сыграть *одну только арію*, если его завести, если ему дать толчокъ извнѣ. Самое большее—если въ этомъ инструментѣ содержатся механизмы для

нѣсколькихъ пьесъ! Душа человѣка устроена на подобіе музыкальнаго ящика съ *безконечно большимъ числомъ регистровъ,* притомъ съ широкой возможностью, путемъ многихъ перестановокъ, варьировать регистры и получать неисчислимое количество новыхъ пьесъ, тонкихъ работъ, невиданныхъ новыхъ комбинацій. Душа животныхъ сильна только въ границахъ инстинкта (ѣда, сонъ, родовая функція), гдѣ возбудимость чувствительныхъ и двигательныхъ механизмовъ почти такъ велика, какъ у человѣка, и гдѣ воспріятіе впечатлѣнія и распознаваніе его происходитъ быстро, отчетливо и также быстро и точно слѣдуетъ двигательная реакція; но за предѣлами инстинктовъ, т. е. *этихъ немногихъ пьесъ музыкальнаго ящика* жизни, нервная система имѣетъ жалкія свойства. У человѣка всѣ отдѣлы нервной системы, какъ входящіе въ цѣпь инстинктовъ, такъ и не входящіе, развиты одинаково полно и совершенно.

Долгая память (на всю жизнь), тонкій подвижный ассоціативный механизмъ, всѣ виды чувствъ, а не образцы ихъ (какъ у собаки)—вотъ принципъ человѣческой души: отнимите у человѣка стыдъ или иное чувство, и онъ обратится въ нравственнаго идіота—въ животное. Но полнота развитія всѣхъ сторонъ и всѣхъ отдѣловъ души обезпечиваетъ ея человѣчность. Души же различныхъ животныхъ—это какъ бы рядъ пробныхъ этюдовъ и набросковъ для будущей, имѣющей когда то прійти, души. Такой душой, поистинѣ, является человѣческая душа. Въ ней сконцентрированы, объединены и развиты всѣ отдѣльные этюды, образцы которыхъ въ зачаткѣ заложены въ душѣ животныхъ.

В. Развитіе и измѣненіе души съ возрастомъ.

Величайшіе мыслители—Аристотель и Платонъ, Спиноза и Кантъ—были нѣкогда дѣтьми, говоритъ Геккель, и ихъ всеобъемлющая міровая душа развивалась медленно, постепенно проходя обычный путь безпомощнаго мышленія младенца. Этотъ путь богатъ высшимъ интересомъ и способенъ возбуждать глубокія чувства у наблюдателя-психолога.

Душа новорожденнаго, неустанно развиваясь, превращается въ душу ребенка; душа дѣтская путемъ колоссальнаго напряженія силъ

преобразовывается въ душу юноши, затѣмъ становится душой взрослаго человѣка, а въ преклонномъ возрастѣ—душою старца. Согласно принятому нами плану, мы остановимся, главнымъ образомъ, на первыхъ періодахъ жизни и душевнаго развитія, а послѣдующихъ періодовъ коснемся лишь въ общихъ чертахъ, насколько это необходимо для разъясненія и освѣщенія главной темы.

Весь циклъ психической эволюціи человѣка обыкновенно раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

I. Душа въ возрастѣ перваго дѣтства (отъ рожденія до 7 лѣтъ).

II. Душа въ возрастѣ второго дѣтства или отрочества (отъ 7 до 14 лѣтъ).

III. Душа юноши (отъ 14—22 лѣтъ).

IV. Зрѣлая человѣческая душа.

V. Душа старца.

I. Душа въ возрастѣ перваго дѣтства.

Согласно ходу нервно-психическаго развитія ребенка, мы считаемъ естественнымъ подраздѣлить возрастъ перваго дѣтства на слѣд. періоды:

1. Душа новорожденнаго, или душа младенца.
2. Три первые мѣсяца по рожденіи на свѣтъ.
3. Отъ четвертаго до десятаго мѣсяца жизни.
4. Конецъ перваго и начало второго года жизни.
5. Отъ второго до шестого года жизни.

Каждый изъ этихъ періодовъ разсмотримъ послѣдовательно, описавъ главные отличительные признаки и способъ перехода къ слѣдующей высшей ступени душевной жизни. При этомъ вкратцѣ будетъ указано на уклоненія отъ правильнаго хода нервно-психическаго развитія и на причины такихъ уклоненій.

1. Душа новорожденнаго.

Разсмотрѣвъ главнѣйшіе факты изъ великой книги природы касательно тѣлеснаго и душевнаго прогресса, какъ онъ выражается въ явленіяхъ жизни животныхъ, обратимся теперь къ человѣческому дитяти. Здѣсь также мы будемъ разсматривать параллельно два

разряда явленій: тѣлесную организацію и душевныя качества. Прежде всего вниманіе наблюдателя должно быть обращено на лицо дитяти и на весь его внѣшній видъ. Если по отношенію къ возрасту мы усматриваемъ связь между физическими и нравственными качествами и говоримъ, что лицо есть зеркало души, то въ отношеніи ребенка можно утверждать, что все его тѣло, до извѣстной степени, рисуетъ перспективу его души. Въ этомъ смыслѣ необходимо придать значеніе нижеслѣдующимъ фактамъ.

Если тѣло ребенка сформировано нормально; если вѣсъ его тѣла доходитъ приблизительно до цифры 3275 граммовъ (у мальчика) или 3210 грамовъ (у дѣвочки); если окружность головки по линіи, проведенной чрезъ выдающіяся части лба и затылка, доходитъ до 345 миллиметровъ, а продольный діаметръ головки (отъ межбровной точки до затылочнаго бугра) до 176 мил., что соотвѣтствуетъ вѣсу мозга 460 граммовъ; если на тѣлѣ не замѣчается никакихъ уродливостей (заячья губа, неполное число пальцевъ на ручкахъ или ножкахъ, или, наоборотъ, лишнее число пальцевъ, крупныя родимыя пятна); если вообще въ тѣлесномъ развитіи не замѣчается никакихъ недостатковъ и уродливостей; то все это, вмѣстѣ взятое, предвѣщаетъ нормальный ходъ психическаго развитія ребенка. Впрочемъ, и дѣти съ нѣкоторыми физическими недостатками не всегда лишены возможности нормальнаго душевнаго развитія. Независимо отъ наглядныхъ и явныхъ знаковъ болѣзненной наслѣдственности, существуетъ еще такъ называемая скрытая болѣзненная наслѣдственность, которая переходитъ отъ родителей и предковъ на дѣтей и потомковъ; она также можетъ затруднить психическое развитіе дитяти. Этого рода наслѣдственность выражается въ функціональныхъ разстройствахъ (напр., въ особой возбудимости сосудистыхъ нервовъ, въ идіосинкразіяхъ, недостаткахъ характера и проч.).

Согласно принятому нами плану, при рѣшеніи вопроса о душѣ новорожденнаго необходимо начать съ фактовъ анатомическихъ и физіологическихъ. Въ данномъ случаѣ эти факты содержатъ весьма важныя указанія. Прежде всего надлежитъ придать особенную оцѣнку тому обстоятельству, что у новорожденнаго развиты только низшіе нервные центры, именно центры такъ называемой растительной жизни, т. е. продолговатый мозгъ съ прилегающими частями и органы чувствъ; изъ центровъ же памяти и разума (большой, или передній мозгъ) развиты только обонятельные и вкусовые центры, но осталь-

ные (зрительные и слуховые центры) еще не готовы къ дѣятельности; высшіе же центры (центръ душевной или ассоціативной жизни) находятся въ зачаткахъ своего развитія. Эти основные факты для психологіи дѣтскаго возраста иллюстрированы Флексигомъ въ самой наглядной формѣ [1]). Для этого, какъ уже было сказано выше, стр. 3, Флексигъ, воспользовавшись методомъ микрохимическихъ реакцій, приготовилъ анатомическіе препараты изъ большого мозга разныхъ періодовъ; въ этихъ препаратахъ, благодаря сродству химическаго реактива съ мозговой тканью, всѣ части мозга, готовыя и дѣятельныя, окрашивались въ черный цвѣтъ, тѣ же, которыя еще не развились, оставались бѣлоснѣжными. Этимъ путемъ вопросъ о степени развитія нервныхъ центровъ разрѣшается положительно.

Наблюденія надъ проявленіемъ психической жизни у новорожденнаго показываютъ, что, въ зависимости отъ степени развитія мозговыхъ центровъ, однѣ психическія функціи вполнѣ развиты, другія, напротивъ, вовсе незамѣтны или развиты весьма слабо. Анатомическіе и психологическіе факты оказались въ согласіи.

Капитальные психологическіе выводы, которые вытекаютъ изъ изслѣдованій Флексига надъ мозгомъ, нашли себѣ рѣшительнѣйшее подтвержденіе въ физіологическихъ опытахъ проф. Гольца (Goltz). Объ этихъ опытахъ необходимо сказать, хотя бы въ краткихъ чертахъ. Психологическое значеніе интересныхъ открытій Гольца еще и доселѣ недостаточно оцѣнено, и только Флексигъ первый опредѣлилъ ихъ важность для физіологіи и психологіи. Проф. Гольцъ, какъ извѣстно, удалялъ у взрослой собаки головной мозгъ (собственно, большія полушарія) посредствомъ операціи разрушенія и вымыванія мозга быстрой струей воды, которую онъ вводилъ чрезъ просверленное отверстіе въ черепѣ, предоставляя ей вытекать чрезъ другое подобное отверстіе. Такимъ путемъ у собаки былъ удаленъ почти весь головной мозгъ. Полученныя такимъ путемъ безмозглыя собаки (hirnlose Thiere—какъ выражался Гольцъ) были предметомъ продолжительныхъ наблюденій Гольца и были нѣсколько разъ показываемы Гольцемъ на медицинскихъ съѣздахъ. Многія собаки, конечно, гибли при такихъ опытахъ, но нѣкоторыя переживали экспериментъ и, оправившись, продолжали жить, но уже совершенно иной душевной жизнью. Наиболѣе замѣчательная изъ Голь-

---

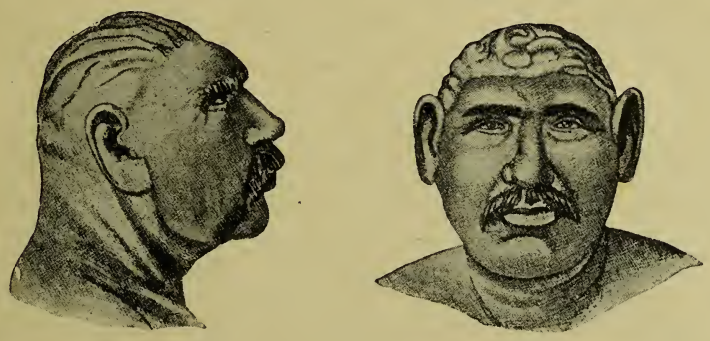
[1]) Flechsig. Gehirn und Seele. Leipzig. 1896.

цевыхъ собакъ была та, которой Гольцъ 27 іюня и 13 ноября 1888 года уничтожилъ лѣвое полушаріе мозга, а 17 іюня 1890 года—правое, послѣ чего собака оправилась, продолжала жить, была подробно наблюдаема въ нервно-психическомъ отношеніи и была затѣмъ убита 31 декабря 1891 года, проживши полтора года безъ обоихъ большихъ полушарій мозга. Нѣсколько позже Гольцъ принялся за другіе опыты: онъ вмѣстѣ съ Эвальдомъ (Ewald) вырѣзалъ у собакъ спинной мозгъ почти цѣликомъ—до самаго продолговатаго мозга. У такихъ собакъ—безъ головного и спинного мозга—оставались только тѣ части нервной системы, которыя управляютъ такъ наз. растительными процессами организма, т. е. пищевареніемъ, дыханіемъ, кровообращеніемъ и пр.; части эти сконцентрированы въ продолговатомъ мозгу и въ большихъ подкорковыхъ узлахъ мозга.

Сопоставленіе изслѣдованій Флексига съ опытами Гольца показываетъ, что у новорожденнаго дитяти ко времени рожденія на свѣтъ оказались развитыми, главнымъ обр., тѣ части мозга, какія въ опытахъ Гольца оставались неповрежденными. Въ соотвѣтствіи съ этими анатомическими фактами стоятъ психологическія данныя. Въ самомъ дѣлѣ, вышеупомянутая знаменитая собака Гольца была хотя слѣпа и глуха, хотя не могла ни видѣть, ни слышать, дѣлала, однако же, нѣкоторыя движенія глазами и ушами, обходила попадавшіяся на пути препятствія, руководясь въ этомъ случаѣ скорѣе осязяніемъ, чѣмъ зрѣніемъ; отъ очень яркаго свѣта или слишкомъ рѣзкаго звука она отворачивала голову; а когда ее заставляли голодать, она просыпалась отъ безконечнаго сна, въ который была погружена, начинала лаять, дѣлала безпокойныя движенія, пока ее не накормили, послѣ чего она снова засыпала. Когда эту собаку кололи булавкой, она кричала отъ боли, но не понимала, какъ надобно оттянуть ногу, т. е. сдѣлать то, что дѣлаетъ всякая здоровая собака.

Тотъ опытъ, какой Гольцъ произвелъ надъ собакой, болѣзнь иногда совершаетъ надъ человѣческимъ дитятей, и тогда подобное (идіотическое) дитя, даже если оно становится взрослымъ человѣкомъ, продолжаетъ оставаться въ такомъ грустномъ состояніи растительнаго и животнаго существованія, какъ эта злополучная, но ставшая знаменитой собака, которая послужила Гольцу объектомъ для его экспериментовъ. Въ качествѣ примѣра подобнаго состоянія можетъ послужить несчастный субъектъ 52 лѣтъ,

портретъ котораго въ профиль и en face представленъ на фигурѣ 5-й а и б. Это былъ идіотъ отъ рожденія, жившій долгое время въ губернской больницѣ для душевнобольныхъ въ Воронежѣ и умершій тамъ на 52 году жизни отъ воспаленія легкихъ. У него была маленькая голова, грубыя черты лица и огромныя уши. Голова была покрыта толстыми складками кожи, какъ будто эта кожа была приготовлена для черепа большей величины. Вѣсъ мозга у этого злополучнаго субъекта былъ 369 граммовъ, т. е. былъ меньше, чѣмъ вѣсъ мозга гориллы и даже меньше, чѣмъ у новорожденнаго. Отношеніе вѣса мозга къ вѣсу тѣла было у него какъ 1 : 250 вмѣсто



а б

Фиг. 5. Идіотъ 52 лѣтъ изъ г. Воронежа.

нормальнаго какъ 1 : 50 (см. стр. 8-я). Рѣчь у него состояла изъ отдѣльныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, какъ у малолѣтнихъ дѣтей, онъ могъ выговаривать только простые слоги. Его походка была медленной и тяжелой, остальныя движенія были неуклюжи и неловки. Онъ не умѣлъ лечь въ постель, и его надо было укладывать. Если на его фигуру (фиг. 5 а) взглянуть съ антропологической точки зрѣнія, то не трудно замѣтить, что у него лицо, а особенно челюсти очень развиты, тогда какъ голова является очень небольшой; можно сказать поэтому, что здѣсь при сильномъ развитіи жевательной части, слабо развита мыслительная часть головы.

Описанный сейчасъ идіотъ можетъ служить наглядной иллюстраціей гипотезы Г. Спенсера о строгомъ отношеніи между тѣлесной организаціей, физіологическими функціями и психическими способностями.

Обратимся теперь снова къ новорожденному, котораго мы на минуту оставили съ тѣмъ, чтобы тѣмъ временемъ собрать необходимыя справки изъ физіологіи для лучшаго и болѣе полнаго пониманія его крошечной, но многообѣщающей человѣческой души.

Въ первые дни по рожденіи человѣческое дитя во многомъ напоминаетъ ту картину, которую наблюдалъ Гольцъ на своемъ оперированномъ животномъ, которое много спало и могло быть разбужено только какимъ-либо сильнымъ впечатлѣніемъ, напр., яркимъ свѣтомъ, рѣзкимъ звукомъ или просто голодомъ отъ лишенія пищи. Нѣчто имъ близко сходное наблюдается и на новорожденномъ. Онъ спитъ непрерывно, просыпается почти исключительно отъ голода и тогда производитъ многочисленныя, большею частью безпорядочныя, движенія и жалобно плачетъ. Если его начинаютъ кормить, онъ успокаивается и пока сытъ продолжаетъ спать. Сонъ продолжается до новаго наступленія голода. Отъ всѣхъ сильныхъ раздраженій спящій ребенокъ просыпается такъ же, какъ и отъ голода: отъ укола булавкой, отъ рѣзи въ животѣ и отъ всякой иной боли ребенокъ просыпается и кричитъ, но болѣе ничего не можетъ сдѣлать. Сонъ, отдыхъ, пріемъ пищи составляютъ для него существенную потребность.

Но что происходитъ въ душѣ новорожденнаго и въ его нервной системѣ? На эти вопросы мы постараемся дать конкретные отвѣты, отвлекаясь на минуту отъ обычныхъ психологическихъ понятій, основанныхъ на данныхъ психологіи взрослаго человѣка.

У новорожденнаго дитяти, какъ, впрочемъ, и у взрослаго, наблюдаются во первыхъ явленія чисто нервнаго характера, въ которыхъ никакого психическаго содержанія не замѣчается, но наблюдаются также и такія явленія, которыя носятъ на себѣ несомнѣнную психическую печать; наконецъ, существуютъ явленія какъ бы промежуточнаго типа, которыя могутъ быть отнесены то въ ту, то въ другую область; не вдаваясь въ рѣшеніе теоретическаго вопроса о границѣ между нервными и психическими явленіями,—вопроса, который притомъ и не разрѣшимъ при настоящемъ состояніи научныхъ знаній,—останемся на чисто фактической почвѣ.

Начнемъ съ перечисленія нервныхъ явленій у новорожденнаго. Ребенокъ оттягиваетъ назадъ свою ножку, если ему пощекотать подошву или уколоть иголочкой; ребенокъ смыкаетъ вѣки, если коснуться глаза, чихаетъ и кашляетъ, если что нибудь ему попадаетъ въ

начало дыхательныхъ путей. Все это чисто нервныя явленія рефлекторнаго характера, или типа.

Но кромѣ исчисленныхъ сейчасъ явленій простого типа, существуютъ у новорожденныхъ и гораздо болѣе сложные типы движеній и явленій, наблюдается дѣятельность тѣхъ сложныхъ механизмовъ, которые сами себя регулируютъ и которые притомъ дѣйствуютъ автоматически. Сюда относятся, между прочимъ, регуляторныя механизмы сердца и еще болѣе сложные механизмы, регулирующіе температуру тѣла. Такими нервными механизмами живой организмъ изобилуетъ. Первое дыханіе ребенка по рожденіи на свѣтъ есть слѣдствіе прекращеннаго притока оксидированной крови изъ тѣла матери въ тѣло ребенка. Наступающій въ силу этого недостатокъ кислорода въ крови ребенка возбуждаетъ нервныя клѣточки продолговатаго мозга,—отчего дыхательный центръ немедлено приходитъ въ дѣйствіе. Недостатокъ питательнаго матеріала въ крови возбуждаетъ всю нервную систему, въ особенности сосательный, глотательный механизмы, а вмѣстѣ съ нимъ и механизмъ голоса. Въ силу такого общаго возбужденія ребенокъ выходитъ изъ состоянія покоя (пробуждается), начинаетъ дѣлать движенія, кричитъ и т. д. Такимъ образомъ, объясняются, вообще, явленія: дыханія, кровообращенія, сосанія, глотанія и пр. Этого типа явленія, хотя бы были и гораздо болѣе простыми, наблюдаются у низшихъ животныхъ: полипъ, медуза, инфузорія, пребывая долгое время на одномъ мѣстѣ и потребляя здѣсь весь питательный матеріалъ окружающей среды, приходятъ подъ вліяніемъ голода въ состояніе возбужденія, начинаютъ двигаться наудачу и этимъ путемъ переходятъ въ иную среду, на новыя мѣста. Движенія и дѣйствія подобнаго типа, зависящія отъ непосредственнаго возбужденія нервныхъ клѣтокъ, какъ извѣстно—называются автоматическими. Въ болѣе развитой формѣ къ этому относится и сложный актъ дыханія.

Мы остановились съ такой подробностью на нервныхъ явленіяхъ съ тою цѣлью, чтобы возможно рѣзче и яснѣе выдѣлить изъ нихъ и отличить тѣ акты и тѣ проявленія, которыя должны быть названы явленіями психическими, актами духовной жизни. Къ этимъ явленіямъ мы теперь и переходимъ и постараемся исчислить все „психическое“, что содержится въ крошечной душѣ новорожденнаго, „что“ ей доступно, къ „чему“ она уже способна и „что психически“ еще недоступно ей, до „чего“ она еще не доросла.

Только что родившійся на свѣтъ ребенокъ уже обладаетъ способностью вкусового и обонятельнаго воспріятія и можно даже сказать—способностью вкусового и обонятельнаго познанія[1]); онъ способенъ также въ отношеніи этихъ воспріятій проявлять вниманіе, т. е. придавать этимъ воспріятіямъ и этому познанію, по временамъ, высшую остроту и силу. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго рода наблюденій и опытовъ. Ребенокъ не только узнаетъ сладкое, горькое, соленое и кислое, но и реагируетъ на нихъ соотвѣтственными движеніями, т. е. сладкое онъ охотно принимаетъ (сосетъ), а горькое, кислое, соленое не только не желаетъ принимать, но даже старается, подобно взрослому, удалить изъ рта непріятныя для него вещества. Въ этомъ одномъ еще нельзя было бы усмотрѣть безспорнаго признака психизма, но слѣдующее наблюденіе Прейера (Preyer) разрѣшаетъ вопросъ положительно. Сынъ Прейера на второй день по рожденіи выпилъ безъ колебанія разбавленное водой коровье молоко, но на четвертый день отказался пить: ребенокъ узналъ качество молока. Это сначала слабое узнаваніе становилось изо дня въ день болѣе яснымъ и рядомъ съ нимъ наростало и становилось болѣе сильнымъ то, что можно назвать зачаткомъ воли; на четвертый день распознаваніе молока было вполнѣ ясно, а воля была достаточно сильна, и ребенокъ отказался пить предложенное ему ненадлежащее молоко. На этомъ примѣрѣ можно видѣть различіе между нервными и психическими актами. Если бы въ приведенномъ опытѣ пріема пищи ребенокъ руководился и дѣйствовалъ не на основаніи психическихъ актовъ, а только нервныхъ (рефлекторныхъ или автоматическихъ), то разъ принятое имъ молоко было бы принято во второй и послѣдующіе разы еще безпрепятственнѣе и легче, такъ какъ всякое повтореніе облегчаетъ задачу механическаго акта. Но здѣсь мы видимъ нѣчто совершенно иное: несмотря на голодъ и потребность пищи, ребенокъ сначала слабо, а затѣмъ все сильнѣе и рѣшительнѣе отказывается отъ не-

---

[1]) Въ этомъ и въ другихъ мѣстахъ—при дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ иногда употреблять терминъ „познаніе“ въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ его употребляетъ Рибо (Ribot), т. е. не въ смыслѣ только сознательнаго познанія, но и въ смыслѣ безсознательнаго и предсознательнаго. Это вполнѣ согласно и съ точкой зрѣнія Гефдинга (Höffding), который не кладетъ грани между этими двумя категоріями познанія, утверждая, что здѣсь дѣло идетъ о степени, а не о качествѣ вещей.

надлежащаго молока. Очевидно, у дитяти, независимо отъ рефлекторныхъ актовъ, возникъ новый высшій порядокъ явленій. Предложенное ему ненадлежащаго качества молоко онъ выпилъ въ первый разъ только по невнимательности и неопытности, но уже „что-то" замѣтилъ въ немъ; во второй пріемъ онъ не только вспомнилъ о замѣченной уже имъ однажды особенности молока, но воспринялъ эту особенность еще яснѣе и отчетливѣе и въ немъ на этотъ разъ уже возникъ слабый отказъ отъ молока. При слѣдующихъ повтореніяхъ опредѣленіе качествъ суррогата становилось все яснѣе, а воля ребенка наростала, и вотъ—вопреки голоду и жаждѣ, вопреки установившейся привычкѣ ѣсть, вопреки окрѣпшимъ движеніямъ захвата пищи—ребенокъ рѣшительно отказывается пить предложенное ему суррогатное молоко. Въ основѣ такихъ дѣйствій ребенка, въ основаніи этого крошечнаго, но геройскаго протеста противъ коварства взрослыхъ лежитъ познаніе и воля дитяти: ребенокъ уже узнаетъ свойства молока, вспоминаетъ, какой вкусъ молоко имѣло вчера и третьяго дня, и, согласно своему познанію, обнаруживаетъ истинную волю, которая подавляетъ голодъ и жажду, стоя на стражѣ высшихъ цѣлей и высшихъ задачъ самосохраненія. Во всемъ этомъ сказываются истинныя психическія проявленія: воспоминаніе прошедшаго, способность узнаванія и явная воля. И въ эту пору ребенокъ еще не имѣетъ никакого представленія о звукѣ и почти ничего не знаетъ о свѣтѣ! Но всякая мать и всякій наблюдающій психологъ признаетъ, что протестъ ребенка противъ поддѣльнаго молока есть проявленіе простѣйшей памяти, простѣйшей мысли и воли. Столь раннему развитію у дитяти вкусового и обонятельнаго познанія вполнѣ соотвѣтствуетъ тотъ анатомическій фактъ, что обонятельный центръ въ мозговой корѣ возникаетъ въ животномъ царствѣ какъ первая высшаго типа надстройка надъ проще организованными мозговыми гангліями. Это первый психологическій центръ въ природѣ [1])! Весьма естественно, что и у ребенка этотъ центръ такъ ясно обнаруживаетъ свое дѣйствіе. Послѣ этого вполнѣ допустима мысль, что обонятельное и вкусовое познаніе раньше всѣхъ другихъ видовъ познанія зрѣютъ и поднимаются надъ уровнемъ „безсознательнаго" и „предсознательнаго". Это самый ранній психическій этюдъ, опере-

---

[1]) Edinger. Neue Studien über d. Vorderhirn d. Reptilien.

жающій собою зрительное и слуховое познаніе. Такой выводъ можно считать достаточно обоснованнымъ. Многими наблюдателями, напр., Кусмаулемъ, Шульце, Генсмеромъ, Перѐ, Прейеромъ [1]) установлено, что новорожденный съ большою точностью различаетъ качества пищи и вкусовыя вещества вообще. На этомъ основаніи слѣдуетъ допустить, что ребенокъ почти съ момента рожденія на свѣтъ уже обладаетъ вкусовымъ познаніемъ и вниманіемъ, а также волею, вытекающею изъ этого познанія. Столь раннее развитіе воспріятія и вниманія, которое ограничивается двумя сферами органовъ чувствъ (обоняніе и вкусъ), но не распространяется на другія, не должно удивлять насъ. Примѣры подобной односторонности мы встрѣчаемъ въ животномъ царствѣ, какъ обычное явленіе: молодой коршунъ узнаетъ змѣю и приходитъ въ ужасъ при видѣ ея, птенецъ узнаетъ клохтанье насѣдокъ [2]), новорожденное дитя узнаетъ запахъ молока и т. д. Но за предѣлами этихъ немногихъ конкретныхъ случаевъ стоитъ глубокая душевная тьма. Подобнаго рода односторонность, это своего рода забѣганіе впередъ, вообще свойственна душѣ низшаго типа (см. выше стр. 18—19) и въ такой же мѣрѣ оно свойственно душѣ новорожденнаго. Явленіе это вызывается практическими потребностями жизни, задачами самосохраненія.

Параллельно съ вкусовымъ познаніемъ стоитъ у новорожденнаго обонятельное познаніе и вниманіе. Эти оба вида познанія внѣшняго міра у ребенка и у взрослаго стоятъ очень близко. Во всѣ періоды жизни человѣкъ примѣняетъ ихъ одновременно. Ради краткости и простоты мы не станемъ останавливаться на описаніи чувства обонянія; ограничимся только простымъ замѣчаніемъ, что дитя различаетъ обонятельныя впечатлѣнія, какъ и вкусовыя, и нерѣдко отказывается пить молоко только изъ за побочнаго запаха, какой оно можетъ имѣть. Къ запахамъ крошечныя дѣти очень чувствительны. Вещества, дѣйствующія на обоняніе, вызываютъ у ребенка общее возбужденіе нервной системы, способны нарушить покой и сонъ, тогда какъ звукъ и шумы далеко не въ такой степени дѣйствуютъ (Combe).

Можно сказать, что обонятельными и вкусовыми воспріятіями и познаніемъ) исчерпываются психическія способности новорожден-

---

[1]) Kussmaul, Schultze, Gensmer, Perez, Preyer.

[2]) Höffding. Опытъ психологіи, II изд. V. B. 1.

наго. Является вопросъ, существуютъ ли у новорожденнаго явные слѣды другихъ психическихъ проявленій. Мы таковыхъ не наблюдали, другіе авторы не приводятъ въ этомъ отношеніи безспорныхъ фактовъ.

Высшій теоретическій и практическій интересъ представляетъ фактъ, что всякаго рода психическая работа чрезвычайно утомительна для ребенка (Preyer, Gensmer). Запахи, какими наполнена комната новорожденнаго, могутъ не только возбуждать, но способны и крайне утомлять его (Combe). Мышленіе, хотѣніе и даже простое чувствованіе, какъ всякая вообще психическая работа, требуютъ отъ дитяти большого и утомительнаго напряженія силъ. Почти то же должно сказать и о работѣ нервной: о дыханіи, пищевареніи и свойственномъ дѣтямъ постоянномъ движеніи ручекъ и ножекъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ объ охраненіи душевныхъ силъ ребенка гораздо болѣе важенъ, чѣмъ забота объ поддержкѣ его физическаго благосостоянія.

Если сравнить нормально развивающагося ребенка съ другимъ, развитіе котораго задержано, то можно замѣтить существенную разницу. Въ этомъ отношеніи очень поучительнымъ служитъ наблюденіе на дѣтяхъ отсталыхъ, слабыхъ, нервныхъ и слабоумныхъ. Эти обездоленныя дѣти не отличаютъ сытости и голода, иногда лишены правильныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ впечатлѣній, способны брать въ ротъ и ѣсть неудобоваримыя, несъѣдобныя и вредныя вещества, чего нормальныя дѣти не дѣлаютъ. Для рѣшенія вопроса о нормальномъ или ненормальномъ ходѣ психическаго развитія новорожденнаго можно дѣлать нѣкоторые опыты. Подобно другимъ авторамъ (Kussmaul, Gensmer и др.), мы дѣлали наблюденія надъ дѣтьми (своими и чужими) для научнаго разрѣшенія вопроса о вкусовыхъ и обонятельныхъ воспріятіяхъ и объ вытекающемъ изъ нихъ познаніи у дитяти. Опытъ можно дѣлать такъ: стеклянной палочкой, похожей на тѣ, какія употребляются въ химическихъ лабораторіяхъ, ребенку положить въ ротикъ каплю слабаго раствора соли, или сахара, хинина и какой либо минеральной кислоты. Подобнымъ образомъ можно поступать, введя ребенку въ ротъ капли воды съ запахомъ какого нибудь ароматическаго вещества (аниса, лимонной корки, корицы и т. п.). Отвѣтъ ребенка на вкусовыя вещества представляется чрезвычайно точнымъ: сладкое ребенокъ охотно принимаетъ и начинаетъ (хотя не всегда) дѣлать сосатель-

ныя движенія, но соленое и кислое удаляетъ языкомъ изо рта, при чемъ дѣлаетъ ту же гримасу и тѣ же движенія, что и взрослый; отъ горькаго, къ которому дѣти очень чувствительны, ребенка тотчасъ рветъ, и на личикѣ его появляется типическое выраженіе горечи [1]). Точность, съ какою здоровый ребенокъ опредѣляетъ малѣйшія вкусовыя примѣси, можетъ быть названа поразительной. Она въ то же время показываетъ, какими совершенными нервно-психическими аппаратами здоровый ребенокъ обладаетъ уже въ первые дни по рожденіи. Какъ извѣстно, аналитическая сила этихъ аппаратовъ превосходитъ точность химическихъ вѣсовъ и химическихъ реагентовъ!

Въ рукахъ врача или психолога описанные невинные опыты надъ дѣтьми могутъ послужить къ своевременному рѣшенію вопроса о томъ, совершается ли психическое развитіе ребенка нормальнымъ образомъ. Не предлагая всякому эксперементировать надъ новорожденными, мы настоятельно совѣтуемъ родителямъ изо дня въ день (съ точной помѣткой времени) дѣлать внимательныя наблюденія надъ собственными дѣтьми, чтобы—говоря словами Юманса—слѣдить съ точностью астронома за чудесами развитія младенца. Въ первые дни по рожденіи ближайшимъ объектомъ наблюденій можетъ служить выраженіе лица ребенка во время кормленія, во время вымыванія ротика, при срыгиваніи пищи изъ желудка, что у дѣтей случается довольно часто, наконецъ, выраженіе лица ребенка предъ кормленіемъ и въ особенности то счастливое спокойствіе, съ какимъ ребенокъ получаетъ богатую струю молока, утоляющаго за разъ и голодъ, и жажду.

Въ ряду психическихъ актовъ у новорожденнаго мы отмѣтили безспорныя проявленія простѣйшаго познанія (стр. 32—33); обратимся къ чувству.

Уже выше (стр. 2-я) было указано, что новорожденное дитя не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ страха, удивленія, привязанности, радости и проч. Новорожденное дитя лишено всѣхъ конкретныхъ чувствъ; его крошечной душѣ доступно только состояніе удовольствія и неудовольствія или чувство пріятнаго и непріятнаго въ его простѣйшихъ неразвитыхъ чертахъ. Такое чувство, или душевное состояніе не чуждо и душѣ взрослаго, гдѣ оно уживается

---

[1]) Опыты съ горькимъ требуютъ осторожности: должно примѣнять только чрезвычайно слабые растворы.

рядомъ съ другими совершенно ясными, полными и опредѣленными состояніями духа и настроеніями. У новорожденнаго два противоположныя общія состоянія—пріятное и непріятное—составляютъ единственную возможную форму чувства.

Чувство пріятнаго обнаруживается у ребенка широкимъ открытіемъ глазъ и болѣе сильнымъ противъ обыкновеннаго блескомъ глазъ: когда ребенокъ кормится или находится въ ваннѣ, глаза у него широко открыты и блестятъ (Preyer). Чувство непріятнаго выражается сокращеніемъ круговой мышцы вѣкъ (orbicul. palpebrarum), отъ чего глаза зажмуриваются и даже закрываются; при сильной степени чувства непріятнаго къ этому присоединяется крикъ. Такимъ образомъ чувство пріятнаго выражается одною формулою, а чувства непріятнаго двумя, соотвѣтственно степени этого чувства: крикъ есть выраженіе высшей степени чувства непріятнаго. Крикъ у новорожденнаго не сопровождается слезами: маленькія дѣти плачутъ, не проливая слезъ, и только съ третьяго мѣсяца жизни плачъ выражается крикомъ и пролитіемъ слезъ (Darwin).

При крайней ограниченности психической жизни новорожденнаго чувство пріятнаго вызывается у него только актомъ кормленія или состояніемъ сытости; чувство же непріятнаго вызывается не только голодомъ и жаждою, но и утомленіемъ. Ребенокъ можетъ быть утомленъ уже однимъ тѣмъ, что онъ свыше мѣры бодрствуетъ, но его утомляютъ также внѣшнія впечатлѣнія, напр., шумы, звуки; наконецъ, утомленіе происходитъ отъ усиленной мышечной работы, напр., если ребенокъ туго спеленанъ и долженъ при каждомъ вздохѣ растягивать стѣсняющія его пеленки. При такихъ условіяхъ, ребенокъ приходитъ въ состояніе утомленія, испытываетъ чувство непріятнаго и начинаетъ кричать (плакать).

2. Первые три мѣсяца по рожденіи.

Въ первые три мѣсяца своей жизни человѣческое дитя учится слышать, видѣть и осязать. Кромѣ того, въ этотъ періодъ у ребенка развивается одно важное чувство.

Видѣть, слышать и осязать—это для ребенка очень сложное дѣло, которому онъ долженъ обучаться. Съ физической точки зрѣ-

нія глазъ, ухо и даже осязающій палецъ представляютъ собою гораздо болѣе замысловатые приборы, или аппараты, чѣмъ микроскопъ, телескопъ и слуховая труба. Ребенку необходимъ нѣкоторый срокъ, чтобы освоиться съ этими аппаратами и научиться при помощи ихъ воспринимать съ точностью внѣшній міръ. На это уходятъ у ребенка первые три мѣсяца. Все то, что для вкуса и обонянія дѣлается еще во время зародышевой жизни, для остальныхъ органовъ чувствъ совершается въ первые три мѣсяца жизни. Прейеръ не безъ основанія указываетъ на то, что въ утробной жизни ребенокъ проглатываетъ околоплодную жидкость, въ которой плаваетъ, и это служитъ ему объектомъ и практикой для развитія вкусового воспріятія. Изъ этого можно видѣть, что даже для развитія вкуса необходимо извѣстное время и нѣкоторое упражненіе. Тѣмъ болѣе, конечно, это необходимо для высшихъ органовъ чувствъ.

Въ обыденной жизни животнаго обоняніе играетъ большую роль: оно является важнѣйшимъ орудіемъ для познанія внѣшняго міра и для оріентированія въ немъ; но для человѣческаго существа обоняніе вовсе не играетъ такой роли; напротивъ того,—зрѣніе, слухъ, осязаніе и въ особенности общее чувство составляютъ истинную основу душевной жизни и главный источникъ психическаго развитія. Въ виду этого первые три мѣсяца жизни, когда ребенокъ знакомится съ этими органами чувствъ, представляютъ собою важный періодъ его жизни.

Необходимо имѣть въ виду, что когда рѣчь идетъ объ обученіи ребенка, когда употребляются выраженія „ребенокъ учится“, „обучается пользоваться органами чувствъ“ и т. п., то при этомъ всегда имѣются въ виду „безсознательные“ или „предсознательные“ процессы, которые протекаютъ по готовымъ уже, или, вѣрнѣе,—по предначертаннымъ нервнымъ путямъ. Пути эти изо дня въ день развиваются и расширяются, становятся свободнѣе и доступнѣе, пока, наконецъ, къ происходящимъ здѣсь процессамъ не присоединится сознаніе и воля. Но это наступаетъ, какъ увидимъ дальше, только къ концу третьяго или началу четвертаго мѣсяца жизни. Но до того же времени жизни психическіе процессы дитяти остаются безсознательными и непроизвольными. Но по существу эта безсознательная и непроизвольная дѣятельность носитъ на себѣ печать тѣхъ же принциповъ и законовъ, по которымъ совершается и со-

знательная жизнь; это лишь только оттѣнокъ или ступень того же явленія.

Въ этомъ и дальнѣйшихъ отдѣлахъ нашего изложенія мы постараемся представить извѣстные въ наукѣ факты, а также и наши собственныя наблюденія, произведенныя надъ своими и чужими дѣтьми, начиная съ 1874 года. Значительная часть наблюденій сдѣлана нами въ 1875—1884 годахъ, въ С.-Петербургскомъ родильномъ домѣ и надъ дѣтьми Воспитательнаго Дома (отдѣленіе законныхъ дѣтей). Эти большею частью не опубликованные до настоящаго времени наблюденія будутъ внесены въ настоящую книгу. По формѣ изложенія будетъ ясно, гдѣ рѣчь идетъ о личныхъ наблюденіяхъ автора.

По важности описываемаго сейчасъ періода психической жизни ребенка изложеніе предмета должно быть болѣе подробнымъ, и мы подраздѣляемъ его на слѣдующія части:

а) Развитіе орудій или органовъ познанія;
б) Развитіе чувствъ;
в) Охраненіе психическаго здоровья дитяти.

а) Развитіе способности воспріятія (или: развитіе внѣшняго непроизвольнаго вниманія).

Развитіе обонятельнаго и вкусового воспріятія уже было нами разсмотрѣно выше (стр. 33—34); остановимся теперь на развитіи остальныхъ орудій воспріятія, а именно:

α) осязательнаго воспріятія;
β) зрительнаго воспріятія;
γ) слухового воспріятія.

Для изученія развитія дѣятельности органовъ чувствъ авторомъ этихъ строкъ предпринята было спеціальная работа: „О простѣйшихъ актахъ познанія и вниманія“ [1]). Данныя этой работы положены въ основу настоящаго изложенія. Сущность изслѣдованія состоитъ въ опредѣленіи объективныхъ признаковъ обыкновеннаго и внимательнаго воспріятія. Въ качествѣ метода изслѣдованія послужили

---

[1]) И. А. Сикорскій. Простѣйшіе акты познанія и вниманія, въ журналѣ: Вопросы Нервно.-Психич. Медицины, годъ II 1897. Рефератъ этой работы помѣщенъ въ Revue de Psychologie clinique et therapeutique red. par Hartenberg. 1901,

наблюденія и моментальная фотографія различныхъ фазъ и степеней вниманія. Добытые такимъ путемъ объективные документы дополнены изученіемъ выдающихся художественныхъ произведеній, въ которыхъ представлены различные виды вниманія (что является одной изъ любимыхъ темъ у художниковъ). Указаннымъ путемъ удалось установить два вида вниманія—внѣшнее и внутреннее съ опредѣленными для каждаго вида вниманія физіогномическими признаками [1]). Внѣшнее вниманіе слѣдуетъ подраздѣлять на пять видовъ, по числу внѣшнихъ органовъ чувствъ, т. е. зрительное вниманіе, слуховое, осязательное, вкусовое и обонятельное. Внѣшнее вниманіе состоитъ въ напряженіи извѣстныхъ мышечныхъ группъ съ цѣлью неподвижной установки даннаго органа чувствъ для наилучшаго захвата (воспріятія) внѣшняго впечатлѣнія; напряженіе этихъ мышцъ и вызванное имъ положеніе туловища и его частей служатъ физіогномическимъ признакомъ самаго вниманія. Внѣшнее вниманіе всегда сопровождается и нѣкоторымъ напряженіемъ мускулатуры всего тѣла. (Признаки внутренняго вниманія и самое опредѣленіе его будутъ указаны ниже—см. стр. 77). Исходя изъ установленныхъ такимъ образомъ признаковъ внѣшняго вниманія у взрослаго, можно рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени у ребенка уже установилось и окрѣпло внѣшнее вниманіе въ тотъ или другой моментъ первыхъ дней и мѣсяцевъ его жизни.

Аппараты и ведущіе въ мозгъ пути („проводящіе пути"), назначенные для воспріятія внѣшняго міра, начинаются въ органахъ чувствъ (въ каждомъ по принадлежности) и отсюда идутъ въ стволовую часть мозга (подкорковые центры мозга), гдѣ они прерываются многочисленными промежуточными аппаратами, и доходятъ, наконецъ, до опредѣленныхъ мѣстъ мозговой коры, которая указана на фигурѣ 3-й (стр. 9). Каждый изъ этихъ сложныхъ аппаратовъ—съ его исходной точкой въ органѣ чувствъ и его конечнымъ пунктомъ въ мозговой корѣ—можетъ быть названъ орудіемъ, или аппаратомъ воспріятія. Такихъ аппаратовъ имѣется столько, сколько и внѣшнихъ органовъ чувствъ. Характеристическую особенность

---

[1]) Французскій авторъ A. Binet (см. L'année Psychologique, L'année II стр. 685) не безъ основанія жалуется на то, что до настоящаго времени въ психологіи не существуетъ опредѣленія состояній вниманія и не показаны его признаки. Въ указанной работѣ сдѣлана попытка опредѣлить два вида вниманія—вниманіе внѣшнее и вниманіе внутреннее, съ описаніемъ признаковъ того и другого. Авт.

органовъ воспріятія составляетъ то, что они на своемъ пути содержатъ промежуточные вставные или побочные нервные приборчики, которые назначены для саморегуляціи цѣлаго сложнаго органа воспріятія. Прежде всего эти побочные приборчики имѣютъ первой своей задачей производить тщательнѣйшую установку каждаго изъ внѣшнихъ органовъ чувствъ—съ цѣлью самаго точнаго и рѣзкаго схватыванія внѣшняго впечатлѣнія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то очень похожимъ на хвостъ флюгера, при помощи котораго онъ всегда становится противъ дующаго вѣтра, или на подобное же приспособленіе въ вѣтряныхъ мельницахъ, которыя сами собою обращаются своими крыльями въ сторону дующаго вѣтра. Совершенно также внѣшніе органы чувствъ путемъ саморегуляціи становятся сами собою навстрѣчу внѣшнему впечатлѣнію; если, напр., блеснетъ яркій свѣтъ сбоку или въ сторонѣ отъ глаза, то путемъ описанныхъ приспособленій—автоматически послѣдуетъ обращеніе взора, т. е. поворотъ глазъ и даже туловища въ сторону свѣта, при томъ такъ, что свѣтъ станетъ падать на самыя свѣточувствительныя части органа. То же происходитъ въ органѣ слуха и т. далѣе. Независимо отъ этихъ, такъ сказать, установочныхъ приспособленій, во всѣхъ внѣшнихъ органахъ чувствъ осуществлена блестящая біологическая идея усиленія впечатлѣнія на самомъ мѣстѣ его вступленія въ организмъ или соприкосновенія съ организмомъ. Благодаря этому, къ мозгу приносится впечатлѣніе большей силы и яркости, чѣмъ то, которое даетъ сама внѣшняя природа. Такимъ образомъ и раздраженія небольшой силы становятся доступными для души и досягаемыми для психическаго анализа. Но и за предѣлами двухъ указанныхъ сейчасъ автоматическихъ воспособленій дѣлу воспріятія впечатлѣній—существуетъ немалое число болѣе сложныхъ условій, которыя работаютъ то сознательно, то безсознательно и своей конечной цѣлью имѣютъ задачу усовершенствовать актъ воспріятія и довести его до технической художественности; объ нихъ рѣчь будетъ ниже (стр. 65).

Изложенные сейчасъ факты показываютъ, что существуетъ громадная подготовительная работа физіологическаго характера, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до дѣятельности чисто психической. Въ актѣ воспріятія впечатлѣній мы имѣемъ дѣло, повидимому, только съ физіологіей,—правда, съ физіологіей очень сложнаго типа. Эту физіологическую технику ребенку предстоитъ одолѣть. Какъ новичокъ, попавшій на фабрику сложнаго производства, долженъ на первомъ планѣ

посвятить часть времени на ознакомленіе съ машинами и съ ихъ пользованіемъ, прежде чѣмъ приступить къ самому производству фабричныхъ продуктовъ, такъ и новорожденный, до начала психической работы, долженъ ознакомиться съ самыми органами и орудіями, содержащимися въ великой мастерской ума и мысли. Сложная дѣятельность этихъ аппаратовъ устанавливается у новорожденнаго отчасти въ теченіе первыхъ дней, отчасти въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ по рожденіи. Это стоитъ въ зависимости отъ крайней трудности ознакомленія ребенка съ процедурой воспріятія, отчасти же зависитъ отъ того, что центральныя станціи, куда должны поступать впечатлѣнія, воспринятыя изъ внѣшняго міра, не вполнѣ готовы къ дѣятельности, и самое развитіе ихъ заканчивается въ первые мѣсяцы жизни дитяти.

α) Обученіе осязанію. Осязательное воспріятіе внѣшняго міра и собственнаго тѣла. (Развитіе пассивной осязательной чувствительности).

Непосредственнымъ орудіемъ для воспріятія своего тѣла служитъ неисчислимое количество чувственныхъ нервовъ, разсѣянныхъ въ кожѣ, слизистыхъ оболочкахъ, мышцахъ и внутреннихъ органахъ. По всѣмъ нервамъ, которые въ общей сложности должны быть исчисляемы многими милліонами, поступаютъ ежесекундно миріады впечатлѣній. Впечатлѣнія эти ложатся въ особенный центры мозговой коры, который у Флексига получилъ наименованіе сферы чувствованія тѣла, или кратко: осязательной сферы и обозначенъ подписью „осязаніе“ на фиг. 3-й (на стр. 9). Центръ осязательнаго воспріятія такъ же, какъ и центры другихъ родовъ воспріятія (зрительнаго, слухового), заканчиваются въ своемъ развитіи вполнѣ только къ концу третьяго мѣсяца. Другіе же центры, т. е. высшіе или ассоціативные къ этому времени еще не вполнѣ развиты (Flechsig). Такимъ образомъ, въ первые три мѣсяца жизни развиваются только тѣ части мозга, которыя назначены для воспріятія внѣшняго міра и собственнаго тѣла, и въ теченіе этого же срока происходитъ и заканчивается обученіе пользованію этими аппаратами.

Задача центра осязательнаго чувствованія состоитъ въ слѣдующемъ: коснется ли что нибудь нашего тѣла, будетъ ли кожа прижата или натянута, приблизится ли къ ней что нибудь теплое

или холодное, будетъ ли, наконецъ, впечатлѣніе столь сильнымъ, что вызываетъ боль,—во всѣхъ этихъ случаяхъ впечатлѣніе переносится по чувствительнымъ нервамъ до осязательной сферы (фиг. 3-я „осязаніе"). Но даже и этотъ столь необходимый центръ въ началѣ разбираемаго періода жизни дитяти (первые три мѣсяца) далеко не вполнѣ готовъ къ дѣятельности, и оттого въ первые дни по рожденіи ребенокъ чувствуетъ весьма несовершенно и неполно какъ свое собственное тѣло, такъ и внѣшній міръ (Kussmaul, Gensmer).

Въ первые часы и даже въ первые дни по рожденіи ребенокъ очень слабо опредѣляетъ температурныя разницы: въ родильныхъ домахъ можно наблюдать, какъ только что родившійся ребенокъ, голый, мокрый, съ застывшей кожей, оставаясь неприкрытымъ при обыкновенной температурѣ комнаты, лежитъ спокойно, не кричитъ и ничѣмъ не обнаруживаетъ, что ему холодно или непріятно. Если въ это время изслѣдовать ребенка, то можно убѣдиться, что онъ мало различаетъ тепло и холодъ, также слабо онъ чувствуетъ прикосновеніе и даже къ боли далеко не такъ чувствителенъ, какъ впослѣдствіи. Когда новорожденному дѣлаютъ операцію, напр., сшиваютъ заячью губу, онъ мало обнаруживаетъ боль (Gensmer). Единственное мѣсто, гдѣ осязательная и тепловая чувствительность развита лучше,—это кожа и слизистая оболочка губъ. Уже въ первые дни по рожденіи кожа губъ и слизистыхъ частей показываетъ довольно тонкую чувствительность. Этими частями ребенокъ осязаетъ и чувствуетъ внѣшній міръ, и долго еще и впослѣдствіи эти части служатъ ребенку главнымъ орудіемъ осязанія. Все, что взрослый опредѣляетъ руками, ребенокъ беретъ въ ротъ. Причина ранняго развитія чувствительности губъ кроется въ томъ обстоятельствѣ, что губы входятъ въ составъ сосательнаго механизма [1]). Кожа, слизистая оболочка и мускулы губъ обладаютъ уже съ первыхъ дней такой совершенной чувствительностью, какой другія части тѣла еще не имѣютъ. Ребенокъ чувствуетъ малѣйшее прикосновеніе къ губамъ и тотчасъ дѣлаетъ движенія головой и губами, чтобы захватить въ ротъ чувствуемый предметъ. Весьма интересно, что въ эту пору ребенокъ чувствуетъ предметъ губами не только при не-

---

[1]) Genzmer. Untersuchungen über die Sinneswahrnehmungen des neugeborenen Menschen. Halle, 1882 стр. 17.

посредственномъ прикосновеніи, но и на нѣкоторомъ разстояніи. Этотъ высшій видъ воспріятія внѣшняго міра—чувствованіе издалека—происходитъ у ребенка при посредствѣ тепловой чувствительности губъ и лица. Можно сдѣлать такой опытъ: двухъ—четырехнедѣльную дѣвочку мы испытывали, приближая и удаляя бутылку съ теплой водой. Ребенокъ чувствовалъ теплоту и поворачивалъ свое лицо въ сторону бутылки; при этомъ онъ дѣлалъ головой и губами живыя движенія въ воздухѣ въ поискахъ за источникомъ теплоты, положеніе котораго онъ опредѣлялъ довольно вѣрно, въ чемъ можно съ достовѣрностью убѣдиться, перемѣщая различнымъ образомъ теплую бутылку. При этомъ интересно наблюдать, что ребенокъ не сразу замѣчаетъ присутствіе теплаго тѣла вблизи себя, но только черезъ 2—3 минуты, когда онъ почуетъ тепло, онъ обнаруживаетъ живые поиски въ соотвѣтственномъ направленіи. При этомъ было очевидно, что разъ возбужденное вниманіе нѣкоторое время держится, такъ что ребенокъ опредѣляетъ мѣстоположеніе передвинутой бутылки скорѣе, чѣмъ въ началѣ опыта.

Наравнѣ съ чувствительностью губъ и лица идетъ у ребенка развитіе мышечнаго чувства въ этихъ областяхъ. Благодаря такому параллельному развитію, ребенокъ рано обучается тому важному пріему осязанія, который состоитъ въ одновременномъ примѣненіи кожной и мышечной чувствительности и которое у англійскихъ психологовъ издавна носитъ названіе активнаго осязанія (activ touch). Въ послѣднее время этому пріему даютъ наименованіе стереогностическаго воспріятія (или, какъ нѣкоторые выражаются ненаучно,—стереогностическаго чувства). Этотъ осязательный пріемъ отличается отъ обыкновеннаго осязанія тѣмъ, что субъектъ не ограничивается пассивной ролью, не ожидаетъ, когда внѣшній объектъ прикоснется къ нему, но самъ идетъ ему навстрѣчу—этимъ значительно увеличивается число соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ. Развитіе этого усовершенствованнаго осязанія придаетъ губамъ и отверстію рта уже въ первые дни рожденія такую важность, что ребенокъ и впослѣдствіи долгое время продолжаетъ держаться этого неудобнаго—съ точки зрѣнія взрослаго—пріема изслѣдованія. Ребенокъ не отстаетъ отъ этого пріема даже и тогда, когда рука—это великое аналитическое орудіе человѣка—также становится органомъ активнаго осязанія. Даже и тогда ребенокъ не перестаетъ класть въ ротъ то, что онъ уже испыталъ осязающей рукой; а иногда, игно-

рируя руку, кладетъ предметъ въ ротъ. Это уже своего рода переживаніе, подлежащее отмѣнѣ. При помощи рта и губъ ребенокъ опредѣляетъ физическія качества предметовъ—твердость, мягкость жидкость, шероховатость и даже ихъ температуру—словомъ, всѣ тѣ качества, какія впослѣдствіи и у ребенка, и у взрослаго опредѣляются осязающимъ пальцемъ.

Можно сказать, что въ разбираемый періодъ жизни ребенка, языкъ, губы и смежныя части лица служатъ почти исключительнымъ органомъ для осязательнаго воспріятія внѣшняго міра. Къ концу третьяго мѣсяца этотъ органъ изслѣдованія уже обладаетъ своимъ полнымъ развитіемъ, что сказывается въ особенной ловкости, съ какой ребенокъ захватываетъ губами предметы. Но въ первые дни и часы по рожденіи иногда замѣчается безпомощность ребенка и неспособность брать грудь при кормленіи, пока наконецъ ребенокъ не обучится. Дѣти, родившіяся съ раздвоенной губой, послѣ продолжительныхъ упражненій также выучиваются, наконецъ, производить сосательныя движенія одной половиной губъ.

Дѣйствіе активнаго осязанія можно подмѣтить во всемъ тѣлѣ ребенка, хотя оно здѣсь и не столь ясно сказывается для наблюдателя съ перваго раза, какъ на губахъ. О его существованіи можно заключить по тому удовольствію, которое ребенокъ показываетъ, когда ему удается распеленаться, и по тому протесту, какой большая часть дѣтей проявляютъ при пеленаніи ихъ. Предоставленный самому себѣ спеленанный ребенокъ, послѣ многочисленныхъ движеній, освобождаетъ ручки и ножки изъ пеленокъ или освобождается полностью. Въ этомъ не слѣдуетъ усматривать простой случайности, судя по тому, что производя массу движеній, ребенокъ чаще высвобождается изъ пеленокъ, чѣмъ запутывается въ нихъ и въ этомъ отношеніи число удачныхъ для ребенка случаевъ такъ велико, что не остается сомнѣнія въ существованіи хорошо развитого активнаго осязанія, при помощи котораго ребенокъ благополучно выходитъ на путь свободы.

Въ этомъ періодѣ вся поверхность кожи служитъ къ воспріятію боли, температуры и другихъ впечатлѣній, приближающихся къ боли по своей силѣ, напр., къ ощущенію зуда. Вся поверхность кожи доставляетъ ребенку не только осязательныя, но и температурныя впечатлѣнія. Чувство непріятнаго при прикосновеніи влажныхъ предметовъ обнаруживается только тогда, когда эти предметы холодны;

теплая влажность не причиняетъ непріятности, если даже она распространяется на значительную часть тѣла. Согрѣваніе всей поверхности кожи пріятно ребенку: теплая ванна или нагрѣтая постелька очень пріятны ребенку и успокаиваютъ его, если даже при этомъ онъ находился въ состояніи неудовольствія.

Изъ наблюденій, какія сдѣланы нами въ отношеніи развитія общаго чувства у дѣтей, можно сдѣлать выводъ, что даже и въ этой области постепенно происходитъ значительный прогрессъ. Какъ извѣстно, общее чувство складывается изъ ощущеній, какія получаются отъ органовъ тѣла чрезъ посредство выходящихъ изъ нихъ нервовъ. Сверхъ того, общее чувство складывается изъ тѣхъ ощущеній, которыя даются непосредственнымъ раздраженіемъ нервныхъ клѣточекъ разными составными частями омывающей ихъ крови (Flechsig), напр., богатая кислородомъ кровь возбуждаетъ и оживляетъ клѣточки, а въ инфекціонныхъ болѣзняхъ, наоборотъ, дѣятельность нервныхъ клѣточекъ подъ вліяніемъ токсиновъ подавляется и слабѣетъ. Въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ примѣровъ самочувствіе рѣзко измѣняется. Наблюденія, сдѣланныя нами надъ маленькими дѣтьми, показали, что общая реакція организма на разныя перемѣны въ немъ бываетъ далеко не одинакова въ зависимости отъ возраста: во второмъ и третьемъ мѣсяцѣ жизни реакція гораздо яснѣе и очевиднѣе, чѣмъ напр., въ первые дни по рожденіи, когда ребенокъ иной разъ умираетъ, не обнаруживши никакихъ рѣзкихъ знаковъ опасности, которая уже наступила для нервной системы и для другихъ частей тѣла. При хорошихъ условіяхъ жизни нервная система ребенка реагируетъ на эти условія усиленной живостью, большей быстротой мышечныхъ движеній, большей силой ихъ, большей общей энергіей, съ какой протекаютъ всѣ процессы (питаніе, дыханіе, кровообращеніе). Хотя большая часть этихъ явленій не принадлежитъ къ области души (ср. стр. 30—31); но ея вліяніе на тѣлесные процессы, тѣмъ не менѣе, уже сказывается въ начинающемся самопознаніи, соединенномъ съ познаніемъ хода тѣлесныхъ процессовъ. Это зачаточное, хотя еще и безсознательное, познаніе придаетъ нервнымъ актамъ человѣческаго дитяти высшій отпечатокъ и ту особенную цѣлостность, которая объединяетъ все до органическихъ процессовъ включительно. Въ то же время зачинающееся самосознаніе кладетъ начало тому усовершенствованію тѣлесной организаціи, при которомъ психическому прин-

ципу и его контролю подчиняются всѣ физіологическіе и нервные процессы и жизнь начинаетъ получать тѣ выгоды и тѣ высокія преимущества, какія даются внесеніемъ психическаго начала въ нѣдра матеріи.

β) Обученіе зрѣнію. Зрительное воспріятіе. (Внѣшнее пассивное зрительное вниманіе).

Развитіе зрительнаго воспріятія и вниманія можетъ дать ясное понятіе о тѣхъ сложнѣйшихъ процессахъ біо-психическаго характера, какіе совершаются въ организмѣ дитяти въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ по рожденіи. Выясненіемъ этого вопроса,— важнаго для психологіи дѣтства и для психологіи, вообще, наука обязана профессору Прейеру [1]). Сущность дѣла состоитъ въ томъ, что ребенокъ въ первые дни по рожденіи не умѣетъ управлять глазными мышцами и важная часть зрительнаго аппарата (желтое пятно сѣтчатой оболочки) ежеминутно занимаетъ совершенно случайное положеніе по отношенію къ зримымъ предметамъ; оттого ребенку только весьма рѣдко, и то случайно, удается что-нибудь увидѣть ясно и хорошо. Ребенокъ долженъ дѣлать постоянныя усилія и непрерывныя напряженія, чтобы приспособить свой зрительный аппаратъ и научиться пользоваться имъ, какъ зрительнымъ инструментомъ. Въ уединеніи своей постельки человѣческое дитя неустанно трудится и пользуется всякой минутой, свободной отъ ѣды или сна, чтобы научиться смотрѣть и видѣть. Какъ только ребенокъ отдохнетъ и выспится, онъ снова начинаетъ смотрѣть и даже въ моментъ кормленія грудью не сводитъ глазъ съ той, которая его кормитъ.

Первое психическое проявленіе у ребенка въ первые дни и даже въ первые часы по рожденіи состоитъ въ томъ, что онъ поворачивается къ свѣту. Если свѣтъ падаетъ ребенку въ глаза случайно, если, напр., ребенокъ положенъ личикомъ къ окну, то онъ остается въ этомъ положеніи долгое время и, не сводя глазъ, смотритъ на свѣтъ. Однако-жъ, на первое время задача исканія свѣта еще очень трудна для ребенка: оба глаза не двигаются согласно и единообразно, но бродятъ безъ плана—одинъ вправо, другой влѣво

---

[1]) Preyer. Die Seele des Kindes.

или вверхъ. Впрочемъ, наряду съ неправильными движеніями весьма нерѣдко, но, правда, какъ бы случайно встрѣчаются согласованныя движенія, и въ эти моменты глаза получаютъ свѣтъ въ совершенно равныхъ условіяхъ (Preyer). На движенія глазъ и головы въ направленіи свѣта не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на явленія, вызванныя чисто психическими причинами; напротивъ, въ своихъ основныхъ чертахъ они являются актомъ рефлекторнымъ, вызваннымъ передачей раздраженія съ сѣтчатки на двигательные центры глазныхъ мышцъ. Однако же, уже очень рано, иногда уже въ первые дни по рожденіи, по временамъ можно наблюдать столь продолжительную по времени неподвижность глазъ, что въ этомъ нельзя не усмотрѣть начинающагося упражненія въ будущемъ видѣніи. Это уже болѣе не рефлексъ, который происходитъ при посредствѣ подкорковыхъ центровъ (средняго мозга), а скорѣе зачинающееся произвольное движеніе, которое совершается при участіи большого мозга (чрезъ задній ассоціативный центръ), хотя еще и безсознательно. Это уже, слѣдовательно, начало зрительнаго вниманія.

Второй по времени актъ въ развитіи способности видѣнія, состоитъ въ передвиженіи глазъ отъ одного предмета къ другому. Если въ комнатѣ находятся (въ разныхъ мѣстахъ) два неподвижныхъ источника свѣта (два окна, двѣ свѣчи), то ребенокъ, долго стоя взоромъ на одномъ свѣтломъ предметѣ, обращается потомъ медленно къ другому, причемъ поворачиваетъ не только глаза, но всю голову.

Въ третьемъ періодѣ обученія зрѣнію ребенокъ усваиваетъ искусство слѣдить за движущимся предметомъ. Впрочемъ, это относится только къ предметамъ, движущимся медленно; при быстромъ движеніи ребенокъ тотчасъ теряетъ предметъ изъ виду. Этотъ періодъ отличается въ особенности тѣмъ, что ребенокъ слѣдитъ за предметомъ только глазами, не вращая при этомъ непремѣнно и головой, какъ раньше было. Это уже искусство высшаго порядка. Ясно, что въ первомъ случаѣ ребенокъ пользуется мускулатурой шеи, а во второмъ уже примѣняетъ мышцы глазъ, т. е. научается примѣнять къ дѣлу гораздо болѣе тонкій мышечный аппаратъ.

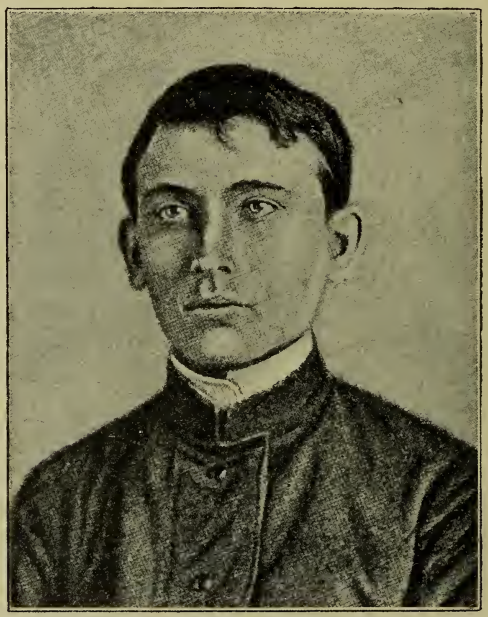
Четвертая ступень зрительнаго обученія состоитъ въ усвоеніи способности приспособленія глаза. Подобно биноклю, глазъ даетъ отчетливое изображеніе только въ томъ случаѣ, когда его фокусъ поставленъ надлежащимъ образомъ. При пользованіи би-

ноклемъ мы перемѣщаемъ фокусъ по нашимъ глазамъ, но и въ глазу живого человѣка установка фокуснаго разстоянія необходима, она дается дѣйствіемъ крошечныхъ мышцъ, которыя сообщаютъ хрусталику глаза то болѣе, то менѣе выпуклую форму, съ тѣмъ, чтобы изображеніе близкихъ и дальнихъ предметовъ ложилось точно на сѣтчатку. При разсматриваніи близкихъ предметовъ необходимо, кромѣ того, сведеніе (скошеніе) глазъ внутрь и съуженіе зрачка съ цѣлью придать возможно большую отчетливость зрительному образу, рисующемуся на сѣтчаткѣ. Это послѣднее условіе соотвѣтствуетъ тому, что дѣлаетъ фотографъ при съемкахъ, требующихъ особенной отчетливости, когда ставитъ маленькую діафрагму (окошечко для пропуска свѣта) вмѣсто большой. Эти сложныя аккоммодативныя движенія окончательно развиваются только на третьемъ мѣсяцѣ, или даже къ концу третьяго мѣсяца. Такъ какъ у взрослаго человѣка эти движенія исчезаютъ тотчасъ, какъ исчезаетъ сознаніе (напр., въ обморокѣ, въ припадкѣ общихъ судорогъ, въ болѣзненной спячкѣ), то очевидно, что сознаніе необходимо для ихъ осуществленія. Отсюда естественный выводъ, что и у дитяти они возникаютъ не раньше того момента, когда развивается сознаніе.

Четыремъ описаннымъ періодамъ обученія зрѣнію Прейеръ даетъ слѣдующія наименованія: 1) неподвижный взоръ, 2) направленіе взора, 3) смотрѣніе, 4) видѣніе (вдаль и вблизи). Всѣ эти четыре ступени ребенокъ заканчиваетъ въ первые три мѣсяца жизни, и при помощи наблюденія возможно убѣдиться въ существованіи каждой фазы и каждаго періода труднаго пути, какой приходится ребенку проходить. Посредствомъ моментальныхъ фотографій наблюдаемыя картины можно уловить и фиксировать (какъ это намъ и удалось сдѣлать), и тогда возможно наглядно убѣдиться въ томъ, какое большое число пробъ, попытокъ и усилій должно сдѣлать крошечное дитя, чтобы усвоить себѣ искусство видѣть предметы.

Когда ребенокъ овладѣлъ всѣми движеніями глазъ и научился пользоваться ими, то на немъ можно наблюдать истинную картину видѣнія, которая состоитъ въ томъ, что взоръ останавливается на нѣкоторыхъ пунктахъ и здѣсь застываетъ, т. е. остается совершенно неподвижнымъ; послѣ этого взоръ обращается на другой пунктъ, на третій и т. д. Слѣдовательно, видѣніе предмета—это

вовсе не какое-нибудь непрерывное безцѣльное блужданіе глазъ, а совершенно наоборотъ,—послѣдовательная остановка глазъ на опредѣленныхъ точкахъ. Во время этихъ остановокъ, или паузъ движенія, образы зримыхъ предметовъ,—какъ это совершенно ясно,—запечатлѣваются на сѣтчаткѣ точно такъ же, какъ на фотографической пластинкѣ въ моментъ съемки. Съ помощью моментальной фотографіи возможно опредѣлить всѣ фазы движенія глазъ, въ осо-

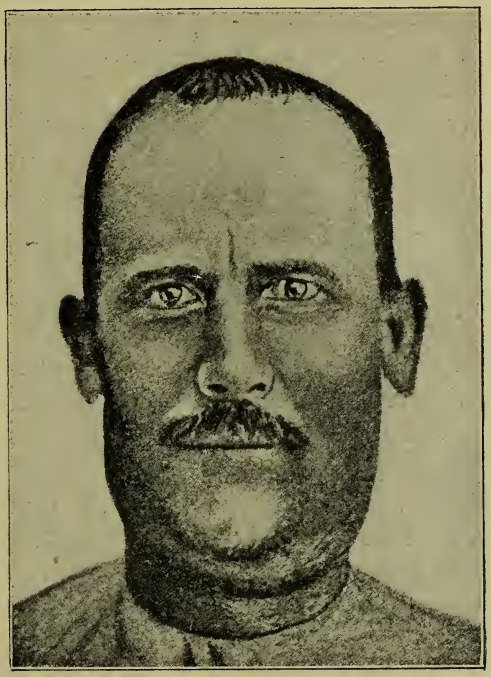


Фиг. 6. Видѣніе у нормальнаго субъекта.
(Изъ альбома автора книги).

бенности моменты остановокъ и поворотовъ глазного яблока. Остановка и неподвижность глаза на фотографіи передается „бликомъ“, т. е. свѣтлой точкой, или яркимъ отраженіемъ предмета (окна, свѣчи и т. п.) на роговой оболочкѣ, моментъ же передвиженія глаза на фотографіи выражается слабо-свѣтлой полосой, которая часто исчезаетъ при проявленіи фотографической пластинки.

Описанные факты „нормальнаго зрѣнія“ становятся еще болѣе ясными при сопоставленіи ихъ съ „ненормальнымъ зрѣніемъ“— у идіотовъ и душевно-больныхъ, которое фиксировано нами при помощи моментальныхъ фотографій. Многіе идіоты могутъ направлять

(устремлять) взоръ на предметъ, но не умѣютъ задержать его на одной точкѣ и блуждаютъ взоромъ, иные идіоты, взявши предметъ вѣрно, не умѣютъ аккоммодировать на немъ глазъ. При такихъ условіяхъ на сѣтчаткѣ глаза и, конечно, въ нервныхъ центрахъ зрѣнія отпечатлѣвается не 2—3 рѣзкихъ, послѣдовательныхъ



Фиг. 7.
Видѣніе у идіота (изъ альбома автора книги).

образовъ, отдѣленныхъ замѣтнымъ промежуткомъ времени (см. фиг. 6), а масса покрывающихъ другъ друга изображеній, которыя нелѣпо положены одно на другое (фиг. 7). Такое недоразвитое зрѣніе нами было наблюдаемо и сфотографировано у нѣкоторыхъ идіотовъ. На фигурахъ 6-й и 7-й можно легко видѣть разницу между видѣніемъ у нормальнаго человѣка (фиг. 6) и видѣніемъ у идіота (фиг. 7). У нормальнаго субъекта (фиг. 6) на роговой оболочкѣ глаза видны по два блика, что свидѣтельствуетъ объ однократномъ перемѣщеніи взора въ моментъ фотографической экспозиціи. У идіота же (фиг. 7)

видимъ множество слившихся между собою бликовъ; очевидно, глаза этого идіота во время экспозиціи находились въ безпрерывномъ движеніи, такъ сказать—топтались на мѣстѣ. Такимъ образомъ, глаза многихъ идіотовъ то блуждаютъ неопредѣленно, то нелѣпо движутся на небольшомъ кругу; при такихъ условіяхъ никогда не можетъ получаться на сѣтчатой оболочкѣ яснаго изображенія зримыхъ предметовъ. Отсутствіе нормальнаго видѣнія неминуемо ведетъ за собою неясность и неотчетливость зрительныхъ представленій у идіотовъ, а это, въ свою очередь, затрудняетъ имъ способность оріентированія и запоминанія мѣстности. Для разъясненія важнаго вопроса объ условіяхъ видѣнія, нами сдѣланы были наблюденія надъ больными, страдающими общимъ прогрессивнымъ параличемъ. Данныя эти, въ свою очередь, оказались имѣющими высокій интересъ. Такіе больные затрудняются, напр., слѣдить за движущимся предметомъ, постоянно теряютъ его изъ виду; между тѣмъ, какъ здоровый человѣкъ и даже трехъ-пяти-мѣсячный ребенокъ быстро и точно слѣдитъ за движущимся предметомъ, напр., за пальцемъ экспериментатора: глаза ребенка въ такихъ опытахъ слѣдятъ за предметомъ съ тою точностью, съ какой металлическая рыбка слѣдуетъ за притягивающимъ ее магнитомъ.

Наблюденія надъ развитіемъ зрительныхъ движеній у ребенка не только въ высшей степени поучительны, но и представляютъ собою одинъ изъ надежныхъ пріемовъ для рѣшенія вопроса о томъ, идетъ ли правильно душевное развитіе ребенка въ первые три мѣсяца жизни, или же оно запаздываетъ, или, наконецъ, идетъ неправильно.

Зрительныя движенія и основы зрительнаго вниманія развиваются у ребенка окончательно и упрочиваются къ концу третьяго мѣсяца его жизни. Въ этотъ моментъ предъ человѣческимъ ребенкомъ впервые открывается полная возможность ясно зрѣть Божій міръ и охватить своимъ дѣтскимъ, но уже точнымъ взоромъ все, что́ въ этомъ мірѣ совершается, что движется, свѣтится, ярко горитъ, переливается красками и блещетъ счастіемъ жизни! Предъ взоромъ крошечнаго человѣка открывается весь видимый міръ во всемъ его поразительномъ величіи, и все видимое такъ ново для ребенка, такъ неожиданно, загадочно, полно захватывающаго интереса! Видимый міръ въ высшей степени возбуждаетъ душу ребенка и становится главнымъ предметомъ его вниманія и воспріятія въ теченіе ближайшаго періода его духовнаго развитія (отъ 4—10 мѣсяца).

γ) Обученіе слышанію. Слуховое воспріятіе. (Внѣшнее слуховое вниманіе).

Для основъ психическаго развитія ребенка слухъ имѣетъ большую важность, нежели зрѣніе. Въ этомъ можно съ очевидностью убѣдиться изъ наблюденій надъ слѣпыми и глухими дѣтьми. Глухой ребенокъ развивается въ духовномъ отношеніи гораздо тупѣе, чѣмъ слѣпой, и это можно замѣтить очень рано, уже въ первые мѣсяцы жизни.

Развитіе слуха въ первые дни по рожденіи совершается не у всѣхъ дѣтей съ одинаковой быстротою. Можно считать, что на второй или третьей недѣлѣ по рожденіи уже почти всѣ дѣти начинаютъ слышать. Видимымъ знакомъ того, что ребенокъ слышитъ, можно считать смыканіе глазъ при каждомъ сильномъ звукѣ. Внезапное смыканіе вѣкъ наступаетъ при каждомъ неожиданномъ звукѣ и у многихъ дѣтей повторяется при каждомъ повтореніи самаго звука. Явленіе это носитъ такой характеръ, какъ будто ребенокъ пугается, или поражается звукомъ. При дальнѣйшемъ развитіи своемъ, въ отвѣтъ на сильный или внезапный звукъ, ребенокъ вскидываетъ ручками. Если звукъ сильный и продолжительный, ребенокъ приходитъ въ состояніе возбужденія, которое выражается безпокойными движеніями, и затѣмъ начинаетъ плакать. Къ концу втораго, но чаще къ началу или даже къ концу третьяго мѣсяца, ребенокъ поворачивается на звукъ и держитъ ухо такъ, что оно (большей частью) обращено по направленію къ звуку, т. е. ребенокъ ставитъ свое наружное ухо такъ, чтобы точно воспринимать звуковое впечатлѣніе.

Если наблюдать дѣтей тихо и незамѣтно для нихъ, когда они, пробудившись отъ сна въ полусвѣтѣ или даже при свѣтѣ остаются въ своей постелькѣ и копошатся, то можно замѣтить—какъ мы въ томъ ясно убѣдились—что ребенокъ прислушивается къ шумамъ, зависящимъ отъ его собственныхъ движеній, отъ шуршанія его платья, отъ его дыханія и даже, быть можетъ, отъ біенія его сердца. Если ребенка наблюдать, можно видѣть, что его внѣшнее вниманіе напряжено (о признакахъ вниманія см. ниже стр. 64), что выраженіе его лица носитъ на себѣ отпечатокъ такой же разумности, какъ и тогда, когда ребенокъ на что-нибудь смотритъ. Но такъ какъ, однако же, въ эту минуту у ребенка взоръ не аккомодированъ и ни на

чемъ не сосредоточенъ, то съ полной достовѣрностью можно сказать, что ребенокъ въ это время поглощенъ всецѣло слушаніемъ. Такіе моменты у ребенка довольно часты, и поэтому, въ отношеніи своихъ собственныхъ дѣтей, мы считали цѣлесообразнымъ, при пробужденіи ребенка, не тотчасъ брать его изъ постельки и выносить на свѣтъ, но оставить его на нѣкоторое время въ уединеніи и полумракѣ, предоставляя его самому себѣ. Въ это время ребенокъ занимается воспріятіемъ множества звуковъ; но какъ только выносятъ его на свѣтъ, свѣтовыя впечатлѣнія берутъ у него перевѣсъ.

Въ высшей степени интересно, что иногда уже въ эту раннюю пору жизни (конецъ третьяго мѣсяца) звукъ вызываетъ у ребенка не только поворотъ головы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поворотъ глазъ въ сторону, откуда идутъ звуки. Въ этомъ можно убѣдиться найочевиднѣйшимъ способомъ, если сзади поднести карманные часы къ уху ребенка такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Едва ребенокъ замѣтитъ звукъ, онъ поворачиваетъ въ сторону его ухо и глаза. За этимъ чисто нервнымъ движеніемъ скрывается одинъ изъ важныхъ источниковъ умственнаго развитія рабенка. Психологическое примѣненіе и использованіе этихъ движеній будетъ разсмотрѣно дальше (стр. 66—67), но здѣсь мы ограничимся указаніемъ на то, что это движеніе сходно съ тѣмъ сложнымъ движеніемъ глазъ, благодаря которому глаза, при всѣхъ активныхъ и пассивныхъ перемѣщеніяхъ головы и тѣла, продолжаютъ сохранять свое первоначальное положеніе на подобіе ватерпаса, въ которомъ жидкость продолжаетъ стоять горизонтально, какъ бы ни былъ наклоненъ самый приборъ. Описанное движеніе глазъ, при всей своей сложности и цѣлесообразномъ устройствѣ, носитъ рефлекторный характеръ. Въ то же время это движеніе глазъ относится къ разряду механическихъ нервныхъ актовъ, о которыхъ была рѣчь выше (стр. 30—32).

б) Развитіе чувства въ первые три мѣсяца. Появленіе спеціальнаго чувства.

Уже выше (стр. 36) нами было обращено вниманіе на то, что чувство у новорожденнаго носитъ характеръ общаго недифференцированнаго душевнаго состоянія, которое, будучи лишено всякаго конкретнаго характера и всякой спеціализаціи настроенія духа, выра-

жается исключительно въ двухъ простѣйшихъ, но противоположныхъ формахъ пріятнаго и непріятнаго. Но въ разбираемомъ сейчасъ періодѣ жизни ребенка—приблизительно около третьей или четвертой недѣли—становится замѣтнымъ первое конкретное чувство. Это чувство неожиданности. Хотя это чувство не отличается даже и у взрослаго яснымъ содержаніемъ и опредѣленнымъ самочувствіемъ, тѣмъ не менѣе, въ виду его необыкновенной объективной наглядности у ребенка, мы придаемъ ему значеніе самостоятельнаго нервно-психическаго состоянія, которое должно быть отличаемо отъ другихъ позже развивающихся чувствъ удивленія и страха.

Въ каждомъ сильномъ чувствѣ—говоритъ Гефдингъ [1])—содержится элементъ неожиданности и удивленія и, наоборотъ, удивленіе можетъ служить вступленіемъ къ различнымъ чувствамъ (страху, радости, любви) [1]). По наблюденіямъ Прейера [2]), неожиданность и удивленіе принадлежатъ къ первымъ чувствамъ новорожденнаго; они проявляются при первыхъ вкусовыхъ впечатлѣніяхъ.

Чувство неожиданности состоитъ во внезапной остановкѣ психическихъ и нѣкоторыхъ нервныхъ процессовъ, которые на короткое время—до полуминуты,—вдругъ задерживаются, какъ будто всѣ нервные акты получили обратный ходъ или толчокъ. Въ своихъ простѣйшихъ формахъ чувство неожиданности представляется чисто физіологическимъ или нервнымъ процессомъ; но во всякомъ случаѣ, и въ своихъ высшихъ формахъ оно полно физическихъ элементовъ. Задержкѣ нервныхъ актовъ въ состояніяхъ неожиданности можетъ иногда предшествовать миганіе глазъ (вѣкъ), вскидываніе ручекъ и общее вздрагиваніе. Чувство неожиданности вызывается у ребенка сильнымъ звуковымъ впечатлѣніемъ уже на первой недѣлѣ по рожденіи, но оно наступаетъ также и подъ вліяніемъ другихъ раздраженій, полученныхъ изъ любого органа чувствъ. Его, напр., можно вызвать, подувши въ лицо ребенку, быстро прикоснувшись къ ребенку, давши ему пить изъ холодной ложечки; онъ также поступаетъ при обонятельныхъ и вкусовыхъ впечатлѣніяхъ, если эти впечатлѣнія по свой силѣ рѣзко превосходятъ обычную норму, напр., сиропъ положенный ребенку въ ротикъ, сразу огорашиваетъ его, но, послѣ минутной остановки, ребенокъ распро-

---

[1]) Гефдингъ. Опытъ психологіи. II изд. VI, E. III.

[2]) Preyer. Die Siele des Kindes.

бовавъ, въ чемъ дѣло, охотно принимаетъ сладкое. Этотъ примѣръ показываетъ наглядно, что даже и впечатлѣнія пріятныя, если они очень рѣзки, повергаютъ ребенка въ состояніе неожиданности. Въ приведенныхъ фактахъ содержится указаніе на необычайную чувствительность нервной системы у ребенка въ отношеніи всякихъ вообще впечатлѣній и на вытекающую отсюда необходимость бережно обходиться съ нервами дитяти.

Чувство неожиданности стоитъ на границѣ между пріятными и непріятными чувствами. Подобно другимъ эмоціональнымъ состояніямъ, чувство неожиданности можетъ разрѣшиться переходомъ въ другія душевныя состоянія, повышая за свой счетъ ихъ силу и напряженіе. Здѣсь дѣло идетъ, вѣроятно, о нѣкоторомъ физіологическомъ использованіи энергіи, внезапно приведенной въ кинетическое состояніе неожиданнымъ впечатлѣніемъ.

в) Нервно-психическая гигіена въ первые три мѣсяца.

Въ интересахъ сохраненія здоровья слѣдуетъ обратить вниманіе въ этотъ періодъ на слѣдующія требованія.

Первое—по возможности удерживаться отъ всякаго содѣйствія психическому развитію ребенка: развитіе и безъ того идетъ столь быстрымъ темпомъ, что ускореніемъ его только бы открывалась дверь всякимъ опаснымъ уклоненіямъ. При необыкновенной чувствительности нервной системы у ребенка существуетъ, уже по одной этой причинѣ, наклонность къ преждевременному развитію. Въ этомъ убѣждаетъ и такой компетентный знатокъ психологіи дѣтства, какъ Прейеръ: упражняя ежедневно своего крошечнаго сына въ обученіи видѣнію, Прейеръ достигъ того, что аккоммодація развилась у него уже на 23 день по рожденіи—чего такъ рано никогда не бываетъ при нормальномъ ходѣ развитія.

Второе гигіеническое требованіе состоитъ въ охраненіи ребенка отъ сильныхъ и продолжительныхъ впечатлѣній: то и другое приводитъ къ утомленію нервной системы. Первыя точныя и весьма интересныя наблюденія надъ утомленіемъ въ дѣтскомъ возрастѣ принадлежатъ Прейеру. Чѣмъ нѣжнѣе по возрасту ребенокъ, тѣмъ скорѣе наступаетъ утомленіе и тѣмъ оно опаснѣе. Утомленіе выражается у ребенка нерасположеніемъ духа (см. выше стр. 36) и сле-

зами. Когда здоровый, сытый и въ другихъ отношеніяхъ удовлетворенный ребенокъ обнаруживаетъ дурное расположеніе духа, то это значитъ, что онъ утомленъ и ему нужно дать отдыхъ, удаливъ его отъ всякаго рода впечатлѣній. Уже сами по себѣ процессы видѣнія, слушанія могутъ утомлять ребенка; чрезмѣрное движеніе и всякая нервно-мышечная работа, напр., попытки высвободиться изъ туго связанныхъ пеленокъ утомительны; равнымъ образомъ, ребенокъ устаетъ отъ слезъ и крика; запахи утомляютъ (Combe); процессъ сосанія утомителенъ, если молоко не идетъ свободно и получается съ усиліями. Болѣзни въ высшей степени утомительны для ребенка. Наконецъ, можетъ утомить ребенка и безотлучное присутствіе матери, няни или кормилицы. Мы убѣдились въ томъ, что ребенку очень полезно, если, когда онъ не спитъ, его оставляютъ на нѣкоторое время одного, чтобы тѣмъ представить ему минуты покоя и вполнѣ самостоятельнаго отношенія къ внѣшнему міру. Хорошо, если совершенно крошечныхъ дѣтей оставлять совершенно однихъ въ постелькѣ (а дѣтей постарше—тоже однихъ на полу или на коврикѣ съ игрушками).

Третье гигіеническое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы ребенку дать и обезпечить достаточный и спокойный сонъ. Прейеръ считаетъ большой ошибкой разбудить крошечнаго ребенка.

На основаніи нашего опыта мы считаемъ очень полезнымъ, чтобы ребенокъ провелъ первые три мѣсяца жизни большею частью въ постелькѣ—все равно, спитъ онъ или не спитъ. При такихъ условіяхъ сама собой найдется необходимая мѣра сна и отдыха для ребенка. Если ребенокъ не спитъ, то и оставаясь въ кроваткѣ, онъ найдетъ достаточно матеріала для нервно-психической работы и самъ по себѣ уснетъ, когда захочетъ спать или устанетъ. Первыя недѣли, а въ особенности первые дни ребенокъ долженъ провести большею частью въ тишинѣ и въ полуосвѣщенномъ помѣщеніи.

Безсонница у ребенка указываетъ на болѣзнь или на прирожденную нервную раздраженность и требуетъ врачебныхъ указаній.

3. Отъ четвертаго до десятаго мѣсяца по рожденіи.

На этотъ періодъ должно смотрѣть, какъ на самый важный во всей жизни ребенка, потому что въ этомъ періодѣ зачинается та высшая духовная дѣятельность, которая рѣшительнымъ образомъ

отличаетъ человѣческаго ребенка отъ животныхъ, даже высшихъ. Чѣмъ отличается этотъ періодъ отъ предыдущаго?

Первые три мѣсяца своей жизни ребенокъ посвящаетъ всецѣло на усвоеніе искусства владѣть своими органами чувствъ и пользоваться ими: ребенокъ научается видѣть, слышать, осязать, однимъ словомъ — употреблять свои органы чувствъ въ качествѣ инструментовъ для воспріятія внѣшняго міра. Теперь ему предстоитъ иная задача — обучиться мыслить, чтобы понимать то, что онъ воспринимаетъ.

Но что такое мышленіе? Что значитъ—мыслить? Не входя въ рѣшеніе этого общепсихологическаго вопроса, остановимся на тѣхъ зачаточныхъ явленіяхъ, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи составятъ собою человѣческій духъ и которыя въ началѣ четвертаго мѣсяца или въ концѣ третьяго раскрываются въ своемъ яркомъ сіяніи. Въ чемъ состоятъ въ эту пору мыслительные процессы?—Они состоятъ не только въ воспріятіи впечатлѣній, но и въ переработкѣ ихъ; первое—еще не болѣе, какъ психофизическій процессъ, второе же является истинно психическимъ процессомъ. Разсмотримъ тѣ и другіе процессы, но раньше всего остановимся на вопросѣ:

„Что воспринимаетъ ребенокъ и въ какомъ количествѣ?“

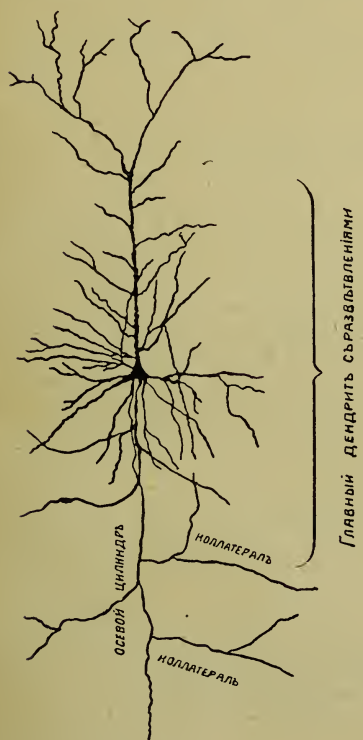
а) Психофизическіе факты.

Количество отдѣльныхъ нервныхъ толчковъ или возбужденій, падающихъ на органы чувствъ и переносимыхъ затѣмъ вглубь нервныхъ центровъ, неизмѣримо велико не только у взрослаго, но даже и у ребенка. Каждый органъ чувствъ доставляетъ мозгу такое количество ощущеній, какое мы едва можемъ себѣ представить. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Слуховой аппаратъ (такъ наз. органъ Корти) содержитъ отъ 20.000 до 30.000 струноподобныхъ дугъ, которыя приходятъ въ колебаніе при малѣйшемъ сотрясеніи внѣшняго воздуха. Сѣтчатая оболочка глаза содержитъ до $3^1/_2$ милліоновъ свѣточувствительныхъ нервныхъ окончаній, посредствомъ которыхъ свѣтовыя раздраженія принимаются изъ внѣшняго міра для передачи вглубь нервныхъ центровъ. Даже кожа—этотъ наиболѣе простой изъ органовъ чувствъ—содержитъ въ себѣ такое количество осязательныхъ подушечекъ, что при каждомъ прикосновеніи кончикомъ указательнаго пальца къ предмету нажимаютъ до 2.000

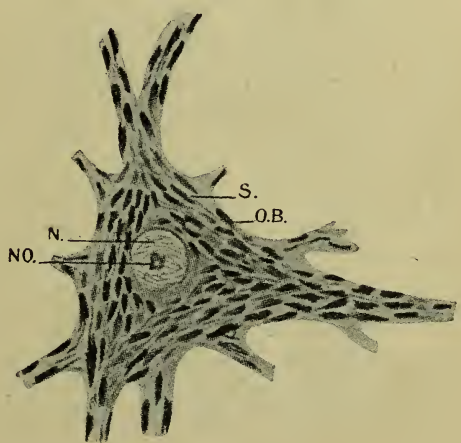
этихъ подушечекъ, при чемъ каждая изъ нихъ понесетъ въ мозгъ особое ощущеніе.

Милліоны поступающихъ въ мозгъ впечатлѣній принимаются тысячами древовидныхъ развѣтвленій (такъ наз. дендритовъ), которыми обладаетъ каждая нервная клѣточка. Система мозговыхъ клѣточекъ съ ихъ развѣтвленіями показаны на фигурахъ 8-й, 9-й и 10-й.

На противоположномъ отъ дендритовъ концѣ каждой нервной клѣточки находится особенное, отходящее отъ клѣточки, нервное цилиндрическое волоконце, какъ бы соотвѣтствующее длинному корню дерева; оно называется осецилиндрическимъ отросткомъ, потому, что оно, при дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, вложено въ оболочку, которая окружаетъ его, какъ муфта колеса окружаетъ ось (отсюда и странное съ перваго



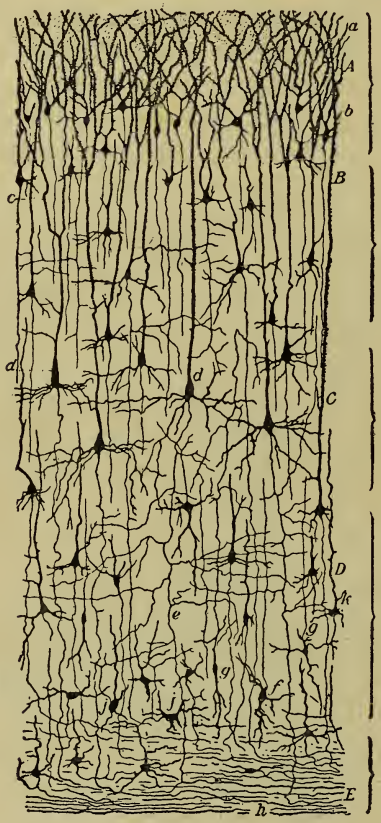
Фиг. 8-я.
Вполнѣ развитая клѣтка у человѣка.



Фиг. 9. Нормальная нервная клѣтка.
N—Ядро; NO—Ядрышко; OB—Овальныя зерна; S—Волоконца.

раза названіе этой части нервной клѣточки). Осецилиндрическій отростокъ играетъ у клѣточки роль исполнительнаго органа, и все, что совершается въ душѣ, всѣ желанія, хотѣнія, стремленія передаются во внѣшній міръ чрезъ посредство осецилиндрическихъ отрост-

ковъ нервныхъ клѣтокъ—всѣ, вообще, исходящіе импульсы проходятъ по этимъ путямъ. Наконецъ, въ клѣточкахъ есть, кромѣ дендритовъ и осецилидровъ, — боковые отросточки называемые—коллатералами; ихъ задача состоитъ въ соединеніи между собою удаленныхъ одна отъ другой клѣтокъ и даже дальнихъ



Зернистый слой.

Малыя пирамиды.

Большія пирамиды.

Полиморфныя клѣтки.

Веретенообразныя клѣтки и проводящіе пути.

Фиг. 10. Поперечный разрѣзъ коры мозга у крысы одномѣсячной.

территорій мозга. Такое соединеніе имѣетъ цѣлью объединять работу отдѣльныхъ клѣточекъ и областей для созданія нѣкотораго цѣльнаго дѣла, требующаго большого количества отдѣльныхъ элементовъ и частей. Коллатералы имѣютъ высшее значеніе для органа мысли, потому что разрушеніе ихъ (въ болѣзняхъ, напр., при размягченіи мозга) сразу уничтожаетъ память, нарушаетъ ходъ мысли и разстра-

иваетъ логику и ассоціацію, даже если-бы при этомъ осталась нетронутой способность видѣть, слышать и проч.

Одинъ взглядъ на строеніе мозга, нервныхъ клѣточекъ и органовъ чувствъ достаточенъ, чтобы показать, какъ безгранична можетъ быть работа мозга. Она совершенно подавила бы собою ребенка, если бы всѣ пути (дентриты), приводящіе къ клѣточкѣ, были готовы, и если бы по всѣмъ путямъ притекали къ мозгу потоки ощущеній; но именно, весьма значительная часть этихъ „проводящихъ путей“ еще не закончены въ своемъ развитіи въ разбираемомъ періодѣ (Flechsig), и нервная клѣточка получаетъ только часть того, что она могла бы получить.

б) Зрительное и слуховое узнаваніе.

Судьба получаемыхъ ребенкомъ впечатлѣній до и послѣ четвертаго мѣсяца весьма неодинакова. Ничто не указываетъ на то, чтобы до четвертаго мѣсяца ребенокъ обладалъ способностью узнавать свои прежнія зрительныя и слуховыя впечатлѣнія (т. е. вспоминать, что эти впечатлѣнія не новы, а уже однажды испытаны). Вкусовыя и обонятельныя впечатлѣнія ребенокъ уже узнаетъ, какъ объ этомъ была рѣчь выше (стр. 31 и дал.). Новостью въ началѣ четвертаго мѣсяца является, слѣдовательно, фактъ узнаванія зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній. Съ внѣшней стороны (т. е. для наблюдателя) узнаваніе ребенкомъ своихъ прежнихъ впечатлѣній выражается тѣми же типическими проявленіями, какія обыкновенно наблюдаются въ подобномъ случаѣ и у взрослаго и какія всякому извѣстны изъ субъективнаго опыта. Узнаваніе обнаруживается у ребенка живѣйшей радостью или чувствомъ вообще въ соединеніи съ самымъ энергическимъ и самымъ полнымъ захватомъ впечатлѣнія и видимымъ, замѣтнымъ, даже длительнымъ сосредоточеніемъ на немъ.

Самымъ очевиднымъ примѣромъ зрительнаго узнаванія можетъ служить узнаваніе ребенкомъ лица матери; оно сопровождается живѣйшей радостной улыбкой дитяти, какъ внѣшнимъ знакомъ совершившагося новаго внутренняго событія. Узнаваніе нерѣдко совершается съ той психологической рѣшительностью и торжественностью, какая характеризуетъ собою акты сознанія. Этотъ моментъ оставляетъ глубокій слѣдъ въ душѣ двухъ существъ—матери и дитяти.

Дитя, уже и раньше многократно глядѣвшее въ глаза своей матери—кормилицы, всматривавшееся въ отдѣльныя части ея лица, наблюдавшее пограничную черту между лицемъ и куафюрой, теперь, въ этотъ новый моментъ вникаетъ съ особой силой, смотритъ глубоко, неподвижно, долго и вдругъ его личико и глаза озаряются живѣйшей человѣческой радостью. Эта не та рефлекторная улыбка, которую можно вызвать щекотаніемъ щечекъ ребенка или поглаживаніемъ его тѣла. Эта радость—совершенно иное состояніе, и эту радостную улыбку мать называетъ первой сознательной улыбкой своего дитяти; но и всякій психологъ, наблюдающій и анализирующій это событіе, назоветъ его тѣмъ же именемъ. Наступленіе

a b c d

Фиг. 11.
(Изъ фотографическаго альбома автора книги).

сознанія одинаково важно и для матери, и для дитяти: для дитяти—это первая сознательная радость бытія, для матери—это кульминаціонная точка ея материнскаго счастья. До этой минуты два человѣческія существа были связаны только біологически, но теперь между ними устанавливается начало глубокой нравственной связи. Съ этого поворотнаго момента психическая жизнь дитяти, бывшая до того времени безсознательной, подсознательной или предсознательной, получаетъ печать сознательности и начинаетъ идти новымъ невиданнымъ дотолѣ путемъ: принимаетъ новое направленіе, преслѣдуетъ иныя цѣли и даже облекается въ новыя внѣшнія формы, очевидныя для наблюдателя. Два смежные періода дѣтской жизни до и послѣ появленія сознанія представлены на фиг. 11 a, b, c, d.

Четыре фототипіи принадлежатъ одному и тому ребенку, и сняты *a* — на четвертомъ мѣсяцѣ, *b* на шестомъ, *c* и *d* на двѣнадцатомъ. Первая (*a*) принадлежитъ къ предсознательному періоду, остальныя (*b*, *c*, *d*) къ сознательному періоду жизни дитяти. Уже одна мимика и физіогномика дитяти даютъ существенныя указанія на состояніе духа: въ *a* брови дугообразны, раздвинуты въ сторону и стоятъ высоко, губы мясисты; на фигурахъ же *b*, *c*, *d* губы тонки, изящны, брови прямолинейны, сближены между собой и стоятъ гораздо ниже— и чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ эти особенности болѣе выражены. То же должны сказать и о напряженіи мускулатуры тѣла: въ *a* движенія медленны, въ *b* движенія быстры, живы, неудержимы, въ *c* и *d* движенія быстры и живы, но уже видимо находятся подъ контролемъ самообладанія. Высота стоянія бровей въ *a* указываетъ на внѣшнее вниманіе, которое выражается признакомъ Duchenne's, т. е. сокращеніемъ лобной мышцы (m. frontalis). Низкое стояніе бровей и ихъ прямолинейность и сближеніе между собой указываютъ на внутреннее вниманіе,—на напряженіе мысли, которая выражается другимъ знакомъ Duchenne's, т. е. сокращеніемъ обѣихъ верхнихъ орбикулярныхъ мышцъ. Такимъ образомъ въ *a* замѣтно не болѣе, какъ состояніе младенческой сытости и довольства, а въ остальныхъ фототипіяхъ *b*, *c*, *d* уже видна ясная печать ума, интеллигентности и живой радости мыслящаго существа. Тонкость и изящество губъ указываетъ на дѣятельное напряженіе круговой мышцы рта, т. е. мышцы воли (Darwin). Ясно, что во второй половинѣ перваго года жизни человѣческое дитя уже обладаетъ сознаніемъ и волей и умѣетъ не только мыслить, но и напрягать внутреннее вниманіе. Живость и сила напряженія мускулатуры на фигурахъ *b*, *c*, *d* указываетъ, что съ появленіемъ сознанія и воли человѣческое дитя перестаетъ быть тѣмъ пассивнымъ существомъ, какимъ оно представляется въ первые три мѣсяца жизни (фиг. 11 *a*), но становится активнымъ и устремляется во внѣшній міръ для захвата его всѣми своими органами чувствъ, всей своей волей, всей своей мыслью,—что особенно наглядно сказывается въ фиг. 11 *b*.

Такимъ образомъ начало четвертаго мѣсяца жизни дитяти знаменуется слѣдующими существенными признаками:

1) Законченной способностью видѣнія (аккоммодаціей).
2) Способностью узнавать прежнія впечатлѣнія (зрительныя и слуховыя).

3) Выраженіемъ живой радости на лицѣ и во всемъ существѣ при актѣ узнаванія.

Но такъ какъ узнаваніе состоитъ въ воспоминаніи прошедшихъ впечатлѣній и въ соединеніи или ассоціированіи ихъ съ настоящими, то уже самый фактъ, что узнаваніе возникло и стало дѣятельнымъ и живымъ актомъ указываетъ, въ свою очередь, на возникновеніе ассоціацій у ребенка, т. е. на способность связывать одни психическіе акты съ другими и этимъ путемъ устанавливать непрерывность ихъ слѣдованія и теченія. Но на такую же сложность душевнаго состоянія указываетъ и радость дитяти. Очевидно, что въ эту пору ребенокъ не только можетъ узнавать, т. е. объединять прошедшее съ настоящимъ, но способенъ также объединять и связывать въ одно цѣлое (ассоціировать) нѣсколько психическихъ актовъ данной минуты. Наблюденія надъ ребенкомъ показываютъ, что съ четвертаго мѣсяца жизни его психическая дѣятельность направлена главнѣйшимъ образомъ на объединеніе ощущеній, и даже можно утверждать, что функціи ребенка, вся его душевная жизнь въ этотъ періодъ направлена болѣе всего на ассоціативную работу и на мыслительныя упражненія.

Благодаря возникновенію сознанія и воли, вся душевная жизнь дитяти получаетъ новое направленіе. Это уже но пассивное существо, которое является объектомъ и жертвой воздѣйствій внѣшняго міра, напротивъ, это теперь юная человѣческая душа,—самобытная, активная, овладѣвшая органами чувствъ и устремляющаяся впередъ по своему внутреннему чутью. Это—зачинающаяся индивидуальность, жаждущая впечатлѣній, ищущая и избирающая ихъ. Въ душѣ дитяти уже остаются слѣды бывшихъ впечатлѣній и начинается незримо зарождаться работа мысли и она то побуждаетъ ребенка къ поискамъ за впечатлѣніями.

в) Внѣшнее вниманіе.

Поразительнымъ явленіемъ разбираемаго періода (отъ 4—10 мѣсяца) представляются поиски ребенка за впечатлѣніями. Бодрствующій ребенокъ не перестаетъ ни на одну минуту въ своей живой работѣ поисковъ за впечатлѣніями. Если ребенку поставить передъ глазами руку или другой непрозрачный предметъ, то онъ начинаетъ дѣлать усиленныя движенія головой, чтобы открыть себѣ

поле зрѣнія. Дѣти, которыя имѣли несчастье ослѣпнуть, или тѣ, у которыхъ врожденная катаракта или другой недостатокъ, препятствующій свѣту прониката въ глазъ, дѣлаютъ всевозможныя движенія головой и жадно слѣдятъ за каждымъ, случайно попавшимъ въ глазъ, лучемъ чрезъ какую либо боковую щель, пощаженную процессомъ слѣпоты. Очевидно, у ребенка уже существуетъ воспоминаніе о бывшихъ впечатлѣніяхъ и бывшихъ движеніяхъ, и ребенокъ повторяетъ эти движенія, вводящія его вглубь внѣшняго міра. Въ этомъ уже сказывается зачинающаяся воля ребенка.

Подобно глазу и всѣ другіе органы чувствъ находятся въ эту пору у ребенка въ состояніи самой живой дѣятельности и отзываются на малѣйшіе толчки или малѣйшія воздѣйствія внѣшняго міра. Наблюденія надъ ищущимъ и воспринимающимъ впечатлѣнія ребенкомъ полны живого, захватывающаго интереса, но они полны также и глубокаго философскаго значенія. По внутреннему стремленію и побужденію ребенокъ неустанно употребляетъ въ дѣло свои внѣшніе органы чувствъ. Онъ пользуется этими простыми, готовыми и уже хорошо знакомыми инструментами, посредствомъ которыхъ внѣшній міръ свободно вливается въ его душу. Ребенокъ безпрерывно переноситъ свое вниманіе отъ одного предмета къ другому, отъ одного объекта наблюденій къ другому: то онъ воспринимаетъ видимые предметы на свою сѣтчатку, какъ на фотографическую пластинку, то направляетъ 20,000 чувствительныхъ струнъ своего уха навстрѣчу волнамъ колеблющихся частицъ воздуха, то анализируетъ звуки, то осязаетъ милліоны едва уловимыхъ осязательныхъ и тепловыхъ воздѣйствій со стороны окружающей среды, коротко — ребенокъ захватываетъ и чувствуетъ внѣшній міръ всѣми фибрами своего чуткаго дѣвственнаго существа. Концентрируя свое вниманіе то на томъ, то на иномъ предметѣ, ребенокъ на минуту застываетъ въ извѣстной позѣ, давая тѣмъ наблюдателю полную картину внѣшняго вниманія. Однимъ изъ самыхъ очевидныхъ знаковъ внѣшняго (а также и внутренняго) вниманія у дитяти служитъ внезапная остановка дыханія. Перерывы дыханія у внимательнаго ребенка очень часты; они выравниваются слѣдующимъ затѣмъ учащеннымъ дыханіемъ. Внѣшнее вниманіе даетъ возможность воспринять намѣченное впечатлѣніе съ полнѣйшей точностью, потому что, пока длится моментъ вниманія, воспринимающій органъ стоитъ неподвижно и впечатлѣніе можетъ оставить въ немъ чистый и ясный

слѣдъ, который такимъ же отчетливымъ и яснымъ переносится въ мозгъ.

Наблюденіе вниманія у ребенка принадлежитъ къ числу очень поучительныхъ занятій. Большею частью не трудно опредѣлить объектъ вниманія. Продолжительность остановки на предметѣ наблюденія указываетъ на степень вниманія и на силу начинающейся воли. Уже на пятомъ, особенно же на шестомъ мѣсяцѣ вниманіе настолько развито, что не удается сразу отклонить ребенка на другой предметъ. Степень и сила вниманія могутъ послужить къ рѣшенію вопроса о нормальномъ или ненормальномъ ходѣ психическаго развитія ребенка. Слабость вниманія или отсутствіе его указываетъ на замедленіе, или несовершенство умственнаго развитія (будущій идіотизмъ, отсталость, нервность).

г) Соединеніе различныхъ родовъ воспріятій. Ассоціація.

Третью отличительную черту описываемаго періода представляетъ неустанное и непобѣдимое стремленіе ребенка къ соединенію и скрѣпленію получаемыхъ впечатлѣній въ мыслительные ряды и цѣпи, напр., къ запоминанію звуковъ колокольчика и его вида, цвѣта сахара и его вкуса и т. д. Взрослому ассоціативное соединеніе впечатлѣній совершенно естественно, и другого порядка умственной работы, другого мыслительнаго пріема мы себѣ и не представляемъ; но для ребенка всѣ умственныя операціи, которыя мы называемъ логическими, т. е. связанными, до такой степени новы и непривычны, что только путемъ долгаго и непрерывнаго упражненія ему удается связать ихъ. Идіотическое и слабоумное дитя вовсе не выучивается или выучивается слабо связывать впечатлѣнія,—въ этомъ главное зло идіотизма (Гризингеръ). Масса игръ и забавъ здороваго ребенка представляютъ собою не иное что, какъ ряды упражненій, которыя направлены къ тому, чтобы логически связывать отдѣльныя умственныя операціи, чтобы тщательно и точно закрѣпить впечатлѣнія въ естественномъ порядкѣ, какъ они получены, или въ иномъ искусственномъ сочетаніи, какое диктуется фантазіей ребенка, организующаго свои занятія. Эта своеобразная умственная работа носитъ на себѣ одинъ характеристичный признакъ, который всегда есть на лицо и тотчасъ обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя. Онъ состоитъ

въ необыкновенно большомъ количествѣ движеній, которыя свойственны дѣтямъ. Въ этомъ отношеніи умственная работа взрослаго отличается отъ дѣтской самымъ рѣшительнымъ образомъ. Сюда относятся прежде всего безчисленныя и, съ точки зрѣнія взрослаго, безполезныя движенія ручекъ, ножекъ и всего тѣла у ребенка. Нѣкоторыя изъ этихъ движеній необходимы, какъ гимнастика тѣла, и непосвященный въ психологію наблюдатель склоненъ всѣ вообще движенія ребенка отнести къ этой категоріи. На самомъ дѣлѣ, это не такъ: наибольшая часть движеній имѣетъ для ребенка не механическій, а психическій интересъ. Психологія взрослаго разрѣшаетъ эту загадку дѣтской души, какъ показываютъ нижеслѣдующія строки.

Экспериментальныя изслѣдованія касательно памяти и ассоціацій, произведенныя многими учениками проф. Вундта, а равно и многими французскими учеными, привели къ безспорному почти выводу о томъ, что исходной точкой репродукцій (воспоминаній) служатъ мышечныя чувства и мышечныя движенія. При такихъ условіяхъ малѣйшее движеніе въ организмѣ можетъ совершенно непроизвольно стать исходной точкой мыслительной работы. Дитя въ своемъ умственномъ развитіи слѣдуетъ этому закону природы и, производя инстинктивно, безо всякаго намѣренія, массу движеній, тѣмъ самымъ привноситъ въ свою память безчисленные промежуточные члены, возбужденіе которыхъ можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ воспоминаній о тѣхъ или иныхъ умственныхъ процессахъ. Чрезъ присоединеніе мышечныхъ воспріятій къ умственнымъ процессамъ возрастаютъ шансы памяти и репродукціи. Раньше всего на этомъ пути связываются осязательныя ощущенія съ мышечными, потому что всякое мышечное движеніе неминуемо вызываетъ натяженіе кожи въ однихъ мѣстахъ и разслабленіе въ другихъ, а чрезъ это возникаетъ масса одновременныхъ мышечно-осязательныхъ ассоціацій. Отсюда естественно заключить, что не только мышечныя ощущенія, но и ощущенія кожи могутъ стать исходной точкой мыслительности. Это первая ближайшая серія ассоціацій у дитяти. Всякое движеніе, всякое сокращеніе мышцы служитъ источникомъ двухъ родовъ ощущеній (мышечныхъ и кожныхъ), которыя путемъ безчисленныхъ повтореній связываются въ неразрывныя цѣпи. Отсюда глубокая потребность дитяти въ безчисленныхъ движеніяхъ ручекъ и ножекъ, а также и другихъ частей тѣла.

Къ движеніямъ ручекъ и ножекъ впослѣдствіи присоединяются зрительныя впечатлѣнія: ребенокъ смотритъ внимательно на собственную ручку и ножку, которую онъ двигаетъ въ различныхъ направленіяхъ. Въ этомъ своемъ занятіи или въ этой забавѣ ребенокъ связываетъ въ одну цѣпь или въ одинъ общій рядъ: зрительныя, осязательныя и мышечныя ощущенія. Безконечное количество этихъ дѣтскихъ развлеченій показываетъ, какъ необходимы ребенку этого рода упражненія. Упражненія эти непрерывны у дитяти, но также непрерывны и вытекающія изъ нихъ ассоціаціи.

Прейеръ о дѣтскихъ играхъ выражается, что это вовсе не игры въ обычномъ значеніи этого слова, но это—истинные эксперименты, поставленные ребенкомъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ самыхъ простыхъ занятіяхъ, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, нерѣдко сказывается истиная философская глубина безсознательнаго творчества. Играя со своей ручкой, разсматривая ее, двигая, касаясь ея другой ручкой, ребенокъ сосредоточиваетъ свой взоръ и вниманіе то на ручкѣ, т. е. смотритъ на нее, то вдругъ начинаетъ смотрѣть неопредѣленно, какъ будто вдаль, совершенно разслабивъ взоръ—это значитъ, что вниманіе ушло отъ зрительныхъ впечатлѣній и сосредоточилось на мышечно-осязательныхъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ иная исходная точка мысли.

Быть можетъ, мышечныя и осязательныя упражненія пальцевъ и губъ составляютъ наибольшую часть дѣтскихъ упражненій, особенно въ началѣ разбираемаго періода. Относящіяся сюда мышечныя ассоціаціи изучаются ребенкомъ очень рано и съ особенной настойчивостью. Въ ряду другихъ движеній ручекъ можно наблюдать, уже очень рано (5—6-й мѣсяцъ), совершенно своеобразныя медленныя движенія, соединенныя съ направленнымъ на нихъ внимательнымъ взоромъ. По всей вѣроятности, это движеніе не что иное, какъ движеніе руки подъ руководствомъ глазъ. Такая ассоціація движеній рукъ и глазъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ актовъ въ психологическомъ отношеніи. Всѣ мелкія работы имежду ними—писаніе совершаются у зрячаго человѣка подъ руководствомъ глазъ. Грубое орудіе—рука, благодаря воспитательному вліянію глаза, поднимается на высоту гораздо болѣе тонкаго орудія. Легко понять, что сочетаніе (ассоціація) движеній руки съ движеніемъ глазъ представляетъ очень трудную задачу, которая требуетъ продолжитель-

ныхъ и упорныхъ упражненій. До пятаго и шестого мѣсяца, ребенку, когда онъ хочетъ схватить предметъ, приходится дѣлать много неудачныхъ движеній, и цѣль достигается скорѣе ощупью — осязательно, чѣмъ вѣрнымъ зрительнымъ разсчетомъ. Въ шестомъ и седьмомъ мѣсяцѣ ребенокъ уже хорошо схватываетъ предметы, находящіеся предъ взоромъ, но еще не можетъ показать пальцемъ предмета, на который смотритъ. Показъ пальцемъ, взамѣнъ показа взоромъ, наступаетъ только къ концу разбираемаго періода или даже позже.

Наловчившаяся и воспитанная подъ руководствомъ глазъ рука служитъ дитяти впослѣдствіи, какъ самое вѣрное средство активнаго осязанія (стереогностическаго воспріятія), о которомъ уже была рѣчь выше (стр. 44 и дал.).

Основательно ознакомившись съ простѣйшими связями и ассоціаціями мышечнаго типа, ребенокъ переходитъ къ сложнѣйшимъ ассоціативнымъ задачамъ.

Къ самымъ употребительнымъ и наиболѣе любимымъ дѣтьми развлеченіямъ принадлежитъ общеизвѣстная забава ребенка ножкой, Глядя на свою ножку, которая достаточно удалена отъ лица и рукъ, ребенокъ старается схватить ее рукой и положить въ ротъ для цѣлей активнаго осязанія, какъ это онъ дѣлаетъ со всякимъ постороннимъ предметомъ. Но здѣсь ребенокъ встрѣчается съ поразительнымъ для него фактомъ, что этотъ, казавшійся ему далекимъ и чуждымъ, предметъ (ножка) даетъ такія же осязательныя ощущенія, какія ребенокъ привыкъ получать отъ губъ и осязающихъ рукъ. Знакомство съ ножкой и изслѣдованіе этого столь курьезнаго предмета становится исходной точкой для ознакомленія ребенка съ собственнымъ тѣломъ и для отличенія его отъ тѣхъ предметовъ, которые лежатъ за предѣлами тѣла. Прикосновеніе осязающей ручкой къ внѣшнему предмету даетъ ребенку только одно осязательное ощущеніе, соприкосновеніе же ножки съ ручкой даетъ одновременно два ощущенія — отъ руки и отъ ноги. Этотъ неожиданный фактъ глубоко интересуетъ ребенка и задаетъ его уму трудную задачу. На этой задачѣ ребенокъ останавливается долгое время и съ необыкновенымъ интересомъ. Всѣ дѣти забавляются ножкой! Эта забава болѣе, нежели что-нибудь другое, приводитъ ребенка къ открытію крупнаго психологическаго факта — отличенія самого себя отъ внѣшняго міра: такъ забава ученаго съ первыми эле-

ктрическими искрами привела къ открытію свойствъ электричества, какъ великой силы природы!

Когда ребенокъ ознакомится со своей ножкой, не только, какъ съ видимымъ и осязаемымъ объектомъ, но и какъ съ чувствующимъ предметомъ, онъ переходитъ къ изслѣдованію тѣхъ частей своего тѣла, которыхъ онъ непосредственно не видѣлъ, напр., уха, глаза. Случайное прикосновеніе къ собственному глазу или даже къ вѣку и рѣсницамъ вначалѣ вызываетъ у ребенка страхъ и слезы отъ встрѣчи со столь чувствительнымъ объектомъ, о существованіи котораго онъ и не догадывался. Примѣненіе зеркала дѣлаетъ невидимые предметы видимыми и представляетъ для ребенка, какъ и для животнаго, большую загадку и интересное явленіе. Зеркало относится къ числу поучительныхъ игрушекъ ребенка.

Указанныя ассоціативныя упражненія—мало-по-малу—укрѣпляютъ въ умѣ ребенка связь между рядами впечатлѣній. Въ своемъ трудѣ „Душа и тѣло“ („Gehirn und Seele“) Флексигъ выражаетъ совершенно вѣрное мнѣніе (тѣмъ болѣе, что оно основано на анатомическихъ данныхъ) о томъ, что такая сложная функція, какъ мышленіе, предполагаетъ существованіе особеннаго органа, особаго нервнаго центра, который давалъ бы возможность связывать отдѣльные умственные акты въ ряды и цѣпи и въ томъ же порядкѣ воспроизводить ихъ. По мнѣнію Флексига эта функція совершается при посредствѣ открытыхъ имъ высшихъ, или ассоціативныхъ центровъ, которые, занимая по своей топографіи среднее положеніе между чувственными центрами, составляютъ естественное центральное поле, на которомъ встрѣчаются ощущенія, исходящія изъ различныхъ органовъ чувствъ (см. фиг. 3, стр. 9). По изслѣдованіямъ Флексига анатомическое развитіе высшихъ или ассоціативныхъ центровъ происходитъ въ періодъ между 4—10 мѣсяцемъ жизни ребенка, т. е. въ то именно время, когда и ассоціативныя упражненія выступаютъ у ребенка на первый планъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно существуетъ пораллелизмъ между фактомъ анатомическаго развитія мозга съ одной стороны и психическими проявленіями у ребенка съ другой. Какъ показалъ Флексигъ, ассоціативные центры у человѣка превосходятъ, по своимъ размѣрамъ, въ три раза чувственные центры, тогда какъ у животныхъ, наоборотъ, они уступаютъ по своимъ размѣрамъ чувственнымъ центрамъ. Уже одинъ этотъ фактъ выдѣляетъ человѣка въ ряду животныхъ на первое мѣсто, а также объясняетъ

и то, почему полугодовой ребенокъ превосходитъ въ многомъ даже взрослыхъ животныхъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что и самая структура ассоціативныхъ центровъ у человѣка отличается отъ животныхъ, судя по тому, что ассоціаціи у животныхъ долгое время—почти всю жизнь—остаются на степени неподвижныхъ формулъ, шаблонныхъ заключеній, узкихъ конкретныхъ формъ мышленія, неспособнаго ни къ обобщеніямъ, ни къ модификаціямъ. Между тѣмъ, у человѣческаго дитяти въ эту пору уже замѣтна способность къ обобщеніямъ, къ образованію мыслительныхъ формулъ, къ преобразованію безсознательныхъ ассоціацій въ мышленіе. Ребенокъ Прейера уже на восьмомъ мѣсяцѣ жизни видѣлъ въ каждой бутылкѣ нѣчто близкое къ рожку (онъ былъ вскормленъ на рожкѣ); моя дѣвочка любила послѣдовательно наблюдать полулунное окошечко голубятни, полулунную вырѣзку въ печной дверцѣ и луну въ ущербѣ, сравнивать между собою и связывать эти различные предметы въ одинъ общій образъ. Этотъ общій психическій терминъ, это общее представленіе вызывалось въ умѣ ребенка каждымъ индивидуально-общимъ представленіемъ, съ которымъ оно было связано; увидитъ ребенокъ окошечко голубятни, сейчасъ пытается искать луну на горизонтѣ. Эта ранняя способность дѣтскаго ума образовать общія представленія изъ индивидуальныхъ расширяетъ кругъ его мысли, облегчая примѣненіе общихъ формулъ къ спеціальнымъ случаямъ съ небольшими лишь измѣненіями. Оттого ребенка не затрудняютъ новыя впечатлѣнія или новая постановка ихъ, тогда какъ животное при всякой перемѣнѣ внѣшнихъ впечатлѣній становится втупикъ, потому, что его мыслительный аппаратъ приспособленъ только къ немногимъ положеніямъ, къ конкретнымъ случаямъ. Въ этомъ — великая разница между человѣкомъ и животнымъ. Животное—это по преимуществу наблюдающее существо, человѣкъ—мыслящее.

Необходимость упражненія такого важнаго аппарата, какъ ассоціативный, являющійся истиннымъ орудіемъ мысли, дѣлаетъ понятнымъ поразительное увлеченіе, съ которымъ ребенокъ предается своимъ играмъ: всѣ его занятія, игры и вся фантазія представляютъ не иное что, какъ модели и схемы мысли. Посредствомъ своихъ игръ ребенокъ обучается процессу мышленія, т. е. искусству связывать разнообразные психическіе процессы въ одно неразрывное цѣлое и объединять въ одинъ непрерывный мыслительный потокъ. Изо дня въ день этотъ потокъ становится все шире и

сильнѣе. Мы приведемъ нѣкоторые примѣры ассоціативной и мыслительной работы у ребенка, чтобы показать путь наблюденія, которому мы слѣдовали.

При первомъ взгядѣ, занятія и развлеченія ребенка кажутся настолько многообразными и пестрыми, что по видимому совершенно невозможно обобщить ихъ и понять ихъ смыслъ. Но если записать протокольно все, что дѣлаетъ ребенокъ, и сравнить рядъ такихъ записей, то выступитъ поразительная правильность и выяснится смыслъ дѣтскихъ занятій.

Наблюденіе I. Дѣвочка 6-ти мѣсяцевъ — дочь моего ученика и друга. Дѣвочка здорова, хорошо упитана, жива. Своихъ отъ чужихъ дѣвочка отличаетъ слабо. Я показалъ дѣвочкѣ вышитую подушку, держа ее близко предъ взоромъ. Первое впечатлѣніе — было чувство неожиданности, близкое къ удивленію; оно выразилось минутной неподвижностью ребенка, послѣ чего дѣвочка сразу перешла къ изслѣдованію. Она быстро взглянула на уголъ подушки, потомъ быстро перевела взоръ по прямой линіи внизъ къ нижнему углу подушки и здѣсь остановилась нѣсколько секундъ неподвижно въ одномъ положеніи, послѣ чего сдѣлала еще нѣсколько быстрыхъ движеній взоромъ, идя то вдоль края подушки, то по діагонали. Очевидно, въ первую минуту ребенокъ былъ пораженъ большими размѣрами находившагося предъ глазами предмета, и первымъ движеніемъ ума было опредѣленіе величины и формы предмета. Затѣмъ взоръ дѣвочки остановился на яркихъ краскахъ зашитой части подушки, переходя потомъ отъ одного цвѣта вышивки къ другому. До этой минуты, очевидно, ребенокъ всецѣло былъ поглощенъ зрительнымъ вниманіемъ и зрительными ассоціаціями, но послѣ этого дѣвочка пустила въ ходъ руки: было ясно, что ея вниманіе перешло на другіе пути. Сначала она принялась пальцами касаться тѣхъ мѣстъ подушки, которыя манили своими яркими красками — было очевидно, что дѣвочка хочетъ достать ихъ и выдѣлить изъ общей массы, дѣлая то же поочередно съ каждой краской. Съ момента прикосновенія къ подушкѣ дѣвочка перешла отъ зрительныхъ впечатлѣній къ зрительно-осязательнымъ ассоціаціямъ, т. е. къ болѣе сложной работѣ по сравненію съ первоначальной; изслѣдуя взоромъ и осязаніемъ, она сначала старалась добыть, какъ-бы вырвать изъ подушки отдѣльныя цвѣтныя части, а затѣмъ стала подушку толкать, тащить и т. п. Съ этой минуты взоръ ребенка

пересталъ быть концентрированнымъ: очевидно, мысли опять перешли на новый путь—къ чисто осязательному изслѣдованію интересующаго предмета съ точки зрѣнія вѣса, сопротивленія и т. п. Когда дѣвочка добыла достаточную массу зрительныхъ, зрительно - осязательныхъ и просто осязательныхъ впечатлѣній, она неожиданно съ проблескомъ чувства обратилась взоромъ и всѣмъ своимъ существомъ къ одному изъ присутствующихъ совершенно такъ, какъ будто она ждала отвѣта на свой запросъ; дѣвочка, казалось, спрашивала: „вы тоже это замѣтили?"

Наблюденіе II. Мальчикъ около 9 мѣсяцевъ, сынъ одного изъ моихъ друзей и учениковъ. Мальчикъ здоровъ, правильно развитъ, всѣ психическіе акты носятъ у него отпечатокъ нѣкоторой медленности, точности, спокойствія, самообладанія, что свидѣтельствуетъ о гармоничномъ развитіи всѣхъ сторонъ его душевной жизни. Ребенокъ сидитъ за обѣденнымъ столомъ на рукахъ няни, предъ нимъ стоитъ корзина, наполненная хлѣбомъ. Бросивши бѣглый взглядъ на корзину (она ему была хорошо извѣстна), мальчикъ быстро схватилъ крендель и началъ имъ стучать по другимъ предметамъ, а потомъ по булкѣ, затѣмъ по борту корзинки. Схватывая то тотъ, то другой кренделекъ, онъ повторялъ то же. Было ясно, что вниманіе ребенка перешло отъ первоначальныхъ мышечныхъ и мышечно-осязательныхъ ассоціацій къ звуковымъ. Затѣмъ, неожиданно онъ захватилъ большой крендель, съ силою повернулъ его и въ эту минуту, озаренный удовольствіемъ, обернулся лицомъ къ державшей его нянѣ съ вопросительнымъ выраженіемъ, какъ бы спрашивая: „ты замѣтила, что я сейчасъ сдѣлалъ?" Интересно, что мальчикъ, въ отличіе отъ описанной выше дѣвочки (наблюденіе I), не только обернулся къ державшей его нянѣ, но взглянулъ ей въ лицо, какъ бы желая на ея лицѣ прочесть отвѣтъ на свой вопросъ. Мальчикъ былъ старше дѣвочки, и онъ не просто обращается къ окружающимъ, но смотритъ вопросительно и ждетъ отвѣта. Въ душѣ ребенка возникло, очевидно, нѣчто психологически новое. Это новое—„свободныя представленія".

д) Свободныя представленія.

У описаннаго мальчика (наблюденіе II) яркой чертой проходитъ стремленіе къ непрерывному повторенію одного и

того же: очевидно, главная цѣль его упражненій состоитъ въ упорныхъ усиліяхъ закрѣпить въ памяти наблюдаемые факты и самую ихъ послѣдовательность. У этого мальчика удалось съ ясностью прослѣдить и самый моментъ возникновенія „свободныхъ представленій". При наблюденіи за нимъ въ то время, когда онъ стучалъ различными предметами о столъ и тѣмъ вызывалъ рѣзкіе звуки, было очевидно, что въ эти минуты его вниманіе было приковано не къ воспріятію звуковъ, которые онъ производилъ, но болѣе всего къ внутреннему образу или слѣду, какой оставался въ душѣ, послѣ этихъ звуковъ. Ребенокъ живо чувствовалъ этотъ свѣжій слѣдъ и видимо старался отдѣлить-оторвать этотъ слѣдъ отъ реальнаго впечатлѣнія и закрѣпить въ памяти. Это ясно было изъ того обстоятельства, что высшее напряженіе вниманія, какое проявлялъ ребенокъ, совпадало не съ самымъ моментомъ воспріятія звука, а наступало непосредственно послѣ: вниманіе прилагалось не къ самому впечатлѣнію, а къ тому, что слѣдовало непосредственно за нимъ. Притомъ и самое вниманіе мальчика было болѣе продолжительно, чѣмъ короткіе звуки, которые онъ хотя и слушалъ, но не казался къ нимъ внимательнымъ. На самомъ же дѣлѣ вниманіе было въ другомъ пунктѣ, и звуки являлись только сигналомъ къ усиленію вниманія „къ чему то". Черезъ всѣ игры этого мальчика ясною нитью проходитъ эта психологическая особенность: мальчикъ стучитъ равнодушно, безъ удовольствія,—эти звуки, очевидно, ему хорошо извѣстны и не интересны,—онъ занятъ иной, высшей работой, которая въ томъ состоитъ, чтобы уловить психологическій слѣдъ исчезающаго внѣшняго впечатлѣнія, чтобы задержать и закрѣпить въ умѣ эти предательскіе звуки, которые такъ ясны для уха, пока стучишь по столу, но которые тотчасъ исчезаютъ изъ сознанія, какъ только складываешь руки. Оттого настойчивый мальчикъ не покладаетъ рукъ: онъ продолжаетъ стучать неустанно, усиленно напрягаетъ свое вниманіе, всячески примѣняется къ загадочнымъ событіямъ, чтобы какъ нибудь перенести въ свою душу весь этотъ чудный, окружающій міръ,—и тамъ его закрѣпить и удержать, сдѣлавъ такимъ образомъ представленіе „свободнымъ", не связаннымъ съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Въ эти минуты у мальчика наблюдались поперемѣнно явные знаки то внѣшняго, то внутренняго вниманія, которые смѣнялись поочередно, при чемъ по временамъ внутреннее вниманіе принимало необыкновенно напряженныя формы, чѣмъ вполнѣ подтверждается

приведенное сейчасъ истолкованіе явленій, сопровождавшихъ забаву мальчика (о знакахъ внутренняго вниманія см. ниже, стр. 77 и дал.).

Когда описываемый мальчикъ однажды мною былъ поднятъ высоко,—очень нравящееся дѣтямъ положеніе,—онъ взглянулъ вокругъ съ удовольствіемъ, потомъ посмотрѣлъ внизъ и, наконецъ, улыбаясь посмотрѣлъ мнѣ въ глаза вдумчиво и съ вопросительнымъ, полнымъ ожиданія взглядомъ. Въ этомъ движеніи ребенка лежала зачинающаяся мысль, составленная изъ серіи „свободныхъ представленій" приблизительно такого рода: какая чудная картина представляется съ высоты, я любуюсь ею, и я хорошо понимаю, что это, именно, вы устроили мнѣ такое удовольствіе".

Мальчику вложенъ былъ въ руку колокольчикъ, которымъ я сталъ сильно звонить, потрясая рукой ребенка, и затѣмъ свободно оставилъ колокольчикъ въ рукѣ мальчика. Мальчикъ трижды позвонилъ и тотчасъ посмотрѣлъ на окружающихъ съ живѣйшей улыбкой, которая сопровождалась рѣзкимъ напряженіемъ мышцы мысли—верхней орбитальной (ср. выше стр. 62—63). Это была, очевидно, вовсе не простая улыбка, но выраженіе глубокой радости, вызванной какимъ-то крупнымъ совершившимся въ душѣ событіемъ. Взоръ ребенка въ эту минуту не былъ сосредоточенъ ни на какомъ внѣшнемъ предметѣ, и, тѣмъ не менѣе, мышца мысли была очень рѣзко напряжена, и столь-же рѣзко было выражено слуховое вниманіе при общемъ напряженіи мышцъ всего тѣла. Такая комбинація объективныхъ явленій показываетъ, что ребенокъ въ эту минуту былъ поглощенъ напряженнѣйшей умственной работой и напряженнымъ внутреннимъ вниманіемъ: очевидно, въ этотъ моментъ онъ держалъ въ умѣ и памяти яркіе свѣжіе слѣды звона и движеній рукъ и дѣлился этой психологической новостью съ окружающими. Его душевное состояніе можетъ быть передано такими словами: „сейчасъ только я слышалъ громкіе звуки и чувствовалъ движеніе моей руки, но въ эту минуту нѣтъ ни того, ни другого, и, тѣмъ не менѣе, я чувствую ясно, что это было, звуки еще стоятъ въ моемъ слухѣ,—обратите пожалуйста на это ваше вниманіе". Эти отрѣшенныя отъ внѣшняго міра и уже „свободныя" представленія глубоко поражаютъ ребенка, какъ величайшая для него и никогда раньше невѣдомая психологическая новость. Ею ребенокъ бываетъ необычайно удивленъ, и въ такомъ состояніи онъ обращается къ матери, къ окружающимъ съ знаками живѣйшаго настойчиваго запроса,

глядя пристально въ глаза и ожидая отвѣта. Въ такихъ случаяхъ, нерѣдко, мать, даже лишенная яснаго пониманія совершающихся психологическихъ событій, не преминетъ отвѣчать своему дитяти на его безмолвный вопросъ: „да, да, дитя мое, да, да"—говоритъ она. Такъ, при величайшихъ видимыхъ усиліяхъ ребенка, но безъ всякой посторонней помощи, наступаетъ фактъ возникновенія „свободныхъ представленій", а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое проявленіе свободной мысли и свободы воли. Такъ какъ свободныя представленія незримо и безпрепятственно плаваютъ въ душѣ, то они становятся первымъ источникомъ независимой мысли, не требующей для себя непосредственнаго толчка извнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, свободныя представленія становятся исходнымъ пунктомъ свободной воли, опредѣляющей дѣйствія человѣка внутренними причинами и внутренними мотивами. Теперь уже дѣйствія ребенка не будутъ всецѣло рефлекторны или инстинктивны, потому что свободныя представленія, какъ новый агентъ, изо дня въ день разростающійся и крѣпнущій, войдутъ во всѣ детали жизни, внося съ собою опытъ, индивидуальное прошедшее и всю работу зрѣющей мысли.

Если сравнить два приведенныя наблюденія (I и II), то увидимъ много общаго. Общее состоитъ въ томъ, что, если ребенокъ получаетъ впечатлѣніе изъ одного органа чувствъ, онъ стремится полученные результаты связать съ воспріятіями другого органа и въ заключеніе отдается длящемуся нѣсколько минутъ удовольствію или иному чувству, которымъ онъ безотлагательно старается подѣлиться съ окружающими. Это поразительно однообразный, можно оказать—всегда одинаковый, какъ модель, составъ первыхъ „свободныхъ представленій". Значеніе этой психологической схемы будетъ объяснено далѣе (см. Основныя ассоціаціи стр. 84), а въ настоящую минуту устанавливаемъ самые факты и ихъ послѣдовательность въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно наблюдаются у дѣтей, и какъ они нами записаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Чѣмъ меньше ребенокъ, тѣмъ болѣе его вниманіе направлено на воспріятіе впечатлѣній; но чѣмъ онъ старше, тѣмъ болѣе выступаютъ у него на первый планъ самыя очевидныя и настойчивыя попытки закрѣпленія и воспроизведенія воспріятій. Въ первомъ случаѣ ребенокъ поглощенъ внѣшнимъ вниманіемъ, во второмъ—внѣшнее вниманіе чередуется съ внутреннимъ. Изъ двухъ описанныхъ сейчасъ дѣтей (Набл. I и II) дѣвочка, какъ младшая по возрасту,

проявляла главнымъ образомъ внѣшнее вниманіе, а мальчикъ дѣлалъ смѣлые шаги въ область мысли—въ сферу свободныхъ представленій и внутренняго вниманія.

е) Внутреннее вниманіе.

Внутреннее вниманіе становится возможнымъ и начинается въ ту пору, когда впечатлѣнія, благодаря частому повторенію, оставили по себѣ слѣды или иными словами—когда память нѣсколько окрѣпла. Это наблюдается ясно между шестымъ и девятымъ мѣсяцемъ жизни, но первые знаки явленія замѣтны и раньше. Внутреннее вниманіе выражается задержкой движеній всего тѣла, пріостановкой или подавленіемъ дыханія и напряженіемъ мышцы мысли при отсутствіи всѣхъ знаковъ внѣшняго вниманія (знаки внѣшняго вниманія описаны въ отдѣлѣ: Три первые мѣсяца по рожденіи, стр. 39 и дал.). Внутреннее вниманіе длится непрерывно только короткое время и послѣ перерывовъ снова возобновляется, чередуясь съ внѣшнимъ.

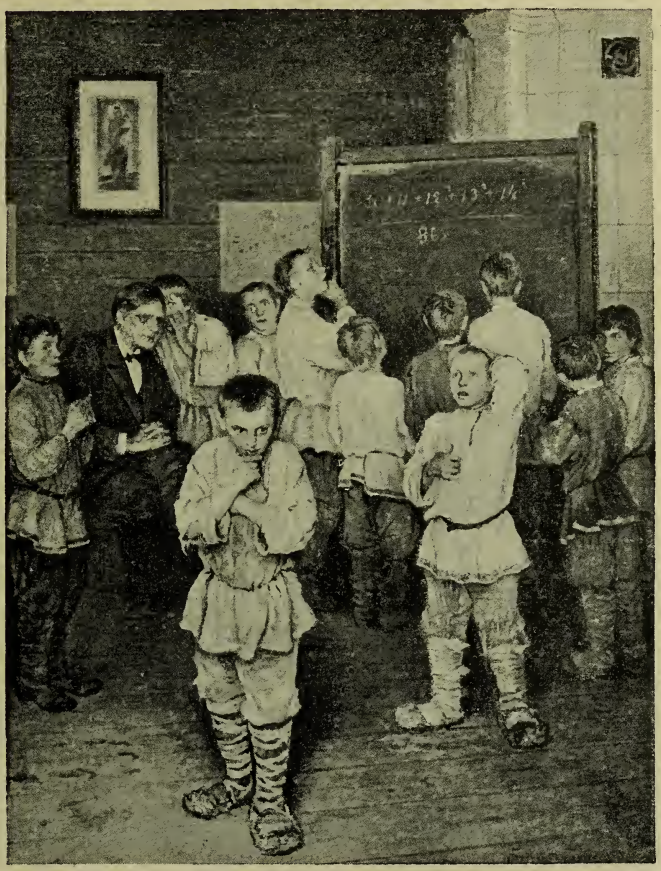
Вопросъ о вниманіи относится къ числу важнѣйшихъ вопросовъ психологіи, но онъ столько же важенъ и для педагогики. Мы встрѣчаемъ терминъ вниманіе на каждомъ шагу и столь же часто употребляемъ его сами. Съ этимъ терминомъ мы соединяемъ рядъ представленій о субъективномъ, хорошо извѣстномъ намъ внутреннемъ напряженіи; но мы знаемъ вниманіе и объективно, наблюдая это состояніе у другихъ: мы отличаемъ внимательнаго человѣка отъ невнимательнаго, различаемъ внимательность отъ разсѣянности и т. д. Въ послѣднее время обращаютъ особенное вниманіе на внѣшніе признаки и проявленія вниманія, чтобы этимъ путемъ найти точную исходную точку для объективнаго изученія этого сложнаго и разнообразнаго явленія. На прилагаемыхъ фигурахъ, заимствованныхъ изъ картинъ знатока и талантливаго изобразителя школьной жизни, русскаго художника Богданова-Бѣльскаго изображены оба вида вниманія. На фиг. 12-й, названной авторомъ: „Приготовленіе урока“, представлены двѣ дѣвочки: первая читаетъ свой урокъ изъ книги—это внѣшнее вниманіе, вторая воспроизводитъ въ умѣ выученный урокъ—это внутреннее вниманіе.

Фиг. 13-я представляетъ физіогномическій образъ внутренняго вниманія у дѣтей школьнаго возраста. Картина носитъ названіе: „Устный счетъ". На первомъ планѣ картины представлены три

Фиг. 12. „Приготовленіе урока".—Картина худ. Богданова-Бѣльскаго.

мальчика; изъ нихъ первый (прямо противъ зрителя) стоитъ, наклонивъ голову внизъ и подпирая подбородокъ правой рукой; глаза его смотрятъ „неопредѣленно", т. е. не воспринимаютъ впечатлѣній; второй мальчикъ (вправо для зрителя) стоитъ со взоромъ обращен-

нымъ вверхъ и съ головой, которую онъ подпираетъ сзади лѣвой рукой; третій (слѣва для зрителя) стоитъ рядомъ съ учителемъ, за правую руку котораго онъ держится; взоръ его обращенъ косо въ сторону. Всѣ три мальчика стараются „въ умѣ“ рѣшить ариѳмети-



Фиг. 13. „Устный счетъ“.—Картина худ. Богданова-Бѣльскаго.

ческую задачу и находятся въ состояніи внутренняго вниманія. Это состояніе, вѣрно воспроизведенное художникомъ, характеризуется отклоненіемъ взора въ сторону отъ тѣхъ предметовъ, которые могли бы привлечь и вызвать внѣшнее вниманіе; кромѣ того глаза (собственно глазныя оси) находятся въ состояніи расхожденія, чѣмъ исключается возможность видѣнія. Такимъ образомъ,

внутреннее вниманіе состоитъ въ прекращеніи и подавленіи внѣшняго вниманія и въ освобожденіи души отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Дѣти, которыя еще не обучились подавлять въ себѣ внѣшнее вниманіе въ пользу внутренняго, стараются, при заучиваніи наизусть (школьныхъ уроковъ), закрывать глаза, затыкать пальцами уши и остаются въ неподвижной сидячей полусогнутой позѣ, чтобы уменьшить по возможности даже мышечно-осязательныя воспріятія. При такомъ закрытіи доступа для всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, внутреннее вниманіе имѣетъ шансы всецѣло овладѣть душой для чисто умственной работы.

Ассоціативные центры (фиг. 3-я—зеленыя поля) суть также и центры памяти (Флексигъ) и воспроизведенія, т. е. при посредствѣ ихъ или съ ихъ помощью слѣдъ бывшаго впечатлѣнія можетъ быть воспроизведенъ и возстановленъ [1]). Упражненіе памяти, упражненіе въ сочетаніи и воспроизведеніи впечатлѣній и вообще въ возстановленіи (воспоминаніи) бывшихъ психическихъ актовъ всякаго рода составляетъ глубочайшую потребность развивающагося ума дитяти. Въ разбираемомъ періодѣ (отъ 4—10 мѣсяца) оба поименованные основные душевные акта, т. е. ассоціація и воспроизведеніе еще настолько незакрѣплены и настолько слабы, что непрерывныя, нескончаемыя упражненія въ нихъ составляютъ настоятельную необходимость; безъ этого умственное развитіе было бы безусловно невозможнымъ. Наблюденія надъ мыслительными упражненіями способны возбудить въ наблюдателѣ чувство удивленія предъ размѣрами и силою прилагаемыхъ ребенкомъ напряженій. Если наблюдать дѣтей, то легко убѣдиться, сколько усилій и напряженій они прилагаютъ къ тому, чтобы удержать блѣднѣющій и исчезающій образъ только что полученнаго впечатлѣнія. Ребенокъ помогаетъ себѣ въ этомъ безчисленнымъ повтореніемъ одного и того же. Истинную жалость возбуждаетъ слабоумный и идіотическій ребенокъ: онъ, напр., по цѣлымъ днямъ и мѣсяцамъ, слѣдитъ взоромъ за движущимися пальцами своей руки, которую не отводитъ отъ глазъ. Едва онъ прекратитъ эту томительную процедуру, тотчасъ

---

[1]) Въ послѣднее время психологи (Гефдингъ и другіе) почти не употребляютъ слово память, замѣняя его терминомъ „ассоціаціи“ и „воспроизведеніе“. Слово же „память“ остается пока, какъ популярный терминъ, вмѣщающій въ себѣ научно опредѣленныя понятія ассоціаціи и воспроизведенія.

наступаетъ непроницаемый мракъ и пустота въ его умѣ, онъ не помнитъ того, что сейчасъ было, и долженъ снова начинать Сифизову работу. Но даже и у здоровыхъ дѣтей представленія и воспоминанія еще такъ слабы, что необходимы неустанныя упражненія въ одномъ и томъ же. Слабость способности воспроизведенія (воспоминанія) у дѣтей мы пояснимъ двумя примѣрами, которые хотя и

Фиг, 14. „Марія Магдалина".—Картина худ. Герберта Шмальце. (Royal Acad. Pict. 1893.)

относятся къ позднѣйшему періоду дѣтской жизни, чѣмъ занимающій насъ теперь, но они зато тѣмъ доказательнѣе и поучительнѣе.

Наблюденіе III. Дѣвочка была вскормлена матерью. Въ началѣ четырнадцатаго мѣсяца она была увезена въ деревню и ровно пять недѣль не видѣла матери-кормилицы. Послѣ такой разлуки, дѣвочка, увидѣвъ мать, не узнала ее и отвернулась отъ нея, какъ отъ чужой. Сцена была тягостна для матери и, не смотря на всѣ попытки послѣдней возстановить въ умѣ дѣвочки свой образъ, дѣ-

вочка продолжала не знать своей матери. Такъ прошли два дня; на третій день на лицѣ ребенка замѣчались невѣроятныя напряженія и усилія что-то вспомнить. На крошечномъ личикѣ, по временамъ, отражалась та типическая картина мучительнаго недоумѣнія, которое излюбленно передается кистью художниковъ въ образѣ Маріи Магдалины, не узнающей Христа и принимающей его за садовника. Но все-таки дѣвочка продолжала чуждаться матери. На третій день она внезапно признала свою мать и бросилась къ ней съ обычными ласками. Такимъ образомъ, понадобились три дня повторныхъ впечатлѣній, чтобы возстановить въ памяти образъ самаго близкаго существа, съ которымъ дитя было въ разлукѣ только въ теченіе пяти недѣль. Къ этому необходимо прибавить, что дѣвочка уже понимала рѣчь и слышала убѣжденія и уговоры, что предъ нею ея собственная мать. Трудность воспроизведенія (воспоминанія) представляется самымъ обычнымъ явленіемъ въ жизни дитяти, и классическій образъ Маріи Магдалины наблюдается часто на крошечномъ личикѣ дитяти. Для поясненія этого важнаго психологическаго факта дѣтской жизни прилагается здѣсь фиг. 14-я, на которой кистью англійскаго художника представлена Марія Магдалина (см. стр. 81).

Наблюденіе IV. Мальчикъ одного года и восьми мѣсяцевъ не видѣлъ своего отца въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. При свиданіи, онъ пошелъ къ нему на руки, но было видно, что мальчикъ почти не узнаетъ своего отца; лишь сутки спустя, онъ пересталъ чуждаться и вполнѣ призналъ своего отца, предложивъ ему предварительно вопросъ: „тотъ ли ты самый, что въ вагонѣ уѣхалъ". Мальчикъ скорѣе вспоминалъ сцену разставанія и отъѣзда и по этимъ фактамъ въ его памяти постепенно возстановился полузабытый образъ отца.

Наблюденіе V. Для надлежащей оцѣнки дѣтской памяти и для выясненія степени слабости ея въ первые мѣсяцы жизни приводимъ этотъ послѣдній примѣръ. Пишущій эти строки на восьмомъ году своей жизни имѣлъ несчастье потерять старшаго брата, скончавшагося отъ холеры. Естественное горе, вызванное этой внезапной тяжкой утратой, смягчалось живымъ воспоминаніемъ образа брата. Воспоминаніе въ конкретныхъ картинахъ было очень ярко: вспоминались лицо, походка, внѣшній видъ и голосъ во всевозможныхъ оттѣнкахъ. Съ теченіемъ времени воспоминанія суживались,

отдѣльные картины и эпизоды исчезали изъ памяти и, не смотря ни на какія усилія, не могло быть возстановлено то, что́ утратилось. На второмъ году со дня смерти еще сохранялся ясный образъ съ слабымъ воспоминаніемъ голоса, но только въ одной конкретной сценѣ бесѣды съ братомъ. Нужно было представить эту сцену, чтобы вспомнить образъ брата. На третьемъ году, довольно неожиданно образъ брата исчезъ изъ памяти. Остается до настоящей минуты только яркое представленіе мѣстности и топографическихъ отношеній, но самаго дорогого..... память не сохранила!

Три приведенные сейчасъ примѣра, взятые изъ живой дѣйствительности, показываютъ, что память тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше ребенокъ. Въ раннемъ дѣтствѣ только непрерывность впечатлѣній и постоянное обновленіе ихъ поддерживаютъ въ умѣ дитяти искру воспоминанія, всегда готовую угаснуть. Въ безпрерывномъ повтореніи своихъ впечатлѣній и своихъ упражненій—чему ребенокъ постоянно преданъ—необходимо видѣть глубокій органическій процессъ, безъ котораго было бы недостижимо и самое умственное развитіе. Живое ознакомленіе съ этимъ фактомъ привело насъ къ практикѣ стереотипнаго воспроизведенія передъ дѣтьми нѣкоторыхъ впечатлѣній изо дня въ день, напр., показыванія предметовъ въ томъ же порядкѣ, путешествія по тѣмъ же мѣстамъ и т. п., и это оказывается истинно полезнымъ для ребенка. Умныя няни инстинктивно слѣдуютъ этому пути ко благу своихъ питомцевъ. Сами дѣти, даже въ старшемъ возрастѣ, любятъ изо дня въ день слышать тѣ же звуки, видѣть тѣ же картины, и это вовсе имъ не надоѣдаетъ, а наоборотъ,—всякое новое повтореніе сопровождается тѣмъ же живымъ, неувядающимъ интересомъ, пока закрѣпленіе образа не сдѣлается прочнымъ. Примѣры этого мы еще увидимъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи. (См. ниже стр. 116).

Какъ слабость памяти, такъ равно трудность ассоціацій и слабость воспроизведенія объясняется анатомической недоразвитостью центровъ мозга (Флексигъ). Развитіе этихъ центровъ только начинается въ разбираемый періодъ, и можно удивляться не тому, что эти центры еще слабо работаютъ, а, наоборотъ,—изумительнымъ представляется тотъ фактъ, что въ этомъ едва сложенномъ домикѣ мысли, такъ рано начинаются эпизоды серьезной и глубокой умственной жизни.

Такимъ образомъ въ періодъ отъ четвертаго до десятаго мѣсяца жизни самымъ выдающимся фактомъ психической эволюціи является развитіе ассоціацій и способности воспроизведенія (воспоминанія), т. е. развитіе умственныхъ процессовъ.

ж) Основныя ассоціаціи. (Зачатки личности дитяти).

Параллельно съ умственнымъ развитіемъ, идетъ развитіе личности дитяти, опредѣляемое его чувствомъ и волей. Но въ разбираемый періодъ и чувство, и, въ особенности, воля обнаруживаютъ не столько самостоятельный ростъ, сколько являются составными частями ассоціативнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія мы ихъ кратко разсмотримъ.

Въ процессѣ кормленія грудью матери соединены условія для совмѣстнаго развитія чувства, ума и воли ребенка. Во время акта ѣды ребенокъ одновременно получаетъ впечатлѣнія отъ всѣхъ органовъ чувствъ. Проглатываніе молока даетъ дитяти рядъ пріятныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ впечатлѣній; съ этимъ совпадаютъ мышечно-осязательныя ощущенія губъ, языка, а впослѣдствіи и ручекъ; къ этому присоединяются также и слуховыя ощущенія отъ шума, вызваннаго работою челюстныхъ мышцъ (жевательныхъ мышцъ), и, наконецъ, сюда неминуемо входятъ и зрительныя впечатлѣнія, такъ какъ взоръ кормящагося ребенка всегда устремленъ на лицо матери. Усилія, какія ребенокъ употребляетъ при сосаніи, уже очень рано выясняютъ ему значеніе усилій воли въ дѣлѣ успѣшнѣйшаго удовлетворенія голода и жажды. Такимъ образомъ, въ естественномъ пріемѣ пищи содержатся элементарныя условія для главнѣйшихъ ассоціацій, а удовольствіе, какое ребенокъ получаетъ отъ насыщенія, очень рано связываетъ (ассоціируетъ) чувство пріятнаго съ видомъ человѣческаго лица (Fossengrives, 1882). Эта связь служитъ, безъ сомнѣнія, исходной точкой того обращенія къ людямъ, которое замѣчается у дитяти, при всякомъ полученіи удовольствія, уже въ самую раннюю пору его жизни, и яркіе примѣры котораго приведены нами выше въ I и II наблюденіяхъ (стр. 72—76). Эта связь, какъ готовое явленіе ассоціативной жизни, проявляется затѣмъ и при умственной работѣ (свободныя представленія). Всякое умственное удовольствіе тотчасъ вызываетъ у дитяти воспоминаніе о живомъ существѣ, и дитя

ищетъ взоромъ такое существо при всякомъ движеніи чувства (Riant).

Если мы вспомнимъ (см. выше стр. 9—10), что всѣ тѣлесныя ощущенія перерабатываются въ переднемъ ассоціативномъ центрѣ, а всѣ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра—въ заднемъ ассоціативномъ центрѣ, то кормленіе грудью создаетъ условія для одновременной работы и для объединенія этихъ двухъ ассоціативныхъ центровъ. Такимъ путемъ кладется физіологическое основаніе для сближенія субъективнаго съ объективнымъ. Въ этомъ сближеніи истинная основа будущей человѣческой личности. Все дальнѣйшее развитіе дитяти выходитъ изъ этого основного корня (см. ниже, Развитіе личности, стр. 131—132).

Широкое развитіе ассоціацій, составляющее главную черту разбираемаго періода, ставитъ человѣка превыше всего животнаго міра. Неустанныя игры и забавы дитяти вносятъ новое начало въ мыслительную работу, а именно,—начало живучести, прочности и подвижности ассоціацій. Благодаря своей подвижности, ассоціативная цѣпь приходитъ въ живое колебаніе по всей своей длинѣ, какое бы изъ милліоновъ ея звеньевъ не было затронуто. Этимъ обезпечивается сила памяти (ассоціацій) и широта воспроизведеній, доступная только человѣку. Развитіе основныхъ ассоціацій является, такимъ образомъ, важнѣйшимъ событіемъ въ жизни перваго дѣтства. Задержка или пріостановка этого развитія даетъ наиболѣе тяжкія формы идіотизма.

4. Конецъ перваго и начало второго года.

Въ этотъ періодъ жизни дитяти происходитъ развитіе одного изъ высшихъ умственныхъ отправленій,—развитіе рѣчи.

Рѣчь локализируется въ особомъ центрѣ, именно центрѣ рѣчи (см. фиг. 3, стр. 9), открытомъ около полустолѣтія тому назадъ. По своему характеру, центръ рѣчи относится къ ассоціативнымъ аппаратамъ (Флексигъ), а самая рѣчь, подобно мысли, есть ассоціативный процессъ, а потому имѣетъ великое значеніе и въ жизни взрослаго и въ дѣлѣ умственнаго развитія дитяти. Когда мысли дитяти и, вообще, его умственные акты станутъ ясными и отчетливыми, когда въ умѣ накопились общія представленія, когда память окрѣпла—слово начинаетъ становиться потребностью. Облеченная

въ звуки и движенія, человѣческая рѣчь становится ясной, наглядной и понятной для окружающихъ и въ то же время понятной и осязательной для самого говорящаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тихая беззвучная рѣчь становится непосредственной подкладкой и основой мышленія (мышленіе словами).

Развитіе рѣчи начинается послѣ того, какъ ребенокъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи въ умственномъ развитіи и когда воля его до нѣкоторой степени окрѣпнетъ. Соотвѣтственно этому, развитіе рѣчи можетъ нѣсколько запаздывать. У нормальныхъ дѣтей рѣчь развивается въ началѣ второго года жизни, а именно: у дѣвочекъ въ первой четверти второго года, у мальчиковъ—во второй. Но при запоздавшемъ умственномъ развитіи, рѣчь появляется только къ концу второго года или въ третьемъ году; изрѣдка развитіе рѣчи еще болѣе запаздываетъ—такіе случаи уже относятся къ болѣзненнымъ явленіямъ.

При обычномъ ходѣ дѣла, дитя раньше начинаетъ говорить, чѣмъ ходить. Уже одинъ этотъ фактъ указываетъ на важное значеніе рѣчи въ ряду процессовъ умственнаго развитія тѣмъ болѣе, что рѣчевыя движенія относятся къ разряду наиболѣе сложныхъ движеній въ организмѣ. Взвѣшивая всѣ физіологическія условія этихъ движеній, можно бы назвать почти чудомъ обученіе дитяти живому слову. Но такихъ чудесъ въ жизни юнаго человѣка много! Если для движенія руки къ ней направлены изъ головного мозга свыше 100.000 нервныхъ проводниковъ, то количество двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ, управляющихъ рѣчью, несравненно больше. Если подумаемъ о томъ, что для произнесенія даже одной буквы приходятъ въ дѣйствіе почти всѣ двигательные механизмы рѣчи, и что въ каждую секунду произносится до пяти буквъ, то мы приблизительно поймемъ, какъ велика одна механическая работа для крошечнаго дитяти, начинающаго говорить. Но сущность рѣчи и ея трудность—не въ механическихъ условіяхъ, но въ той сложной нервно-психической работѣ, какая скрыта подъ звуками словъ. Животнымъ рѣчь недоступна, не въ силу механическихъ трудностей—нѣкоторыми животными преодолѣваются эти трудности—но, исключительно, въ силу недостаточнаго умственнаго развитія. Животныя не имѣютъ ясныхъ мыслей, или имѣютъ ихъ очень мало, и потому лишены рѣчи. Въ болѣе тяжелыхъ видахъ идіотизма рѣчь тоже отсутствуетъ. Такія слабоумныя дѣти не только лишены рѣчи, но и не чувствуютъ въ ней потребности.

Въ развитіи рѣчи можно различить три періода:

1) Періодъ изученія звуковъ (подготовительный періодъ).

2) Уразумѣніе словъ.

3) Произнесеніе словъ.

Первый періодъ характеризуется способностью произносить отдѣльные, членораздѣльные звуки, которые слышатся изъ устъ дитяти, какъ только оно находится въ хорошемъ расположеніи духа или въ дурномъ. Въ первое время,—отъ 4 до 6 мѣсяца,— дитя издаетъ протяжные звуки голоса, но не членораздѣльные, а послѣ 10 мѣсяца у ребенка часто слышатся преднамѣренные, не вполнѣ отчетливые членораздѣльные звуки вродѣ: тль, тля, гл, ам, ма, мам, аль и т. п. Съ этого времени ребенокъ начинаетъ вслушиваться въ рѣчь взрослыхъ и, въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ, быстро усваиваетъ значеніе многихъ слышимыхъ словъ, т. е. связываетъ (ассоціируетъ) звуки слова съ значеніемъ ихъ. Къ концу перваго года дѣти, большею частью, уже понимаютъ значеніе многихъ словъ и разумѣютъ многое изъ того, что̀ говорится взрослыми. Въ это время, однако-жъ, ребенокъ не въ состояніи произнести ни одного слова; рѣчь знакома ему, какъ внѣшнее впечатлѣніе, но не какъ двигательный актъ. Ребенокъ въ это время находится въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ—взрослый, не играющій на фортепіано, но слушающій исполненіе знакомаго музыкальнаго отрывка. Затѣмъ, въ указанный выше срокъ, ребенокъ начинаетъ самъ произносить слова. Успѣхи въ этомъ отношеніи, большею частью, бываютъ быстры. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ замедленіе въ развитіи рѣчи, оно касается чаще всего произнесенія словъ, но не ихъ пониманія. Фактъ этотъ указываетъ на трудность изученія самыхъ движеній, требуемыхъ рѣчью. Болѣе подробный разборъ показываетъ, что наибольшія трудности представляетъ самая процедура соединенія двухъ, а особенно нѣсколькихъ звуковъ въ слогъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если подумаемъ, что произнесеніе каждой буквы есть своего рода самостоятельная процедура или отдѣльный опытъ, требующій иной постановки и отчасти иныхъ условій. Произнесеніе отдѣльныхъ звуковъ слова—это процессъ болѣе сложный и трудный, чѣмъ взятіе одной ноты на фортепіано, на скрипкѣ или другомъ музыкальномъ орудіи. Если мы воспользуемся этимъ сравненіемъ, то всѣ трудности рѣчи можно понять, если вообразить себѣ такого рода сложную игру, въ которой артистъ долженъ былъ

бы брать послѣдовательныя ноты на различныхъ инструментахъ. Таковы, въ дѣйствительности условія произнесенія буквъ то губами, то гортанью, то языкомъ. Если, тѣмъ не менѣе, крошечное дитя овладѣваетъ сложной работой рѣчи, то это возможно, лишь благодаря особому центру рѣчи, который, подобно центрамъ мысли, составляетъ отличительную принадлежность человѣка предъ животнымъ. Обладаніе центромъ рѣчи даетъ дитяти возможность обучиться рѣчи раньше, чѣмъ ходьбѣ, не смотря на то, что первая, безъ всякаго сравненія, труднѣе второй.

Вотъ какими могучими орудіями—орудіями мысли—надѣлено человѣческое дитя уже къ концу перваго года своей жизни. У животныхъ вовсе нѣтъ центра рѣчи, а центры ассоціативные развиты настолько слабо, что они, по своей величинѣ, уступаютъ низшимъ центрамъ (назначеннымъ для воспріятія впечатлѣній), между тѣмъ, у человѣка высшіе центры въ три раза превосходятъ низшіе. Какъ ассоціативные центры, такъ и центръ рѣчи весьма неодинаково развиты у людей, и оттого и самыя отправленія, свойственныя этимъ центрамъ, т. е. рѣчь и мышленіе, далеко не одинаковы у различныхъ людей. Люди гораздо меньше различаются между собою по своей способности—ходить, бѣгать, чѣмъ по искусству—мыслить и говорить.

И мысль, и слово хотя и являются готовымъ даромъ природы, но требуютъ обученія и упражненія и могутъ быть развиты до художественной высоты. Значеніе упражненія, въ дѣлѣ обученія рѣчи, становится яснымъ, если мы скажемъ, что для полнаго закрѣпленія словъ въ памяти требуется десятилѣтняя практика. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что дѣти, оглохшія до десяти лѣтъ, постепенно забываютъ рѣчь и становятся нѣмыми; но тѣ, которыя потеряли слухъ позже этого срока, уже не теряютъ рѣчи. Такимъ образомъ, человѣку необходимо въ теченіе десяти лѣтъ, изо-дня въ день, слышать звуки живой рѣчи, чтобы эти звуки стали, наконецъ, незыблемымъ достояніемъ памяти. Извѣстные историческіе эксперименты Псамметиха и Фридриха II показали, что здоровое дитя, лишенное возможности слышать звуки, тѣмъ самымъ лишается и рѣчи.

Въ изложенныхъ сейчасъ фактахъ содержится и важное здравоохранительное указаніе. Чтобы облегчить дитяти задачу усвоенія рѣчи, необходимо, чтобы ребенокъ слышалъ всегда медленную, отчетливую, внятную рѣчь; дѣти, по возможности, не должны быть

свидѣтелями обычной бѣглой рѣчи взрослыхъ. Мы имѣли случаи убѣдиться, что соблюденіе этой предосторожности вознаграждалось развитіемъ у дѣтей изящной рѣчи и отчетливаго мышленія въ такую раннюю пору, что это можно считать исключительнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изученіе рѣчи и мышленія взаимно дополняютъ и поддерживаютъ одно другое; а оба вмѣстѣ обезпечиваютъ дитяти успѣшнѣйшее развитіе воли и самообладанія. Никто не удивился бы, если бы мы сказали, что обученіе музыкѣ и танцамъ требуетъ точности и аккуратности исполненія во избѣжаніе „порчи" рукъ и ногъ; насколько же болѣе подобное разсужденіе примѣнимо къ такому сложному органу, какъ человѣческая рѣчь и человѣческая мысль? У древнихъ грековъ обученіе мысли и обученіе рѣчи было возведено на истинно-художественную высоту: всѣ знаютъ, какими духовными богатствами обладалъ этотъ великій народъ!

5. Отъ второго до шестого года жизни.

Два предшествующіе періода психической жизни дитяти (3 и 4) посвящены спеціальному развитію обоихъ ассоціативныхъ центровъ и центра рѣчи. Безъ сомнѣнія, въ это время и другія стороны души также продолжаютъ развиваться, но господствующимъ и самымъ выдающимся фактомъ остается все-таки спеціальное развитіе названныхъ центровъ и ихъ дѣятельности, почему мы и ограничивались, въ предшествующемъ изложеніи, выясненіемъ этой стороны развитія дѣтской души, опустивъ, для упрощенія задачи, другія стороны. Но въ разбираемомъ сейчасъ отдѣлѣ мы остановимся и на этихъ сторонахъ тѣмъ болѣе, что развитіе этихъ сторонъ души дитяти сходно въ этомъ и въ предшествующемъ періодѣ.

Періодъ—отъ второго до шестого года жизни—не носитъ на себѣ слѣдовъ какого-либо исключительнаго и спеціальнаго отпечатка, напротивъ, онъ характеризуется равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ душевной жизни съ развитіемъ рѣчи включительно. Нельзя не признать, что этотъ періодъ дѣтской жизни наименѣе изученъ и наименѣе извѣстенъ. На дѣтей этого періода обращено въ семьѣ меньше вниманія, отчасти потому, что бываютъ дѣти меньшаго возраста, отчасти въ виду отсутствія чего-либо выдающагося и поражающаго, отчасти, наконецъ, потому, что дѣти этого возраста, благодаря развитію хоть бы и рѣчи, вышли изъ безпомощ-

наго положенія и способны къ самостоятельному препровожденію времени безъ непосредственнаго участія взрослыхъ. Такимъ образомъ, дѣти этого возраста, до нѣкоторой степени, ускользаютъ отъ взора и наблюденія старшихъ. Дѣтскимъ Садамъ предстоитъ высокая задача психологическаго изслѣдованія дѣтей этого возраста!

Съ анатомической точки зрѣнія разбираемый періодъ сходенъ съ предшествующими періодами, но отличается отъ послѣдующаго періода (второго дѣтства) тѣмъ, что въ теченіе его продолжается анатомическое развитіе мозга (Владиміръ Алексѣевичъ Бецъ, Флексигъ). Хотя, съ развитіемъ рѣчи успѣли выступить на сцену всѣ важнѣйшія душевныя отправленія, но дѣятельность ихъ далеко не представляется полной ни въ качественномъ, ни—въ особенности—въ количественномъ отношеніи. Еще есть много недочетовъ и пробѣловъ, и центры высшей душевной жизни еще во многомъ недоразвиты; это—постройка, законченная только вчернѣ. Соотвѣтственно этому, хотя ребенокъ способенъ на многія душевныя проявленія, но далеко не на всѣ и не въ полномъ объемѣ; поэтому и вся дѣятельность дитяти въ этомъ періодѣ носитъ тотъ своеобразный отпечатокъ, который мы называемъ дѣтствомъ, неразуміемъ, невинностью, наивностью, и который дѣлаетъ не только необходимымъ, но и неизбѣжнымъ, попеченіе о ребенкѣ и всестороннюю опеку.

Весь періодъ до 7-го года представляетъ собою время постепеннаго, методическаго раскрытія разныхъ сторонъ чувства, ума и воли у дитяти. Это не тѣ полныя блеска хотя и одностороннія проявленія духовной жизни, какими характеризуются два или даже три предыдущіе періоды—это тихая скромная детальная работа. Существеннымъ отпечаткомъ этого періода является объединеніе всѣхъ процессовъ чувства, мысли и воли въ цѣльную единую человѣческую личность. Уже въ этомъ періодѣ можно говорить о характерѣ новой опредѣляющейся личности, отчасти также о вѣроятныхъ дарованіяхъ ея. Такъ какъ цѣнность человѣческой личности зависитъ не только отъ размѣровъ и силы отдѣльныхъ сторонъ души, но, быть можетъ, еще болѣе отъ ихъ гармоническаго сочетанія, то правильный ходъ процессовъ душевнаго развитія въ этомъ періодѣ имѣетъ важное значеніе и для всей дальнѣйшей эволюціи души. Основанія для односторонняго развитія характера кладутся въ этомъ періодѣ; неправильные характеры обязаны своимъ существованіемъ болѣе всего этому періоду.

а) Развитіе чувства.

Живость чувства у дѣтей и дѣтская эмотивность—явленіе общеизвѣстное. Въ объясненіе этого явленія обыкновенно ссылаются на существующую у дѣтей возбудимость нервной системы. Объясненіе это справедливо только отчасти. Главнѣйшую же причину дѣтской возбудимости необходимо искать въ другихъ условіяхъ и на первомъ планѣ—въ незаконченномъ развитіи большого мозга, при наступившемъ уже полномъ развитіи низшихъ (подкорковыхъ) центровъ мозга. Такъ какъ эти (подкорковые) центры являются

Фиг. 15. Изъ фотографическаго альбома автора книги.

субстратомъ (органомъ) простѣйшихъ чувствъ, а кора большого мозга служитъ органомъ мысли; то естественно, что при такихъ условіяхъ, всякое внѣшнее впечатлѣніе, вступая въ мозгъ и, не находя доступа въ его кору, неизбѣжно станетъ направляться полностью по готовымъ путямъ въ подкорковые центры, вызывая въ нихъ чувства и инстинкты. Но затѣмъ, съ развитіемъ проводящихъ путей и центровъ большого мозга, получаются новыя вмѣстилища для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, и тогда впечатлѣнія изъ органовъ чувствъ начинаютъ поступать какъ въ низшіе центры (главной своей массой), такъ отчасти и въ высшіе пути. Сообразно этому, возбудимость чувства у дѣтей (гнѣвъ, слёзы, страхъ) будетъ постепенно ослабѣвать, замѣняясь мыслительной работой.

Наблюденіе дѣтскихъ фотографій вполнѣ подтверждаетъ сказанное: чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чувства рѣзче отпечатлѣны, а вниманіе и мышленіе выражены слабѣе и менѣе постоянны. Рисунокъ 15-й (стр. 91) показываетъ два послѣдовательные момента въ состояніи духа ребенка, вызванные видомъ фотографическаго аппарата и процедурой съемки. Изображеніе на лѣво показываетъ страхъ, печаль и недоумѣніе, сковавшее всѣ движенія ребенка и омрачившее его лице; изображеніе направо показываетъ живую радость ребенка, замѣтившаго движеніе моментальнаго затвора—въ аппаратѣ, съ видомъ котораго онъ уже нѣсколько освоился.

Отличительную черту дѣтскихъ чувствъ составляетъ ихъ неустойчивость и слабость. Эти чувства хотя и кажутся сильными, но они, въ сущности, слабы и неглубоки, по крайней мѣрѣ, въ началѣ этого періода. Ихъ кажущаяся сила зависитъ отъ того, что они не подчиняются сдерживающему вліянію воли, которая въ это время, подобно мысли, еще очень слаба. Во всемъ дальнѣйшемъ развитіи дитяти замѣчается два теченія—постоянное развитіе чувствъ и постоянное подавленіе ихъ наростающей волей. Мы говоримъ подавленіе, но не уничтоженіе, потому что въ дѣйствительности чувства, сдерживаемыя волей, не гибнутъ, а преобразовываются—то въ сложнѣйшія и высшія чувства, то въ болѣе глубокія. Слабость дѣтскихъ чувствъ выражается въ томъ, что дѣти скоро забываютъ пережитое и переходятъ изъ одного настроенія духа въ другое.

Къ числу конкретныхъ чувствъ, развивающихся раньше другихъ, относятся: чувство нечаянности, страхъ и гнѣвъ. О первомъ изъ этихъ чувствъ рѣчь была уже выше (стр. 55). Страхъ и гнѣвъ замѣчаются у дѣтей очень рано, во всякомъ случаѣ въ теченіе перваго года, но не ранѣе второй половины. Страхъ очень характеристически и совершенно неожиданно проявляется у дѣтей при видѣ животныхъ, особенно при ихъ приближеніи (при видѣ курицы, кошки). Чувство, производное отъ гнѣва и по своей сущности близкое къ нему,—ревность также развивается около этого времени. Ревность проявляется у дитяти при видѣ, напр., ласки, оказываемой другому лицу. Поименованныя чувства (гнѣвъ, страхъ, ревность) общи человѣку и животному, и потому раннее появленіе ихъ представляется естественнымъ.

Что касается чисто человѣческихъ чувствъ, то они развиваются нѣсколько позже. Спеціально человѣческое чувство — стыдъ развивается не раньше третьяго года. Типическія проявленія этого чувства мнѣ случилось наблюдать на своемъ сынѣ, когда ему было около 3½ лѣтъ. Мальчикъ умывалъ себѣ лицо, снявъ куртку и обнаживъ верхнюю часть тѣла. Когда я неожиданно появился въ комнатѣ, мальчикъ устыдился и, скрестивъ руки — какъ бы прикрывая себя — испуганно и съ мольбой произнесъ: „ахъ, не входи, потому что я безъ рубашки!“ Проявленіе стыда было очень типично, а положеніе рукъ рѣшительно напоминало классическую позу стыда. Раннему развитію чувства стыда содѣйствуетъ наблюденіе взрослыми осторожности въ костюмѣ въ присутствіи дѣтей и вообще, строжайшее соблюденіе всѣхъ требованій, вытекающихъ изъ чувства стыда. Съ успѣхомъ стыду можно обучить только примѣромъ, но не словами. Отсутствіе стыда въ болѣе раннюю пору дѣтства — общеизвѣстно.

Чувство виновности психологически стоитъ въ извѣстномъ соотношеніи съ чувствомъ стыда и предшествуетъ ему по времени развитія. Между животными, это чувство замѣчается у собаки въ формѣ глубокаго, ясно выраженнаго психическаго состоянія. Довольно показать неудовольствіе интеллигентной собакѣ или даже нахмурить брови, чтобы она тотчасъ же опустила голову, хвостъ и уши и приняла видъ виновнаго и молящаго о прощеніи существа. Ласка сгоняетъ это чувство съ души и съ внѣшняго вида собаки. Однако же, и у собакъ это чувство можетъ быть глубокимъ и продолжительнымъ, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ. Дворовая хорошей породы, интеллигентная собака, услышавъ однажды шумъ во флигелѣ моего дома пришла въ страшное озлобленіе, предполагая, что дѣло идетъ о присутствіи тамъ посторонняго чужого лица. Собака царапалась въ двери и бѣгала вокругъ флигеля въ большомъ безпокойствѣ. Флигель до того времени былъ необитаемъ, а на этотъ разъ я былъ во флигелѣ и работалъ на столярномъ верстакѣ. Но это обстоятельство было неизвѣстно собакѣ. Открывъ дверь и окликнувъ собаку, я былъ пораженъ внезапной перемѣной въ ея настроеніи. Собака припала къ землѣ и ползкомъ приближалась ко мнѣ, моля о прощеніи. Вся поза ея выражала высшую степень чувства виновности. Хотя я успокоилъ вѣрнаго пса, оцѣнивъ по достоинству его бдительность и заботливость, но собака не сразу успокоилась отъ

охватившаго ее душевнаго волненія и болѣе двухъ недѣль послѣ описаннаго эпизода встрѣчала меня по утрамъ не съ чувствомъ обычной радости, но съ чувствомъ виновности. Собака только мало по малу освободилась отъ пережитаго волненія.

У дѣтей чувство виновности проявляется очень рано и притомъ въ зрѣлой и серьезной формѣ. Я имѣлъ случай наблюдать это чувство у своего сына, когда ему было четыре года. Мальчикъ, рѣзвясь и бѣгая, разбилъ стекло электрической машины, прислоненное къ стѣнѣ рабочимъ, чинившимъ машину. Мальчикъ испытывалъ чувство виновности и отвѣтственности въ теченіе продолжительнаго времени, несмотря на то, что стекло было разбито имъ по нечаянности, такъ какъ онъ уронилъ его, не замѣтивши его раньше. Дѣло было во время моего отсутствія, и мальчикъ ждалъ моего возвращенія, чтобы успокоиться. Разбитое имъ,—какъ онъ выражался,—„ученое стекло“ оставляло очень тягостный слѣдъ въ его умѣ и настроеніи духа. Съ моимъ пріѣздомъ мальчикъ, послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія, разсказалъ съ эпической подробностью событіе. Когда я его успокоилъ, онъ съ облегченнымъ сердцемъ сказалъ: „а я думалъ, что ты велишь скрутить мнѣ руки и посадишь въ тюрьму“. Хотя я совершенно успокоилъ его, сказавши, что разбитіе стекла было не намѣренное и потому не составляетъ вины, но чувство виновности не исчезло вполнѣ изъ души ребенка, судя потому, что около трехъ мѣсяцевъ спустя, видя однажды, какъ ведутъ арестантовъ подъ конвоемъ, онъ совершенно неожиданно сказалъ мнѣ: „вотъ такъ меня слѣдовало бы вести“. На мое недоумѣніе и вопросъ: зачѣмъ и по какому случаю,—мальчикъ отвѣчалъ: „а за то, что я разбилъ ученое стекло“.

Въ отношеніи развитія чувства, человѣческое дитя уже съ первыхъ мѣсяцевъ жизни отличается отъ животныхъ (даже высшихъ). Это различіе сказывается въ необыкновенно раннемъ развитіи высшихъ чувствъ: эстетическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго. Появленію этихъ чувствъ предшествуетъ общее недифференцированное состояніе, которому Гэффдингъ даетъ наименованіе чувства жизни. Уже это состояніе носитъ на себѣ особую печать, которая ставитъ его выше инстинктивной жизни животныхъ.

Въ первые дни жизни дитяти его чувства возбуждаются и укрѣпляются физическими факторами, какъ то: свѣтомъ, воздухомъ,

звукомъ, прикосновеніемъ, теплотой, запахомъ пищи и пр. Простѣйшія, химически дѣйствующія, усиливающія обмѣнъ веществъ средства вызываютъ у ребенка пріятныя чувства. Сюда относится, напр., чистый воздухъ, вкусовыя вещества, теплая ванна и т. под. Если въ этомъ отношеніи ребенокъ не лишенъ необходимаго, то зачатки его чувствъ развиваются нормально. Поэтому правильный уходъ за ребенкомъ въ первые дни его жизни даетъ ему все необходимое не только въ физическомъ, но и въ душевномъ смыслѣ. За этимъ первымъ періодомъ дѣтской жизни слѣдуетъ второй, когда ребенокъ начинаетъ радостно воспринимать свѣтъ и звуки. Явленіе это наблюдается уже въ первые мѣсяцы жизни, но съ полной очевидностью оно выступаетъ на третьемъ, а въ особенности на четвертомъ мѣсяцѣ жизни. Съ этого момента ребенку уже не нравится тишина и темнота, тогда какъ свѣтъ и краски, звуки и тоны—хотя ему еще и непонятны—но уже радостно возбуждаютъ его, и эта радость оживляетъ и манитъ ребенка, направляя его на поиски впечатлѣній. Подобно тому, какъ запахъ и вкусъ молока заставляютъ ребенка искать вещественной пищи, звуки и краски вызываютъ въ немъ духовные интересы. Дитя, у котораго удовлетворены интересы питанія и здоровья (въ широкомъ значеніи слова), имѣетъ спокойный, довольный, слегка радостный видъ и чувствуетъ свою силу; болѣзненный неудовлетворенный ребенокъ, напротивъ, выглядитъ недовольнымъ, слабымъ, вялымъ, безжизненнымъ, страдающимъ—какъ это, напр., наблюдается у заморенныхъ дѣтей при недостаточномъ питаніи или у дѣтей, измученныхъ безсонницей и болями. Теплота (теплая ванна, теплая постелька) радуетъ и успокаиваетъ ребенка. Теплота и свѣтъ доставляютъ ребенку главныя радости въ его зачинающейся высшей жизни.

Наблюденія надъ взрослыми (какъ, напр., въ классическихъ опытахъ Гёте (Goetthe) съ цвѣтными стеклами) показываютъ, что краски производятъ самое очевидное и опредѣленное вліяніе на настроеніе духа. Но и на ребенка свѣтъ и цвѣта производятъ большое дѣйствіе. Прежде всего свѣтъ повышаетъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ (опыты Voit'a) и тѣмъ увеличиваетъ силы организма или—что тоже самое—увеличиваетъ размѣры и напряженіе жизни. Но, независимо отъ этого, свѣтъ имѣетъ еще одно дѣйствіе, ближе стоящее къ чисто духовнымъ потребностямъ; онъ приводитъ въ возбужденіе весь зрительный аппаратъ, начиная съ воспринимающихъ свѣтъ органовъ

(глазъ) и кончая различными нервными центрами, куда поступаютъ зрительныя впечатлѣнія. Дѣятельность этихъ центровъ даетъ дитяти высшее удовлетвореніе и высшую радость жизни.

Чувство жизни можетъ быть разсматриваемо, какъ сумма физическихъ чувствъ исходящихъ изъ всѣхъ точекъ организма; но главнымъ образомъ оно зависитъ отъ ощущеній, связанныхъ съ растительными процессами жизни (кровообращеніемъ, дыханіемъ, пищевареніемъ). Но къ такой основѣ уже очень рано присоединяются ощущенія со стороны высшихъ органовъ чувствъ, и, благодаря этому, чувство жизни пріобрѣтаетъ высшій отпечатокъ, на который нужно смотрѣть, какъ на предвѣстникъ грядущаго перевѣса духовной жизни надъ растительной. Это новое направленіе можно подмѣтить у ребенка уже начиная со второй половины перваго года жизни.

Всѣ высшія чувства въ этотъ періодъ вполнѣ ясно выступаютъ у дитяти и притомъ въ такой широкой программѣ и съ такимъ прогрессомъ отдѣльныхъ сторонъ, что въ этомъ отношеніи человѣческое дитя уже на второмъ году своей жизни оставляетъ далеко за собой весь міръ животныхъ. Высшія чувства раздѣляются на α) чувства эстетическія, β) чувства интеллектуальныя и γ) чувства нравственныя.

α) Эстетическія чувства, какъ уже указано было (см. стр. 18), свойственны млекопитающимъ и даже птицамъ. Птицы оцѣниваютъ изящное опереніе, отличаются музыкальностью и въ гнѣзда своихъ дѣтей приносятъ не только пищу, но и предметы блестящіе и ярко окрашенные (цвѣтные стклянки, куски цвѣтной матеріи и др.). Въ этихъ дѣйствіяхъ птицъ нѣтъ никакихъ практическихъ и утилитарныхъ мотивовъ, но сказывается исключительно духовное требованіе—стремленіе къ изящному. Очевидно, что ихъ птенцы не лишены способности любоваться этими предметами. Человѣческое дитя отличается подобной же способностью въ высшей степени, и въ этомъ глубоко сказывается его человѣчность. Эстетическое чувство служитъ къ усовершенствованію и облегченію психической и, въ частности, интеллектуальной работы—и въ этомъ его первостепенная практическая важность. Эстетическое чувство служитъ не просто къ украшенію нашей жизни, но имѣетъ болѣе глубокую задачу и болѣе глубокое жизненное значеніе. Эстетическое чувство развилось изъ инстинктовъ, способствующихъ сохраненію индивидуума и рода;

оно предполагаетъ излишекъ энергіи, который остался неизрасходованнымъ въ борьбѣ за жизнь, и идетъ на пользу жизни инымъ путемъ (Höffding). Всѣ виды и проявленія эстетическаго чувства рано сказываются въ дѣтяхъ. Дѣти уже на первомъ году любуются красками, а на второмъ году это совершенно ясно: дѣвочка, которой на голову повяжутъ красную или синюю ленту, испытываетъ эстетическое удовольствіе, мой мальчикъ на второмъ году любилъ собирать для своей матери „много желтыхъ и нежелтыхъ цвѣтовъ" (онъ еще не зналъ названія красокъ, но уже ясно различалъ и дѣлилъ ихъ въ натурѣ). Моя дѣвочка двухъ лѣтъ, которой ежедневно, съ педагогической цѣлью, предложено было смотрѣть въ цвѣтныя стекла, дѣлила ихъ на „хорошія" и „нехорошія" стекла; къ хорошимъ она относила красное и желтое, а къ нехорошимъ синее. Переходъ отъ „нехорошихъ" стеколъ къ „хорошимъ" возбуждалъ вящшее чувство и вящшую радость ребенка. Столь же нравятся дѣтямъ правильныя и симметрическія формы предметовъ, и Фребелевскіе дары удовлетворяютъ истинному запросу дѣтской души даже съ эстетической точки зрѣнія. Столь же нравятся дѣтямъ правильныя движенія предметовъ: моя дѣвочка любовалась движеніемъ по полу бильярднаго шара и смѣялась при видѣ движеній равнаго по величинѣ целлюлоиднаго шара, выражая это словами, что первый шаръ „умѣетъ катиться", а второй „катится смѣшно". Столь же тонко дѣти отличаютъ изящныя и каррикатурныя движенія; ими дѣти очень забавляются и это даетъ имъ случай для эстетическаго сравненія тѣхъ и другихъ.

Развитію эстетическаго чувства въ отношеніи красокъ и формъ можетъ содѣйствовать чистота и изящество костюма; скромный и даже бѣдный костюмъ можетъ быть также изящнымъ, если въ изготовленіи его соблюдены правильныя соотношенія формы и цвѣтовъ. Такъ какъ эстетическое чувство составляетъ входную дверь для другихъ высшихъ чувствъ (Wundt), то соблюденіе эстетическихъ требованій въ отношеніи костюма получаетъ болѣе серьезное психологическое значеніе, чѣмъ то могло бы показаться съ перваго взгляда. Даже при нравственномъ сближеніи людей мы раньше всего замѣчаемъ и оцѣниваемъ у нихъ эстетическія стороны и позже углубляемся въ пониманіи нравственныхъ достоинствъ.

Значеніе эстетическихъ чувствъ еще болѣе выступаетъ тамъ, гдѣ въ основѣ ихъ лежитъ мышечное чувство и мышечно-осязательныя воспріятія. Движенія человѣка могутъ быть легкими, изящными, граціозными или, наоборотъ,—неуклюжими, угловатыми, тяжелыми. Дѣтямъ очень нравятся танцы, и крошечныя существа двухъ-трехъ лѣтъ не только восторгаются танцами взрослыхъ но и стараются подражать въ ту пору, когда это еще недосягаемо для нихъ. Столь же нравятся дѣтямъ и чисто осязательныя воспріятія, напр., поглаживаніе атласа и бархата, нѣжнаго оперенія птичекъ, мягкой шерсти кошекъ. Эти впечатлѣнія еще болѣе понимаются и оцѣниваются дѣтьми отъ контрастныхъ опытовъ съ предметами, обладающими противоположными свойствами.

Но болѣе всего эстетическое чувство проявляется въ отношеніи звуковъ и музыки, и въ этомъ отношеніи дѣти очень рано проявляютъ чуткость и тонкость пониманія. Голосъ окружающихъ, обращеніе къ ребенку со звуками голоса, тихое пѣніе, монотонные звуки убаюкиваютъ и усыпляютъ ребенка: они ему также пріятны какъ теплота, какъ теплая постель, какъ ванна, какъ пища. Въ этихъ элементарныхъ фактахъ лежатъ корни эстетическаго пониманія звуковъ со второй половины перваго года жизни. Въ первые годы жизни, даже начиная съ конца перваго года, дитя оцѣниваетъ музыкальный ритмъ какъ въ звукѣ, такъ и въ движеніяхъ, а впослѣдствіи (второй и дальнѣйшіе годы) ребенокъ понимаетъ мелодическіе и гармоническіе сочетанія звуковъ; дѣти въ эту пору даже усваиваютъ мотивы пѣсенъ, еще не зная словъ. Смыслъ этого явленія будетъ разъясненъ ниже (см. интеллектуальныя чувства).

Подобно тому, какъ и при другихъ впечатлѣніяхъ, дѣти оцѣниваютъ эстетическую сторону вкусовыхъ воспріятій, но въ особенности обонятельныхъ.

β) Чувства интеллектуальныя развиваются у дитяти также очень рано. Уже къ концу перваго года, въ особенности тогда, когда ребенокъ успѣетъ ознакомиться съ состояніемъ внутренняго вниманія, у него начинается та радость, которою сопровождаются поиски за истиной и достиженіе ея. На второмъ году жизни это чувство ясно выражается: дитя дѣлается пытливымъ и любознательнымъ, становится искателемъ истины и новыхъ знаній, и самое это стремленіе сопровождается сладкимъ, захватывающимъ чувствомъ интереса и новизны впечатлѣній. Нерѣдко можно наблю-

дать, что дѣти, проснувшись, сами съ собою шепчутся, занятыя воспоминаніемъ и спокойно радостныя отъ тѣхъ усилій, какія даетъ мыслительная работа, когда она увѣнчивается результатомъ припоминанія. Умныя дѣти даже видимо не торопятся выходить изъ своей постели на свѣтъ за поисками зрительныхъ и другихъ впечатлѣній, такъ какъ сама умственная или отвлеченная работа для нихъ полна привлекательности. Интеллектуальное чувство рано выводитъ ребенка на тотъ путь умственнаго труда, который въ дальнѣйшемъ обезпечиваетъ ему успѣхи интеллектуальнаго развитія. Изо дня въ день прибавляются все новые и новые рои носящихся въ душѣ „свободныхъ представленій", и дитя, руководимое интеллектуальнымъ чутьемъ, тотчасъ воплощаетъ эти представленія въ остроумные объекты забавы, въ матеріельныя модели мысли. При помощи этого наивысшаго, но и глубокомысленнаго пріема облегчается задача созданія психологическихъ формулъ и „типическихъ общихъ представленій". Въ этомъ пріемѣ отвлеченія человѣческое дитя далеко оставляетъ за собою самыхъ развитыхъ животныхъ. Идіотическимъ дѣтямъ интеллектуальное чувство неизвѣстно, отчего они застываютъ въ тупомъ равнодушіи. Мало развитыя, слабо одаренныя дѣти невнимательны и разсѣяны.

γ) Какъ въ интеллектуальномъ чувствѣ содержится чутье истины, такъ въ нравственномъ чувствѣ скрытъ голосъ совѣсти, чутье правды и долга. Этотъ болѣе сложный видъ чувства возникаетъ нѣсколько позже, чѣмъ эстетическія и интеллектуальныя чувства, но наглядное проявленіе его мы видимъ уже на второмъ году жизни и даже въ концѣ перваго года въ тѣхъ ласкахъ и въ томъ альтруизмѣ, съ которымъ крошечныя дѣти этого возраста относятся къ младшимъ или старшимъ членамъ семьи, когда они ихъ видятъ или воображаютъ страдающими.

Близко къ нравственному чувству, но выше его стоитъ чувство религіозное. Это одно изъ самыхъ естественныхъ чувствъ дитяти и пренебреженіе развитія этого чувства было бы равносильно игнорированію или непризнанію естественныхъ законовъ развитія человѣческой души. Религіозное чувство вытекаетъ изъ живого сознанія зависимости человѣка. Даже для высоко культурнаго ума это сознаніе существуетъ и служитъ источникомъ глубокаго, душевнаго настроенія, находящаго для себя исходъ въ удивленіи и благоговѣніи. Развитіе религіознаго чувства является, такимъ обра-

зомъ, самымъ естественнымъ психологическимъ фактомъ духовнаго прогресса, который начинается въ дѣтскомъ возрастѣ своими простѣйшими формами страха, зависимости, почтенія, а въ дальнѣйшихъ возрастахъ проявляется въ самыхъ возвышенныхъ формахъ удивленія, симпатіи и благоговѣнія. Знаменитый англійскій историкъ Карлейль говоритъ о себѣ, что полученное имъ въ дѣтствѣ религіозное воспитаніе научило его благоговѣть предъ величіемъ нравственныхъ идеаловъ и потому является однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній его дѣтства.

Хотя вся жизнь въ разбираемый періодъ дѣтства носитъ въ общемъ неглубокій характеръ, но отдѣльныя проявленія могутъ быть глубоки, какъ показываетъ приведенный сейчасъ примѣръ чувства виновности (стр. 94). Такое отношеніе является характеристическимъ для разбираемаго періода. Въ особенности, глубиной отличаются, такъ называемыя, нѣжныя чувства, которыя въ этомъ періодѣ достигаютъ иногда зрѣлости, можно сказать, превышающей крошечныя силы дитяти. Привязанность дѣтей и проявляемыя ими чувства могутъ доходить, по временамъ, до степени высшихъ чувствъ. Одна изъ моихъ дѣвочекъ, вскормленная матерью, выражала къ ней обычную нѣжную привязанность и ласки. Но когда дѣвочка долго не видѣла матери (цѣлый день), то она не просилась къ ней на руки, какъ обыкновенно, а, сидя у ея ногъ, цѣловала складки ея платья, не дерзая прикоснуться къ матери. Дѣйствія дитяти уже, очевидно, соотвѣтствовали начинавшемуся чувству благоговѣнія, которое психологически складывается изъ чувства боязни, удовольствія и симпатіи.

Чувство благоговѣнія является одной изъ важнѣйшихъ основъ нравственнаго развитія (Карлейль). Это чувство можно рано воспитывать у дѣтей. Серьезное и возвышенное отношеніе къ ребенку, чуждое сантиментальности и дешевыхъ ласкъ, но полное долга, можетъ пробудить въ дитяти отвѣтное чувство такого же характера: дѣти очень рано обнаруживаютъ проницательность въ отношеніи высшихъ чувствъ, свидѣтелями которыхъ они бываютъ. Полезно, иногда, обыденные случаи обращать въ поученіе дѣтямъ, для развитія въ нихъ высшихъ чувствъ, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ. Однажды, гуляя въ саду, я замѣтилъ ежа, упавшаго въ яму, приготовленную для посадки дерева. Бѣдное животное, повидимому, уже давно попавшее въ яму и истомленное попытками

выбраться изъ нея, впало въ состояніе паническаго страха при моемъ приближеніи. Я пригласилъ своего сына, мальчика пяти лѣтъ, и разсказалъ ему фактъ, пояснивъ, что животное боится, какъ бы мы его не убили, но мы—сказалъ я—наоборотъ, должны спасти ему жизнь.—И „я приглашаю тебя— продолжалъ я серьезно говорить мальчику—помочь мнѣ спасать жизнь ежу". Возвышенное настроеніе охватило мальчика. Бѣдный плѣнникъ былъ выпущенъ на свободу, но прежде чѣмъ это совершилось, я обратилъ вниманіе своего сына на то, какъ ежъ тяжело дышетъ отъ страха и прячется, предполагая въ насъ своихъ убійцъ, а не спасителей. Мальчикъ былъ тронутъ, добивался, какъ бы объяснить животному наши добрыя намѣренія. Пользуясь возвышеннымъ настроеніемъ ребенка, я выяснилъ ему безпомощность животныхъ, лишенныхъ пониманія, и долгъ человѣка помогать всегда животнымъ и людямъ въ ихъ бѣдствіяхъ.

Для развитія въ дѣтяхъ высшихъ чувствъ необходимо рано показывать имъ серьезныя стороны жизни, не держа ихъ на однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Развитіе высшихъ чувствъ (терпѣнія, кротости, незлобія, великодушія и т. п.) должно быть предметомъ серьезныхъ заботъ въ этомъ періодѣ жизни ребенка. Безъ сомнѣнія, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ—развить эти чувства въ дѣтяхъ—можетъ быть только примѣръ, показываемый старшими, но не проповѣди и нравоученія. Послѣднія очень опасны и ведутъ къ резонерству дѣтей, т. е. къ разсудочному, холодному пониманію формъ чувства, но не насаждаютъ самаго чувства въ сердцѣ дитяти.

Появленіе у дѣтей трудно сдерживаемаго страха или гнѣва представляетъ собою неблагопріятный знакъ; такое же значеніе имѣетъ крайняя чувствительность дѣтей. При здоровомъ развитіи дѣти очень рано пріучаются сдерживать свои чувства.

Въ разбираемомъ періодѣ развитіе чувствъ идетъ рѣшительно впереди роста ума и воли, и къ концу періода эта разница какъ бы увеличивается. При такихъ условіяхъ дѣти особенно нуждаются въ разумной поддержкѣ и опекѣ. Приведенный выше (стр. 94) примѣръ развитія чувства виновности, а также талантливое изображеніе дѣтской жизни въ романахъ Шеллера (Михайлова) подтверждаютъ сказанное. Развитіе чувства, падающее на возрастъ отъ третьяго до пятаго года жизни, придаетъ дѣтямъ особенную психологическую

печать: они нѣжны, чутки, впечатлительны, но въ то же время чувствительны и плаксивы, склонны къ непродолжительному и даже нерѣдко глубокому субъективизму. Все это признаки быстро развивающагося чувства. Съ окончаніемъ этого періода, развитіе чувства идетъ уже гораздо медленнѣе. Періодъ этотъ то запаздываетъ

Фиг. 16. „Дѣти казненнаго короля Карла I въ заключеніи“. Художницы Диккзи (Dicksee).

(отодвигаясь на 4—6 года), то наступаетъ гораздо раньше, напр., раньше второго года. Въ особенности быстро зрѣютъ чувства дѣтей среди постигающихъ ихъ несчастій (смерть родителей). Художественная иллюстрація этой истины представлена въ картинѣ миссъ Маргариты Диккси: „Дѣти короля Карла I“ (выставка картинъ Лондонской Академіи 1895 года). На этой картинѣ, фиг. 16-я, изображены содержавшіяся въ тюрьмѣ дѣти казненнаго короля—братъ и сестра. Они уже предчувствовали совершившуюся страшную дѣй-

ствительность, которую отъ нихъ скрывали, и талантливая художница показываетъ зрителю этотъ именно психологическій моментъ, изобразивъ безграничное горе сестры и глубочайшее состраданіе брата. Елисавета, старшая изъ дѣтей казненнаго короля, представлена въ сидячей позѣ, изображена изстрадавшейся, изнеможенной, съ безсильно опущенными руками и головой; ея впалыя щеки и глаза указываютъ на слабую дѣятельность сердца, убитаго тоской; на лицѣ ея напечатлѣна печальная дума, граничащая съ безнадежностью и отчаяніемъ. У ногъ ея сидитъ ея маленькій братъ, вперивъ въ нее свой неподвижный, измученный взоръ: онъ ни о чемъ не думаетъ, не сводитъ глазъ съ своей сестры, впивается въ черты ея лица и переживаетъ ея страданія.

Только чувство можетъ принимать у дѣтей столь возвышенныя формы и достигать такой зрѣлости, что можетъ быть сравниваемо по силѣ и глубинѣ съ чувствами взрослаго; но въ области ума и воли ничего подобнаго у дѣтей не наблюдается.

Ненормальности эмоціональнаго развитія могутъ сказаться какъ въ позднемъ появленіи нѣкоторыхъ чувствъ, въ особенности стыда, такъ равно въ чрезмѣрномъ развитіи и стихійномъ характерѣ нѣкоторыхъ низшихъ чувствъ, въ особенности страха и гнѣва. Такое отношеніе обычно у слабоумныхъ и идіотическихъ дѣтей. Укрѣпленіе и развитіе воли можетъ быть лучшимъ лѣкарствомъ противъ этого зла.

б) Развитіе ума и вниманія.

α) Основные факты.

Основную черту дѣтскаго ума въ разбираемомъ періодѣ составляетъ слабость и отрывочность мышленія. Съ перваго раза эта особенность не представляется очевидной. Пояснимъ указываемый фактъ примѣромъ. Подобно тому, какъ для обычнаго обихода разговорной рѣчи достаточно обладать (подобно дѣтямъ и мало развитымъ людямъ) запасомъ въ какихъ нибудь триста-пятьсотъ словъ, такъ, равно, и наличность немногихъ мыслей у двухъ-трехлѣтняго ребенка даетъ иллюзію полнаго ума. Но при нѣкоторомъ наблюденіи легко убѣдиться, что представленія, понятія и мысли дѣтей носятъ неоспоримо отрывочный характеръ и преисполнены пробѣлами, зависящими отъ недостаточности опыта. Это еще только

отдѣльные эпизоды, далекіе отъ того, чтобы стать „цѣлымъ". Сущность и свойства этихъ недостатковъ дѣтской мысли лучше всего могутъ быть поняты изъ сравненія. Слабоумному и идіотическому ребенку очень трудно представить себѣ то, что онъ сейчасъ видѣлъ. Если на глазахъ такого ребенка положить въ руку мелкій предметъ и держать предъ взоромъ ребенка обѣ руки сложенными въ кулакъ, предлагая отгадать, въ какой рукѣ спрятанъ предметъ, то такой ребенокъ будетъ очень затрудненъ въ рѣшеніи столь простой задачи и нерѣдко даетъ невѣрный отвѣтъ—до такой степени онъ плохо представляетъ себѣ то, что сейчасъ видѣлъ. Нѣчто въ этомъ же родѣ, но въ слабѣйшей степени, наблюдается у всѣхъ дѣтей. Конечно, здороваго ребенка не затрудняютъ эти задачи простого воспроизведенія, которое столь трудно для слабоумнаго дитяти, но, тѣмъ не менѣе, и здоровый ребенокъ еще порядочно безпомощенъ въ актахъ представленія и воспроизведенія. Пояснимъ сказанное примѣрами. Мой сынъ, мальчикъ около четырехъ лѣтъ, увидѣвъ меня однажды купающимся въ ваннѣ, впалъ въ изумленіе и всплеснувъ руками произнесъ: „Боже мой, у него плечи есть". На мой вопросъ—развѣ онъ воображалъ меня лишеннымъ плечъ—мальчикъ отвѣчалъ: „я думалъ, что у тебя—шея, а тамъ сейчасъ—ноги". Очевидно, что ребенокъ еще весьма неясно представлялъ себѣ фигуру человѣка, не смотря на то, что онъ много разъ видѣлъ и себя, и въ особенности меньшого брата въ общей ваннѣ и, казалось бы, долженъ былъ имѣть надлежащее понятіе о формахъ человѣческаго тѣла. Желая убѣдиться, насколько подобное отрывочное представленіе свойственно дѣтямъ вообще, я предложилъ другому своему сыну (трехъ лѣтъ) задачу нарисовать меня. Ребенокъ, рисуя съ натуры, изобразилъ фигуру, которая представлена на рис. 17. Изъ этого рисунка очевидно, что юный художникъ представлялъ себѣ ясно только тѣ части тѣла, которыя были видны сквозь платье, о существованіи же другихъ онъ не догадывался. Слѣдовательно, оба мальчика одинаково не умѣли представить себѣ фигуру чело-

Фиг. 17.

вѣка. Кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть рисунки дѣтей, можетъ легко убѣдиться, что представленія дѣтей о тѣхъ предметахъ, которыхъ у нихъ нѣтъ передъ глазами, отличаются поразительной отрывочностью. Для уясненія этого факта приведемъ еще одинъ примѣръ. Одна изъ моихъ дѣвочекъ, въ возрастѣ менѣе четырехъ лѣтъ, однажды (1884 г.) порѣзала себѣ палецъ. Видъ крови, по обыкновенію, вызвалъ у ребенка страхъ и слезы. Я закрылъ порѣзъ коллодіемъ, взамѣнъ всякихъ повязокъ. Это скорое исцѣленіе привело ребенка въ большой восторгъ, и дѣвочка среди похвалъ и благодарностей, высказала, между прочимъ, мысль, что если бы ей не закрыли такъ скоро и такъ искусно порѣзъ, она изошла бы кровью и спалась бы, какъ воздушный шаръ, который прорвали (рѣчь шла о летающихъ резиновыхъ шарахъ, наполненныхъ легкимъ газомъ). Заинтересованный такимъ понятіемъ дитяти объ устройствѣ тѣла, я предложилъ дѣвочкѣ рядъ вопросовъ, и изъ отвѣтовъ ея оказалось, что она воображаетъ себя состояшей изъ кожи, которая, какъ мѣшокъ, наполнена кровью, но что больше ничего въ ней не содержится. Я не предложилъ ребенку дальнѣйшихъ вопросовъ, но когда порѣзъ и воспоминанія о немъ отошли въ область прошедшаго, я рѣшился, съ психологической объективностью, изслѣдовать понятія дитяти. Для этого я употребилъ слѣдующій пріемъ. Ощупавъ ручку ребенка отъ кисти до локтя, я предложилъ дѣвочкѣ вопросъ, не знаетъ ли она, что это у нея тамъ—твердое вложено въ средину—въ ручку, и предоставилъ дѣвочкѣ ощупать руку. Дѣвочка встрѣтилась съ фактомъ, видимо ей неизвѣстнымъ, и была озадачена отвѣтить на мой вопросъ. Чтобы сдѣлать еще болѣе полной mise en scène, я сдѣлалъ видъ, что хотѣлъ бы сломать это нѣчто, вложенное въ ея руку, но что оно такъ прочно, что его ни за что не сломаешь. На новый вопросъ, предложенный дѣвочкѣ, она была не только озадачена, но какъ бы даже нѣсколько испугана этимъ неожиданнымъ открытіемъ какого посторонняго тѣла въ глубинѣ ея руки. Послѣ этого я предоставилъ дѣвочкѣ убѣдиться, что не только въ рукѣ, но и въ ножкахъ и головѣ тоже содержится нѣчто твердое. Не оставляя дѣвочку далѣе въ недоумѣніи, я подвелъ ее къ скелету и объяснилъ, что въ ней, какъ въ скелетѣ, находятся кости, и, по этой причинѣ, она—„прочная дѣвочка и не ломается“. Радость ребенка была велика, дѣвочка понеслась съ вѣстями—„мама, няня! въ меня вло-

жено много костей въ середину для прочности",—„во мнѣ столько костей, какъ въ скелетномъ человѣкѣ". Къ этому необходимо прибавить, что скелетъ издавна находится въ квартирѣ, и дѣти часто разсматривали „скелетнаго человѣка" и даже забавлялись страхомъ, возбуждаемымъ его присутствіемъ въ прислугѣ.

Совершенно подобнаго же рода наблюденія сдѣланы въ недавнее время въ Америкѣ Stanley Pall'емъ и опубликованы имъ въ крайне интересной работѣ (1898 году). Въ приведенныхъ выше фактахъ, а равно въ наблюденіяхъ американскаго психолога содержатся ясныя указанія на слабую способность дѣтской мысли—усваивать и замѣчать то, что̀ много разъ было передъ глазами. Правда, и взрослому, до извѣстной степени, свойственно это явленіе, и проф. Шарко о подобномъ психологическомъ фактѣ очень тонко выразился; on a vu, mais on n'a pas observé (видѣли, но не замѣтили); но у дѣтей это явленіе выражено въ крайне рѣзкихъ размѣрахъ. Оно зависитъ отъ слабости произвольнаго вниманія.

Въ виду такого состоянія интеллигентному ребенку предстоитъ продолжительный и сложный трудъ — заполнять пробѣлы, связывать разрозненное, но прежде всего увеличивать свой психологическій опытъ. Наши представленія, говоритъ Höffding объ умѣ взрослаго, истинны, когда они согласуются съ возможно большимъ числомъ точныхъ воспріятій (Höffding. Psycholog. V D, 5 e). Но если таково положеніе взрослаго въ отношеніи познанія, то дитяти предстоятъ неизмѣримо большія трудности. Ребенокъ побѣждаетъ эти трудности неустаннымъ внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ, т. е. воспріятіемъ впечатлѣній н переработкой ихъ.

β) Значеніе и роль внѣшнихъ впечатлѣній въ дѣлѣ умственнаго развитія ребенка.

Впечатлѣнія, получаемыя черезъ внѣшніе органы чувствъ, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для умственнаго развитія ребенка. Достаточно указать на тотъ фактъ, что дѣти, потерявшія въ нѣжномъ возрастѣ зрѣніе и слухъ, неминуемо впадаютъ въ идіотизмъ; только особенно одаренныя между этими несчастными еще способны развиваться умственно, какъ показываетъ примѣръ Лауры Бриджманъ и Елены Келлеръ. Такимъ образомъ, зрѣніе и слухъ являются особенно важными основами умственнаго развитія

въ дѣтствѣ. Взвѣшивая относительное значеніе каждаго изъ этихъ высшихъ или важнѣйшихъ органовъ чувствъ, мы приходимъ къ заключенію, что слухъ въ раннемъ дѣтствѣ имѣетъ даже большее значеніе и болѣе необходимъ ребенку, чѣмъ зрѣніе. Оглохшія дѣти гораздо тупѣе развиваются и болѣе отстаютъ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ дѣти слѣпые. Міръ звуковъ оказываетъ особое бодрящее и возбуждающее вліяніе на душу дитяти, и утрата слуха ничѣмъ не замѣнима. Хотя и потеря зрѣнія отражается весьма вредно на развитіи ребенка, но эта потеря, по крайней мѣрѣ отчасти, вознаграждается усиленнымъ изощреніемъ осязанія. Осязаніе, подобно зрѣнію, даетъ условія для развитія пространственныхъ представленій, а міръ красокъ хотя и является недоступнымъ слѣпому дитяти,—все же нѣкоторое, хотя и весьма отдаленное, понятіе объ этомъ мірѣ дается тепловыми различіями цвѣтныхъ лучей и возможностью опредѣлять эти различія при изощреніи чувствительности кожи. Но никакая замѣна слуха или хотя бы отдаленная компенсанція невозможна: кожа является слишкомъ грубымъ органомъ для воспріятія тоновъ. Такимъ образомъ, слуху должна быть приписана первенствующая роль въ дѣлѣ умственнаго развитія дитяти.

Кто не знакомъ по личному опыту съ тѣмъ могущественнымъ вліяніемъ, какое оказываетъ музыка на душу человѣка! Не меньше вліянія міръ звуковъ оказываетъ и на дѣтей. Колыбельная пѣсня, убаюкиваніе звуками голоса, обращеніе къ дитяти съ рѣчами, все это обыденные факты изъ жизни, показывающіе важное значеніе звуковъ для ребенка. Но въ настоящее время есть и научныя доказательства преимущественнаго значенія звуковыхъ впечатлѣній въ дѣлѣ умственнаго развитія дитяти. Наблюденія, произведенныя по правиламъ экспериментальной психологіи, показали [1]), что звуковыя впечатлѣнія не только сами по себѣ даютъ непосредственный матеріалъ для души, но, сверхъ того, производятъ побочное благотворное вліяніе на мозговые центры, возбуждая и усиливая зрительную воспріимчивость: человѣкъ, ухо котораго восприняло звуки, становится, въ силу одного этого факта, болѣе чуткимъ и отзывчивымъ къ воспріятію красокъ и формъ и начинаетъ замѣчать и различать ихъ съ большею точностью, чѣмъ раньше. Такимъ образомъ, по

---

[1]) Epstein. Ueber die Modification der Gesichswahrnehmungen unter dem Einfluss von Toneindrücken. Zeitschr. f, Biologie N. F. Bd. XV. 1896.

самому устройству нервной системы и мозга, звуки имѣютъ силу оказывать особое возбуждающее и бодрящее вліяніе на центры зрительныхъ воспріятій. Можно сказать, что звуки прокладываютъ и облегчаютъ путь міру красокъ и формъ, и, если дитя съ четвертаго мѣсяца такъ жадно предается воспріятію зрительныхъ образовъ, то подготовленіе къ этому и крупное содѣйствіе дано міромъ звуковъ, которые въ тихомъ уединеніи колыбели, еще раньше красокъ и формъ усваиваются дитятей. При посредствѣ звуковъ ребенокъ впервые научается воспринимать внѣшній міръ: звуки являются первымъ менторомъ въ нелегкомъ дѣлѣ усвоенія внѣшняго міра.

Важное значеніе міра звуковъ въ дѣлѣ психическаго развитія еще ждетъ своей истинной оцѣнки. Въ высокомъ значеніи музыки никто не сомнѣвается. Сама жизнь уже оцѣнила ее. Быть можетъ, любовь къ звукамъ и пѣвучесть языка у итальянцевъ были однимъ изъ предрасполагающихъ условій къ развитію художественнаго творчества. Быть можетъ, міру звуковъ человѣчество обязано появленіемъ въ Италіи—и только въ ней одной—такихъ талантовъ, какъ Рафаэль, Да-Винчи и Микель-Анжелло! Столь существенное значеніе звуковъ еще болѣе усиливается тѣмъ фактомъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ и самая способность усваивать и запоминать звуки лучше развита [1]), и только при дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи ребенка, зрительная память начинаетъ брать перевѣсъ надъ звуковой. Эти научные факты указываютъ на особо-важное значеніе міра звуковъ для умственнаго развитія въ нѣжномъ возрастѣ.

Звуки необходимы ребенку не только въ ту пору, когда онъ начинаетъ понимать колыбельную пѣснь и ласковый тонъ рѣчей и обращеній къ нему, но и гораздо раньше. Даже самыя крошечныя дѣти, съ первыхъ недѣль своей жизни, прислушиваются къ звукамъ, вникаютъ въ нихъ, воспринимаютъ ихъ. Эта работа уже въ полномъ ходу у ребенка въ первые три мѣсяца жизни, когда еще онъ не вполнѣ обучился управлять зрѣніемъ и не можетъ такъ отчетливо видѣть и воспринимать зримые предметы, какъ онъ улавливаетъ и воспринимаетъ окружающіе его звуки.

Принимая во вниманіе изложенные факты, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то, чтобы не лишать ребенка, въ первые мѣсяцы

---

[1]) Chauncey J. Hawkrns. Experiments on Memory Types Psycholog. Rev. IV—1897.

жизни, столь важнаго орудія для его умственнаго развитія, какъ міръ звуковъ. Въ особенности это недбходимо потому, что большая часть дѣтей имѣетъ наклонность увлекаться міромъ красокъ и формъ, начиная съ четвертаго мѣсяца, когда у нихъ развилась способность управлять глазами и ясно видѣть окружающіе предметы. Дѣти склонны въ это время впасть въ своего рода односторонность. Дѣти дѣлаютъ въ этомъ случаѣ ошибку, подобную той, какую, какъ показалъ Шарко, дѣлаютъ и взрослые, когда пользуются не всѣми наличными орудіями своего ума, а нѣкоторыми только. Многіе люди закапываютъ часть талантовъ, или, по крайней мѣрѣ, не утилизируютъ ихъ, чѣмъ и лишаютъ себя той психологической всесторонности, къ которой долженъ стремиться человѣкъ. Пріемъ, которымъ мы, въ нашемъ уходѣ за собственными дѣтьми, пользовались для надлежащаго усвоенія ими звуковъ, состоялъ въ томъ, что мы предоставляли дѣтямъ случай находиться въ исключительной, такъ сказать, атмосферѣ звуковъ, т. е. не выносили ихъ на свѣтъ, а оставляли по временамъ въ полуосвѣщенной или темной комнатѣ въ постелькѣ, и тогда дѣти жадно предавались воспріятію звуковъ. Время предъ засыпаніемъ или по пробужденіи всего лучше для этой цѣли. При такихъ условіяхъ дѣти научаются воспринимать и усваивать міръ звуковъ и оцѣнивать высокую прелесть этого своеобразнаго міра; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣти научаются понимать значеніе и великую пользу уединенія и тишины, т. е. міра такихъ тихихъ звуковъ, которые требуютъ отъ слушающаго особенной внимательности, чтобъ уловить и оцѣнить ихъ, какъ, напр., шумъ дыханія, шорохъ отъ собственныхъ движеній, удары сердца, слышимые черезъ постель, и проч. Несомнѣнно—и мы въ томъ убѣдились наблюденіемъ—что дѣти уже въ первые недѣли и мѣсяцы своей жизни научаются воспринимать эти звуки.

Такимъ образомъ, въ первые мѣсяцы своей жизни, ребенокъ нуждается не столько въ громкихъ сильныхъ звукахъ,—они даже пугаютъ ребенка и были бы ему вредны,—а наоборотъ, ему необходима сравнительная тишина, среди которой масса мелкихъ, тихихъ звуковъ и шумовъ безпрепятственно достигла бы его уха. Въ дальнѣйшемъ возрастѣ, однако не раньше второго полугодія, ребенку необходимы звуки и болѣе громкіе. Но въ раннюю пору громкіе звуки были бы даже опасно утомительны для дитяти, какъ показали наблюденія Прейера. (Ребенокъ Прейера, слушавшій звукъ

фортепіано, уснулъ послѣ этого такимъ глубокимъ сномъ, какимъ до того времени никогда не засыпалъ, очевидно утомленный громкими звуками инструмента).

Значеніе тоновъ ребенокъ начинаетъ понимать не раньше второго полугодія, или конца перваго года, и слѣдовательно инструментальные звуки и тоны ему раньше этого срока не нужны. Но звуки человѣческаго голоса ребенокъ уже очень рано начинаетъ понимать. Говоръ окружающихъ, обращеніе къ ребенку со звуками голоса и рѣчами, а равно тихое пѣніе и монотонные звуки убаюкиваютъ и успокаиваютъ ребенка: они ему также пріятны, какъ теплота, какъ теплая постель, какъ ванна, какъ пища. Въ этомъ, вѣроятно, сказывается унаслѣдованное, почти готовое пониманіе звуковъ голоса, какое свойственно и животнымъ.

Со второго года жизни пѣніе и мелодичные звуки приносятъ дитяти существенную пользу. Воспитательное значеніе музыки въ дальнѣйшемъ возрастѣ не требуетъ поясненія. Мы укажемъ только на два важнѣйшіе факта. Музыка своимъ точнымъ измѣреніемъ времени (ритмомъ, гармоніей, мелодіей) служитъ у дитяти первой глубокой основой для обученія оцѣнкѣ времени—для каковой цѣли въ организмѣ не существуетъ непосредственныхъ измѣрительныхъ приборовъ. Любовь къ ритму является, поэтому, глубокимъ жизненнымъ требованіемъ и одинаково свойственна, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ уже съ самаго ранняго возраста. Второй фактъ состоитъ въ томъ, что узнаваніе звуковъ предшествуетъ узнаванію зримыхъ предметовъ: дитя раньше начинаетъ отвѣчать улыбкой на звуки, чѣмъ на видимые имъ предметы. Всѣмъ извѣстно, какъ крошечному дитяти на 2—3 мѣсяцѣ уже пріятны звуки, какъ оно прислушивается къ нимъ и улыбается на нихъ.

Послѣ звуковыхъ впечатлѣній важнѣйшее мѣсто въ дѣлѣ умственнаго развитія ребенка принадлежитъ зрительнымъ впечатлѣніямъ. Зрѣніе и слухъ по справедливости считаются важнѣйшими внѣшними органами и важнѣйшими корнями психической жизни. У животныхъ такое же мѣсто принадлежитъ и обонянію, которое у человѣка, наоборотъ, играетъ только второстепенную роль. Но за то у человѣка высокое мѣсто принадлежитъ мышечно-осязательнымъ впечатлѣніямъ. На этихъ двухъ категоріяхъ внѣшнихъ впечатлѣній мы и остановимся.

Начиная съ четвертаго мѣсяца зрительныя впечатлѣнія и зрительная практика составляютъ одно изъ выдающихся занятій ребенка. Занятіе это настолько поглощаетъ вниманіе дитяти, настолько беретъ времени и досуга, что способно до нѣкоторой степени отстранить и заслонить собою другія впечатлѣнія. Чтобъ удержать ребенка отъ этого односторонняго увлеченія зрительными впечатлѣніями, мы находимъ очень полезнымъ, какъ уже было выше упомянуто (стр. 53—54), оставлять по временамъ дѣтей въ полусвѣтѣ и уединеніи, чтобы дать имъ случай быть свободными отъ зрительныхъ впечатлѣній въ пользу другихъ.

Зрительныя впечатлѣнія и, вообще, свѣтъ до чрезвычайности пріятны дѣтямъ; также пріятны цвѣта, формы и движенія предметовъ: всѣ дѣти относятся съ величайшимъ увлеченіемъ къ воспріятію этихъ зрительныхъ впечатлѣній. Грудные дѣти во время кормленія часто смотрятъ въ глаза матери или кормилицы, видимо поражаясь и любуясь контрастомъ глазъ и лица. Ребенокъ охотно также смотритъ на темныя или цвѣтныя точки, расположенныя на свѣтломъ и однообразномъ фонѣ. Въ качествѣ педагочической игрушки дѣтямъ можно давать для забавы зашитыя цвѣтными шерстями простыя фигуры на однообразномъ сѣромъ или свѣтлосѣромъ фонѣ или стекляные кольца и шары различныхъ цвѣтовъ.

Еще болѣе, нежели краски, интересуютъ ребенка формы предметовъ, ихъ движеніе, а также разстоянія. Изученіе движенія, ознакомленіе съ разстояніями и вся сложная задача пониманія зримыхъ предметовъ совершается у дитяти при участіи осязанія. Осязательное изслѣдованіе предметовъ имѣетъ вообще высокое значеніе для духовнаго развитія дитяти (и не для дитяти только!). Уже наблюденіе надъ внезапно прозрѣвшими (оперированными) слѣпорожденными показываетъ, что взрослый человѣкъ научается понимать видимые предметы не безъ участія осязанія, по крайней мѣрѣ въ первое время. Прозрѣвшему человѣку кубъ представляется четыреугольникомъ, шаръ—кружкомъ, а удаленіе и разстояніе предметовъ совершенно непонятно. Прозрѣвшему кажется, что предметы касаются его глазъ, пока осязающая рука не убѣждаетъ въ противномъ, и только послѣ осязательныхъ опытовъ, прозрѣвшій—физически становится и нравственно зрячимъ, начинаетъ понимать видимое, начинаетъ экстеріоризировать впечатлѣнія, т. е. считать ихъ находящимися тамъ, гдѣ въ дѣйствительности находятся пред-

меты, давшіе эти впечатлѣнія. Для дитяти осязаніе, это—единственный путь облегчить себѣ задачу, доступную только для болѣе развитого ума,—задачу зрительныхъ представленій и зрительнаго пониманія, т. е. опредѣленія формы предметовъ, ихъ величины и ихъ удаленія въ пространствѣ. Осязаніе зримыхъ предметовъ и захватываніе ихъ руками столь естественно дѣтямъ, что безъ этого качества ребенокъ немыслимъ, и только впослѣдствіи, послѣ долгаго опыта и упражненія ребенокъ постепенно отвыкаетъ отъ первоначальнаго пріема зрительно-осязательнаго изслѣдованія предмета. Въ этой привычкѣ сказывается не только задача осязать предметы для ознакомленія съ ихъ физическими свойствами, но еще болѣе потребность облегчать трудную проблему зрительныхъ представленій, въ особенности представленій глубины и разстояній. Для ознакомленія съ самымъ фактомъ удаленія предметовъ и съ ихъ разстояніемъ ребенокъ совершаетъ массу движеній, то перемѣщая предметы, то приближаясь и удаляясь отъ нихъ, пока задача разстоянія не выясняется для него окончательно. Прейеръ справедливо замѣчаетъ, что частыя паденія дѣтей зависятъ отъ ихъ ошибокъ въ опредѣленіи разстоянія. Такимъ образомъ, развитіе зрительнаго и осязательнаго мышленія долгое время идетъ рядомъ одно съ другимъ.

Осязательное изслѣдованіе имѣетъ у ребенка и другую цѣль—ознакомленіе съ физическими свойствами предметовъ: твердостью, мягкостью, шероховатостью, упругостью и проч. Осязательное изслѣдованіе развито у дѣтей въ чрезвычайной степени: дѣти все берутъ въ руки и кладутъ въ ротъ—обычный пріемъ ихъ активнаго осязанія. Осязаніе являегся, такимъ образомъ, гораздо болѣе важнымъ актомъ въ жизни дитяти, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Дѣтямъ обыкновенно нравится добираться до видимыхъ предметовъ, осязать ихъ, двигать и перемѣщать. Собственно истинное понятіе о внѣшнемъ мірѣ получается у дитяти путемъ осязанія—это самый доступный, элементарный пріемъ, при помощи котораго дитя впервые начинаетъ понимать внѣшній міръ, постигать дѣйствительность и грубую матерію. Эта предательская матерія сопротивляется, ставитъ ребенку препятствія, дѣйствуетъ на его тѣло, требуетъ усилій для ея удаленія съ пути; она иногда неотстранима, иногда причиняетъ боль, словомъ она — грубо осязательна, какъ бы мы сказали, если-бы желали выразить кратко смутныя представленія дитяти о вещественности міра, съ которымъ дитя зна-

комится посредствомъ осязанія. Въ этомъ осязательномъ изслѣдованіи внѣшняго міра ребенокъ пользуется вообще пріемомъ активнаго осязанія, причемъ вниманіе его обращено то на осязаніе въ строгомъ смыслѣ слова, то, главнымъ образомъ, на силу напряженія мышцъ, какую приходится затрачивать при этой встрѣчѣ и соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ. Масса дѣтскихъ игръ и забавъ распадается между этими двумя направленіями изслѣдованія: то ребенокъ потихоньку, слегка осязаетъ окружающіе предметы, то грубо, съ значительной силой устремляется на предметы и одолѣваетъ ихъ. Путемъ такихъ встрѣчъ съ внѣшними предметами постепенно складываются у ребенка пониманіе и уразумѣніе внѣшняго міра и свойствъ матеріи, среди которой приходится жить. Ознакомленіе съ твердыми тѣлами дается ребенку раньше, но жидкія тѣла и въ особенности газы долгое время непонятны и загадочны. Подвижность частицъ жидкаго тѣла какъ бы противорѣчитъ сложившемуся у дитяти понятію о веществѣ, какъ грубомъ, неуступчивомъ началѣ. Осязая воду активно, т. е. чувствуя ее вдвойнѣ: и осязательно, и силою мышцъ движущейся въ ней руки, ребенокъ догадывается, что это—матерія, но, захватыя воду руками, стараясь ее взять въ руки, какъ онъ беретъ всякій твердый предметъ, ребенокъ удивленъ, отчего и какимъ образомъ, вода ускользаетъ изъ рукъ. Еще болѣе загадочны для ребенка легкіе и газообразные предметы: они для ума дитяти кажутся какъ бы лишенными главнаго признака матеріи—грубой осязательности. Ребенку, поэтому, кажутся крайне курьезными и непонятными предметы видимые, но дающіе слабое осязательное ощущеніе, напр., вата; а такіе объекты, какъ дымъ и пыль, освѣщенные яркими лучами солнца, особенно поражаютъ ребенка и кажутся ему загадочными по своей неуловимости и неосязаемости. Дитя, схватывающее рукою дымъ или освѣщенную лучомъ пыль, бываетъ очень удивлено тѣмъ, что при захватѣ такого видимаго предмета не получается осязательнаго ощущенія.

Обративъ вниманіе на эти запросы дѣтской мысли, авторъ настоящихъ строкъ сдѣлалъ попытку устроить игрушку, удовлетворяющую психологическому требованію дѣтскаго ума. Для этого взяты были три шара одинаковой величины и окраски: изъ гутаперчевой массы (обыкновенный билліардный шаръ), деревянный шаръ и целлюлоидовый. Первый шаръ былъ тяжелъ, третій весьма легокъ, а

второй занималъ середину между ними. Игрушка показалась ребенку (конецъ 1-го года) необыкновенно занимательной. Шары, одинаковые для зрѣнія, были очень различны для активного осязанія. Особенно интереснымъ показался ребенку тяжелый шаръ. Онъ какъ бы служилъ настоящимъ олицетвореніемъ матеріи, и ребенокъ давалъ ему предпочтеніе передъ болѣе легкими шарами. Когда ребенокъ достаточно ознакомился съ тяжелымъ шаромъ, беря его въ руки, передвигая его, катая и любуясъ его ровнымъ, смѣлымъ ходомъ, онъ модифицировалъ свою забаву-дѣло, останавливаясь только на сравненіи самаго тяжелаго шара съ самымъ легкимъ. Первый, видимо, служилъ для дитяти олицетвореніемъ настоящаго матерьяльнаго предмета, а второй—лишь предмета зримаго, въ родѣ дыма, пыли и т. под. Къ первому ребенокъ питалъ чувство какъ бы нѣкотораго уваженія, а второй казался ему ничтожествомъ, едва достойнымъ вниманія. Игрушка необыкновенно нравилась ребенку: она выводила его мысль на вѣрную дорогу и снимала покрывало съ этого, труднаго для пониманія, внѣшняго міра. Игрушка какъ бы разъясняла дитяти всю загадочность вещества, всю проблему зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій.

Для упражненія въ чисто осязательныхъ впечатлѣніяхъ, игрушкой могутъ служить наклеенныя на досточку полоски различныхъ матерій (бархата, тюля, гаруса, шолка, холста, сукна, шлифовальной бумаги). Шлифовальная бумага не нравится дѣтямъ, а шолкъ, наоборотъ, особенно пріятенъ, онъ не только наименѣе осязаемъ, но какъ бы стоитъ на границѣ осязательныхъ впечатлѣній, за которой уже слабѣетъ и теряется самое осязательное ощущеніе, переходя въ простое чувство давленія или прижатія, вызываемаго однороднымъ веществомъ.

γ) Значеніе игръ для умственнаго развитія.

Вся дѣятельность дитяти, въ описываемый періодъ, какъ бы лишена серьезнаго характера и является съ оттѣнкомъ легкаго препровожденія времени, наполненнаго играми и забавами. Такой она представляется обыкновенному наблюдателю, и человѣческій языкъ назвалъ ее именемъ игръ и забавы, но психологическій анализъ открываетъ въ ней смыслъ—смыслъ серьезной дѣятельности, серьезнаго дѣла, истиннаго обученія и поученія.

Уже одинъ видъ забавляющагося дитяти многое раскрываетъ. Если въ занятіе ребенка не вмѣшиваются, а остаются въ роли объективнаго наблюдателя, то легко замѣтить у дитяти совершенную серьезность, сосредоточенность, усилія, напряженіе, умственное углубленіе. Дѣти очень часто сморщиваютъ и сближаютъ брови, сокращая мышцу мысли (верхнюю орбитальную мышцу), что́ придаетъ печать необыкновенной серьезности выраженію ихъ личика; нерѣдко можно замѣтить, что ребенокъ плотно сжимаетъ губы,—что́ указываетъ на титаническія усилія крошечной воли; а живое выраженіе личика то становится наивно-хмурымъ, то озаряется радостью, въ зависимости отъ встрѣчаемыхъ трудностей или достигаемыхъ успѣховъ. Мышечныя напряженія, которыя нерѣдко дѣлаетъ крошечный ребенокъ, стараясь переползти, приподняться, притащить къ себѣ извѣстный предметъ, достигнуть какой либо цѣли—эти усилія такъ велики, что свидѣтельствуютъ о примѣненіи къ дѣлу всего наличнаго запаса воли. Въ то же время вниманіе и увлеченіе, съ которымъ идетъ работа, указываютъ на такую степень интереса къ дѣлу, которая исключаетъ всякую мысль о забавѣ или о простомъ препровожденіи времени. Если къ этому прибавить неутомимость дитяти, забывающаго, за своими необязательными занятіями, отдыхъ и ѣду, то истинный смыслъ дѣтской дѣятельности выступаетъ въ полномъ свѣтѣ.

Игры свойственны даже животнымъ. Два котенка или два щенка борются между собой и каждое изъ нихъ старается оцѣнить напряженіе мышцъ соперника и нѣжно одолѣть его. Еще чаще животные имитируютъ сцены нападенія на живое существо: котенокъ, шурша кусочкомъ бумаги и двигая его своей лапкой, напоминаетъ себѣ тѣмъ движеніе и шорохъ убѣгающей мыши, которую старается преслѣдовать. Вообще, игры животныхъ представляютъ собою готовые этюды изъ области предустановленнаго инстинкта. Гораздо разнообразнѣе и замысловатѣе съ психологической точки зрѣнія представляются игры человѣческаго дитяти.

Игры у дитяти возникаютъ и постепенно усложняются въ той мѣрѣ, какъ въ душѣ появляются и крѣпнутъ „свободныя представленія“ (воспоминанія), т. е. около пятаго мѣсяца жизни. Ясный обликъ сознательности и преднамѣренности они получаютъ около 8—9-го мѣсяца, когда „внутреннее вниманіе“ устанавливается у дитяти.

Какія задачи ребенокъ преслѣдуетъ въ обширномъ мірѣ своихъ игръ и забавъ?

Первую многочисленную группу дѣтскихъ игръ и забавъ составляютъ тѣ, инстинктивно придумываемыя ребенкомъ, занятія и упражненія, которыя содѣйствуютъ закрѣпленію въ умѣ ясныхъ образовъ, или слѣдовъ получаемаго впечатлѣнія. Это достигается безконечнымъ повтореніемъ одного и того же: ребенокъ Прейера, который однажды открылъ крышку чайника, повторилъ эту операцію 79 разъ къ ряду. Почему?—Потому что картина, которую онъ сейчасъ видѣлъ, и ощущенія, которыя онъ испыталъ, все еще оставили слабый слѣдъ въ его умѣ, все еще недостаточно ясно вспоминались; необходимы были новыя повторныя воспріятія, чтобы прочно запечатлѣть ихъ. Дитяти необходимо сотни и тысячи разъ видѣть одинъ и тотъ же предметъ, слышать тѣ же звуки, необходимо безпрерывно ощущать и осязать внѣшній міръ, схватывать его всѣми пятью чувствами, чтобы внѣшніе факты перенести въ свой умъ и удерживать тамъ. Усердіе и настойчивость, которую, въ этомъ направленіи, проявляютъ дѣти, видны, напримѣръ, у мальчика, описаннаго выше (стр. 74—75). Примѣръ этого мальчика показываетъ, сколько труда и усилій необходимо затратить дитяти, чтобы закрѣпить въ умѣ полученныя впечатлѣнія.

Вторую многочисленную группу игръ и забавъ дѣтей составляютъ тѣ занятія и упражненія, въ которыхъ самъ ребенокъ является двигательнымъ началомъ и двигательной силой (Прейеръ). Сюда принадлежитъ любимое дѣтьми передвиганіе и перемѣщеніе предметовъ, шумы, стуки, пересыпаніе и переливаніе, разрываніе и разрушеніе, бросаніе камней въ воду, качаніе вѣтокъ дерева и т. п. Всѣ эти забавы укрѣпляютъ у дитяти понятіе о себѣ, какъ о дѣятелѣ и причинѣ явленій. Этому въ высокой степени также содѣйствуютъ звуки голоса, которые производитъ ребенокъ и, въ особенности, произносимыя имъ самимъ слова. Субъективность ребенка этимъ путемъ облекается въ плоть и кровь объективности.

Такъ какъ произвольныя движенія исходятъ изъ передняго ассоціативнаго центра (Flechsig) то вся описанная (вторая) группа игръ и забавъ дитяти содѣйствуетъ упражненію этого центра. Въ психологическомъ отношеніи такое упражненіе чрезвычайно важно и необходимо. Оно приводитъ къ укрѣпленію личнаго начала и личной иниціативы и къ сформированію воли: оно даетъ дитяти самостоя-

тельность и независимость духа, научаетъ рѣшительности и самообладанію — искусству дѣйствовать и сдерживать себя, словомъ — оно развиваетъ характеръ и закаляетъ его.

Третью, важнѣйшую и многочисленную группу игръ и забавъ дитяти составляютъ тѣ занятія, гдѣ на первый планъ выступаетъ не стереотипность, не повтореніе, какъ въ играхъ первой категоріи, а, наоборотъ — начало разнообразія, активности и постоянныхъ перемѣнъ, постояннаго исканія новыхъ впечатлѣній, новой постановки ихъ, новыхъ акцессуаровъ. Здѣсь игра и забава ребенка поистинѣ поднимается на вышину эксперимента, какъ выражается Прейеръ. Этимъ, уже въ раннюю пору, дитя рѣзко отличается даже отъ взрослыхъ животныхъ. У животныхъ ничтоженъ запасъ свободныхъ представленій и потому у нихъ мало развито произвольное вниманіе; животныя вовсе не даютъ себѣ задачъ, не ищутъ ничего новаго и рабски воспринимаютъ то, что, такъ сказать, само собой попадается имъ на глаза. Животное остается, такимъ образомъ, во власти пассивнаго или непроизвольнаго вниманія. Наоборотъ, человѣческое дитя вращается въ живомъ мірѣ познанія, создаваемомъ его собственной мыслью и волей. Въ организаціи своихъ игръ дитя обнаруживаетъ фантазію и творчество, измѣняетъ и разнообразитъ свое времяпрепровожденіе изо дня въ день, изъ часа въ часъ, внося въ свою дѣятельность безграничную пестроту и разнообразіе замысловъ. Этимъ путемъ дитя обучается превращать непроизвольныя, случайныя ассоціаціи въ мышленіе, управляемое сознаніемъ и волею.

Частныя задачи, кототорыя ребенокъ преслѣдуетъ, въ тотъ или иной моментъ на пути своего развитія, иногда легко разрѣшимы, но иной разъ онѣ непонятны, такъ какъ психологія, вообще, и психологія дитяти, въ особенности, еще не настолько разработаны, чтобы мы всегда могли найти объясненія наблюдаемому явленію. Многія задачи, напр., образованіе зрительныхъ представленій, столь сложны что развѣ только человѣкъ, порядочно освѣдомленный въ психологическихъ проблемахъ, могъ бы быть для ребенка помощникомъ и няней среди его занятій и въ дѣлѣ его умственнаго развитія. Но при обычныхъ условіяхъ забавляющееся дитя это — путникъ среди иностранцевъ, совершенно его не понимающихъ, безсильныхъ направить его и указать путь. Отсюда естественный выводъ, чтобы

взрослые наблюдали, но по возможности не вмѣшивались въ занятія дитяти. Съ чувствомъ живѣйшаго огорченія иногда приходится видѣть, какъ няни или окружающіе, не понимая замысла дитяти, своимъ вмѣшательствомъ нарушаютъ или прерываютъ его работу въ самомъ эффектномъ, рѣшительномъ пунктѣ.

Даже среди задачъ, не имѣющихъ психологической важности, правильнѣе было-бы предоставить ребенку свободу и самостоятельность. Намъ помнится случай, когда мать, изъ чувства естественнаго участія, помогла сыну (трехлѣтнему мальчику) сдѣлать два—три послѣднихъ шага въ подъемѣ салазокъ на снѣжную гору. Нужно было видѣть огорченіе ребенка, доходившее почти до слезъ.—„Ахъ, какъ жаль, мама, сказалъ мальчикъ съ нѣжной укоризной, что ты мнѣ помогла; еще бы одна минута, и я бы самъ вывезъ, а теперь мнѣ надо снова начинать". Очевидно, мальчику нравилась не только перспектива скатыванія внизъ, но также были пріятны и цѣнны самыя усилія въ достиженіи извѣстной цѣли. Такъ какъ ребенокъ идетъ по совершенно новому и незнакомому пути, то ему очень важно не только достиженіе цѣли, но самая процедура и всѣ перипетіи дѣла: въ безконечныхъ варіаціяхъ своихъ дѣловитыхъ игръ-забавъ дитя основательно знакомится не только съ конечными цѣлями, но и со способами достиженія ихъ.

Наблюдая дѣтей, нельзя не прійти къ убѣжденію, что вмѣшательство окружающихъ въ забавы дѣтей должно быть крайне осторожнымъ. Это долженъ быть скорѣе надзоръ и участіе, но не починъ. Истинно жалка судьба тѣхъ дѣтей, которыхъ няни и старшіе постояно занимаютъ, хлопаютъ передъ ними въ ладоши, водятъ за руки, предлагаютъ и преподносятъ игрушки, направляютъ забавы и проч. Подобныя няни должны быть признаны умственно не способными къ исполненію своихъ обязанностей. Необходимо дать просторъ полету „свободныхъ представленій", возникающихъ у дитяти, потому что только этимъ путемъ воспитывается интеллектуальный починъ и крѣпнетъ воля, необходимая для реализаціи и воплощенія во внѣшнихъ формахъ и проявленіяхъ.

Въ вопросѣ о содѣйствіи умственному развитію дитяти въ началѣ перваго года жизни мы лично слѣдовали такой практикѣ. Уловивъ, чѣмъ ребенокъ занимается, мы, ни на что не наводя его и не наталкивая, старались уразумѣть скрытый психологическій смыслъ въ поискахъ и стремленіяхъ дитяти, и, если удавалось угадывать ходъ мыслей

ребенка, мы пытались сочинить для него игрушку, которая была бы въ курсѣ замысловъ и въ программѣ его текущихъ дѣлъ. Если игрушка подходила къ дѣлу, то она необыкновенно радовала ребенка. Такъ, когда моя дочь въ концѣ перваго года жизни замѣтила сходство между слуховымъ окномъ голубятни и луной въ ущербѣ, я, убѣдившись въ ходѣ мыслей дитяти, показалъ ей полулунную вырѣзку въ печной дверкѣ и затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ же полулунныхъ вырѣзокъ въ бумажныхъ листахъ и деревянныхъ досточкахъ. Дитяти крайне понравилось это; было видно, что игрушка потрафила въ самую точку. Видя луну на горизонтѣ, дѣвочка добывала полулунныя вырѣзки, предъявляя ихъ вниманію всѣхъ: „вотъ-де оно самое" и, наоборотъ, игрушечная вырѣзка наводила дитя на мысль о лунѣ и дѣвочка требовала, чтобы ее поднесли то къ тому, то къ другому окну и вглядывалась въ горизонтъ въ поискахъ за луной. Изъ предметовъ, подобранныхъ ребенкомъ, и изъ искусственныхъ дополненій къ нимъ образовалась, съ теченіемъ времени, маленькая коллекція объектовъ умственнаго развитія дитяти. Коллекція эта была уложена въ корзинку и ежедневно, по нѣскольку разъ, ребенокъ принимался съ истиннымъ увлеченіемъ за разборъ и разсматриваніе своей коллекціи. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя игрушки теряли интересъ или получали новое назначеніе и начинали служить объектомъ иныхъ задачъ. Постепенно коллекція пополнялась и измѣнялась. Какъ только вниманіе дитяти среди умственныхъ операцій ослабѣвало или ребенокъ самъ оставлялъ игру, ему вмѣнялось въ обязанность сложить всѣ игрушки въ корзинку и самую корзинку засунуть въ уголъ, гдѣ она была удалена отъ взора. Послѣ нѣкотораго промежутка ребенку снова разрѣшалось приниматься за игру. Утромъ жажда осмотра игрушекъ была весьма сильна. Такъ какъ выяснилось, что ребенокъ, въ теченіе извѣстнаго времени, охотно и съ тѣмъ же неостывающимъ интересомъ забавляется прежними игрушками, то сама собой стала очевидной польза и необходимость сохраненія коллекціи въ порядкѣ съ тою цѣлью, чтобы оставался матерьяльный слѣдъ, который реально напоминалъ бы ребенку его предшествующія занятія и поддерживалъ нить разъ обозначившихся мыслей и стремленій. Эта идея была одной изъ самыхъ счастливыхъ! Въ самомъ дѣлѣ, намъ приходилось каждый разъ вновь и вновь убѣждаться, что вынутая знакомая корзинка и разложенныя на полу игрушки сразу вводили ребенка въ цѣпь прерванныхъ занятій, и дитя, какъ

ученый въ своей лабораторіи или за своимъ письменнымъ столомъ, сразу входило въ курсъ дѣла, въ потокъ умственной работы и текущихъ вопросовъ своего интелектуальнаго развитія. Безъ такой или подобной колекціи ребенокъ на утро принимался бы за работу безъ плана или безъ готоваго начала, безъ объективнаго слѣда и напоминанія о всѣхъ вчерашнихъ этапахъ и перепетіяхъ работы, и не могъ бы ясно вспомнить о всѣхъ мыслительныхъ и творческихъ усиліяхъ минувшаго дня. Наблюденіемъ можно было убѣдиться, что ребенокъ не рѣдко съ жаромъ и увлеченіемъ подвинутой впередъ работы принимался оканчивать, распутывать, разрѣшать прерванныя умственнныя задачи. Не няня, не посторонній человѣкъ задавалъ тонъ, а—самое дѣло, самый естественный ходъ раскрывавшихся психическихъ горизонтовъ, которые уже были намѣчены дитятей.

При объективномъ наблюденіи дѣтскихъ занятій, игръ и забавъ выяснилось, что тишина и покой также полезны дитяти среди его работъ, какъ и взрослому. Въ особенности начиная съ восьмого—десятаго мѣсяца, когда у ребенка появляется внутреннее вниманіе, для него весьма необходима внѣшнняя тишина и спокойствіе, чтобы не было помѣхи напряженію его мысли. Среди царяшей тишины ребенокъ не только не тяготится уединеніемъ, но серьезно и радостно, со всѣми признаками полнаго удовлетворенія, копошится среди своихъ игрушекъ, и ему ничего болѣе не нужно. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что ребенку, такъ же, какъ и взрослому среди умственной работы въ минуты внутренняго вниманія, необходимъ покой, тишина, уединеніе. Въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, наблюдая дѣтей.

Таковы, какъ показываетъ наблюденіе, внѣшнія условія самобытныхъ умственныхъ занятій ребенка, или его игръ.

Изложенное въ этомъ отдѣлѣ мы дополняемъ краткимъ перечнемъ нѣкоторыхъ предметовъ, составлявшихъ содержимое корзины игрушекъ моей дочери въ теченіе второго года жизни. Въ этомъ перечнѣ мы укажемъ на то значеніе, какое эти игрушки имѣли въ дѣлѣ умственнаго развитія ребенка.

1. Два, три десятка мелкихъ, круглыхъ пуговокъ съ ушками. Пуговки случайно попали въ руки ребенку и оказались въ его умѣ психологически важнымъ предметомъ. Пуговки сразу стали любимой игрушкой, часто и серьезно занимали ребенка, онѣ служили въ умѣ дѣтяти „общимъ представленіемъ“ или общей

матеріальной формулой и замѣстителемъ для представленій индивидуальныхъ. Такимъ образомъ, напр., горошинка въ супѣ, крупинка въ кашѣ и т. п. подходили подъ категорію пуговокъ. Что здѣсь дѣло шло о представленіи по сходству, а не по существу—это само собою ясно: въ отвѣтъ на просьбу дѣвочки (за обѣденнымъ столомъ) дать ей пуговки изъ супа, я спросилъ, не хочетъ-ли она пуговокъ изъ корзины, дѣвочка, смѣясь и довольная этимъ для нея qui pro quo, сказала, что тѣ пуговки ѣсть нельзя, а тѣ, что въ супѣ сварены,—можно ѣсть. Наблюденіе надъ дѣтьми показываетъ, что мелкіе предметы (пуговки, бобы, камешки, куски стекла) очень нравятся дѣтямъ и забавляютъ ихъ, давая имъ матерьялъ для разныхъ игръ. Всѣ мелкіе предметы, по своей удобоподвижности, незначительному вѣсу, легкой перемѣщаемости и другимъ свойствамъ, служатъ въ умѣ дѣтей символомъ или общимъ удобопонятнымъ терминомъ для зрительныхъ представленій и для воображаемаго расположенія предметовъ въ пространствѣ. Такимъ образомъ забавляясь мелкими предметами, ребенокъ изощряетъ и практикуетъ свое зрительное мышленіе.

2. Кубы, шары, пирамиды, конусы, цилиндры игрушечныхъ размѣровъ разной величины. Они, по своей формѣ, служили ребенку для выработки зрительныхъ и пространственныхъ представленій, своей правильной формой содѣйствуя развитію эстетическаго чувства.

3. Спички различной величины, палочки и линеечки и т. п. предметы. Они употреблялись моей дочерью и употребляются у дѣтей вообще, для изображенія фигуры людей и ихъ движенія, для ознакомленія съ расположеніемъ предметовъ въ пространствѣ и т. д., а также для плоскостныхъ построекъ на полу, на столѣ (выкладываніе).

4. Различныя досточки изъ дерева (треугольныя, квадратныя, круглыя) съ вырѣзками полулунными, квадратными, треугольными и др. различной формы и величины.

5. Стеклянныя пластинки, прозрачныя и матовыя (различной прозрачности) изъ толстаго зеркальнаго стекла. Онѣ служили для изученія свѣта и различной прозрачности предметовъ.

6. Шарики изъ шерсти различныхъ цвѣтовъ, шарики изъ цвѣтного стекла служили для изученія цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ. Необходимо каждаго цвѣта имѣть по нѣсколько экземпляровъ.

7. Серія цвѣтныхъ стеколъ въ деревянной оправѣ. Они служили для зрительнаго упражненія, т. е. для ознакомленія съ цвѣтами; они примѣнялись также для развитія эстетическаго вкуса ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они годятся и для опытовъ Гёте т. е. для ознакомленія ребенка съ субъективнымъ дѣйствіемъ цвѣтовъ и ихъ вліяніемъ на настроеніе духа. Моя дѣвочка, глядѣвшая на внѣшній міръ черезъ цвѣтныя стекла, называла одни изъ нихъ хорошими стеклами, а др. нехорошими. Но такъ какъ дѣвочкой усвоена была привычка ежедневно имѣть въ рукахъ всѣ игрушки, то ей приходилось смотрѣть и въ „нехорошія" стекла, и радость ея была вящшей при переходѣ отъ нехорошихъ къ хорошимъ стекламъ. Вліяніе цвѣтовъ на настроеніе духа было при этихъ упражненіяхъ замѣчено и усвоено ребенкомъ. Этимъ путемъ не только развивался умъ ребенка, но еще больше—его чувство.

8. Цвѣтные карандаши и небольшіе отрѣзки чистой листовой бумаги для письма. Ребенку очень нравились цвѣтныя линіи на бѣлой бумагѣ (ср. выше стр. 111).

9. Шары однообразные по формѣ, но различнаго вѣса. Психологическое значеніе ихъ выяснено выше (См. стр. 113—114).

10. Значительно болѣе тяжелые предметы, чѣмъ тѣ, которые значатся подъ № 9. Сюда относится вся корзина въ цѣломъ, и также аналогичные съ нею (въ смыслѣ вѣса и величины) предметы: дѣтская мебель, телѣжка, сани, полѣно дровъ и т. п. нѣсколько громоздкіе предметы, которые требуютъ для своего передвиженія усилій. И этого рода предметы очень любимы дѣтьми. При помощи забавъ съ такими предметами, у ребенка крѣпнутъ физическія силы и наростаетъ самосознаніе—представленіе о себѣ, какъ о дѣятельной силѣ, какъ о причинѣ внѣшнихъ перемѣнъ, какъ о существѣ, отличномъ отъ всѣхъ предметовъ внѣшняго міра. Игрушки эти важны и для развитія воли ребенка (о чемъ см. ниже стр. 128) и т. д.

11. Веревочки, нитки, куски мягкой проволоки и др. Эти предметы служили для той же цѣли, что и предметы, показанные подъ № 9 и 10—для передачи движенія, для соединенія предметовъ. Разматываніе и наматываніе катушекъ очень нравилось ребенку (См. выше стр. 111—114).

12. Небольшія досточки, покрытыя толстымъ слоемъ воска. Для втыканія въ нихъ спичекъ и др. мелкихъ

предметовъ. Эта игрушка очень удобна для содѣйствія развитію пространственныхъ представленій (см. выше, стр. 111—112).

13. Книжка съ рисунками. Эти предметы въ высшей степени полезны для умственнаго развитія дѣтей.

Слѣдуетъ избѣгать обыкновенныхъ иллюстрированныхъ изданій, назначенныхъ для дѣтей старшаго возраста, гдѣ изображено чуть не все животное и растительное царство; для маленькихъ дѣтей необходимы простые рисунки отдѣльныхъ предметовъ, а затѣмъ изображеніе сценъ или событій. Изданій вполнѣ соотвѣтствующихъ этой цѣли нѣтъ.

14. Два—три зеркальца, они служатъ для той же цѣли, что и игрушки № 13.

15. Серія предметовъ для забавъ съ жидкими и сыпучими тѣлами (для забавы въ ваннѣ); сюда принадлежали —деревянные, металлическіе стаканчики, резиновые шары, стеклянные пузырьки изъ прочнаго матеріала. Эта серія игрушекъ очень любима дѣтьми и полезна для изученія физическихъ и гидростатическихъ свойствъ тѣлъ.

16. Пахучія вещества (слабо пахучія). Для этого годятся пустыя бутылочки и пузырьки изъ прочнаго стекла со слѣдами бывшихъ въ немъ ароматическихъ веществъ, также живые цвѣты. Такіе предметы годятся для упражненій, аналогичныхъ тѣмъ, которые для зрѣнія исчислены подъ № 7, т. е. для развитія чувствъ.

17. Куклы элементарнаго вида и наряда. Для этого годятся палочки, съ обозначенными черниломъ глазами и ртомъ. У моей дѣвочки разряженная кукла носила названіе „барыни“ и употреблялась только въ роли высшей особы, обыкновенно же для игры въ куклы были достаточны простыя палочки, завернутыя въ кусочки цвѣтной матеріи.

18. Досточка съ наклеенными на ней образцами различныхъ матерій: бархата, шелка, сукна, полотна, марли и шлифовочной бумаги, годная для осязательныхъ упражненій, а также и для развитія эстетическихъ чувствъ (бархатъ, шелкъ пріятны, шлифовочная бумага не нравится, заставляетъ ребенка осторожно относится къ этому предмету).

19. Музыкальные инструменты (побрякушки, бубенчики, гармоники и т. п. не особенно пригодны). Музыкальные

инструменты годятся для дѣтей двухъ—трехъ лѣтъ, но не для самыхъ маленькихъ.

20. Высокое значеніе для развитія слуховыхъ представленій и для упражненія эстетическаго чувства ребенка заключается въ пѣніи, пріятной, звучной, нѣжной рѣчи и еще болѣе въ самомъ обученіи ребенка пѣнію. Дѣти очень рано усваиваютъ мотивы и могутъ подражать имъ даже въ ту пору, когда еще не умѣютъ говорить. Упражненіе въ звукоподражаніи, въ пѣніи и передачѣ мотивовъ должно входить въ составъ обычныхъ забавъ дитяти (ср. выше стр. 109—110). Находившіеся въ корзинѣ моей дѣвочки въ числѣ игрушекъ резиновый пѣтушокъ, зайчикъ и др. объекты служили живымъ напоминаніемъ рѣчей, звуковъ и чувствъ, какія описаны въ извѣстныхъ дѣтскихъ сказкахъ, напр., въ сказкѣ о пѣтушкѣ, въ которой содержится общеизвѣстный разговоръ хитрой лисы, желавшей овладѣть пѣтушкомъ, скрытымъ въ избушкѣ. Это видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда однажды, съ цѣлью психологическаго запроса, я прочелъ тономъ сухого, дѣлового доклада разговоръ лисы съ пѣтушкомъ, то вызвалъ живѣйшій протестъ дѣвочки, утверждавшей, что пѣтушокъ вовсе не такъ говоритъ, что у него и голосъ не такой, но что няня точно такъ умѣетъ говорить, какъ пѣтушокъ. Этимъ дѣвочка хотѣла сказать, что главное дѣло не въ сухомъ текстѣ словъ и рѣчей, произносимыхъ сказочными героями, а въ тонѣ голоса и чувствахъ, которыя ими выражались—въ наивномъ довѣріи пѣтушка и хитромъ, льстивомъ голосѣ лисы. Эти именно стороны (т. е. звуки и выраженныя ими чувства) болѣе всего занимали ребенка, а не буквальный текстъ рѣчей. Видъ игрушечныхъ животныхъ наводилъ ребенка на индивидуальныя представленія о звукахъ и чувствахъ. Подобнымъ образомъ, пѣвучій разсказъ о судьбѣ козлятушекъ—ребятушекъ возбуждаетъ въ дѣтяхъ живѣйшее чувство.

21. Деревянныя досточки (изъ мягкаго дерева), молоточекъ и мелкіе гвозди для вбиванія въ досточки Это очень полезная забава. Она даетъ упражненіе въ движеніи рукъ подъ руководствомъ глазъ и мышечнаго чувства. Такое же значеніе имѣютъ:

22. Всѣ ручныя работы, вязанье, шитье и пр.

Игрушки подъ № 21, 22 соотвѣтствуютъ задачамъ, какимъ удовлетворяютъ игрушки по № 1—3, 9—10, 11—13, т. е. посред-

ствомъ ихъ ребенокъ изучаетъ расположеніе предметовъ въ пространствѣ, ихъ движеніе, а также положеніе, движеніе и силу собственнаго тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при помощи этихъ игръ ребенокъ усваиваетъ связь движеній своего тѣла съ внѣшними предметами. Говоря коротко, всѣ эти игрушки удовлетворяютъ тому физіологическому и психологическому явленію, гдѣ ребенокъ совершаетъ тысячи всевозможныхъ движеній и перемѣщеній, и которыя мы обозначаемъ словами: ребенокъ копошится, возится.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, внѣшнія условія и обстановка, относящаяся къ умственнымъ или мыслительнымъ упражненіямъ ребенка.

δ) Интеллектуальныя игры.

Отъ самобытныхъ дѣтскихъ игръ ранняго періода только одинъ шагъ къ играмъ интеллектуальнымъ. Рѣчь о нихъ тѣмъ болѣе естественна и законна, что этого рода игры чрезвычайно нравятся не только дѣтямъ, но и взрослымъ въ качествѣ интеллектуальныхъ забавъ и времяпрепровожденія. Игры эти могутъ бевконечно варьироваться, и мы здѣсь даемъ лишь основную идею этихъ игръ, какъ она осуществляется на дѣтяхъ отсталыхъ и слабоодаренныхъ [1]). Этимъ дѣтямъ, равно, впрочемъ, какъ и дѣтямъ нормальнымъ труднѣе воспринимать (узнавать) конкретное и индивидуальное, чѣмъ общее и типическое. Отсюда ясна необходимость и польза интелкектуальныхъ игръ для умственнаго развитія вообще, но въ особенности для того, чтобы при ихъ посредствѣ превращать туманныя, неустойчивыя общія представленія въ индивидуальныя и конкретныя.

Въ интеллектуальныхъ играхъ дается намекъ или психологическій сигналъ, могущій вызвать опредѣленныя воспроизведенія. Если игра толково организована, она представляетъ большой интересъ, давая толчокъ таинственной процедурѣ припоминанія и воспроизведенія цѣлой серіи предполагаемыхъ мыслей и образовъ, которые желательно вызвать въ умѣ ребенка.

Самымъ простымъ пріемомъ для вызова наиболѣе элементарныхъ ассоціацій служитъ у дѣтей, понимающихъ рѣчь, требованіе

---

[1]) Нѣкоторые факты заимствованы изъ практики „Врачебно-Педагогическаго Института“ въ Кіевѣ.

назвать словомъ показанный предметъ, показанное движеніе (воспроизведеніе, или ассоціація зрительнаго и рѣчевого образа предмета), или, наоборотъ, показать, найти, вспомнить называемый предметъ (та же ассоціація, но въ обратномъ порядкѣ). Примѣры: бросить платокъ на полъ, и сейчасъ дѣти скажутъ: „упало", а тѣ, которыя не говорятъ,—изобразятъ движеніемъ своихъ рукъ процедуру паденія, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ въ дѣтскомъ умѣ возникаетъ ассоціація, вызванная нашимъ движеніемъ, нашимъ намекомъ. Возможно, пользуясь систематически такимъ пріемомъ, вызывать у дѣтей желательныя ассоціаціи и завлечь ихъ мысль въ необходимомъ психологическомъ направленіи. Такимъ образомъ, напр., возможно заставить угадать или узнать предметъ, показавъ реально только одинъ какой либо признакъ этого предмета. Такого рода упражненія, очень необходимыя и чрезвычайно важныя для умственнаго развитія, могутъ выразиться въ слѣдующихъ частныхъ задачахъ:

1) ощупью узнать предметъ (ключъ, часы, карандашъ, ложку, стаканъ и пр.);

2) по голосу угадать, кто говоритъ;

3) по виду, не дотрогиваясь, опредѣлить длину предмета;

4) по запаху отличить (распознать) яблоко, апельсинъ или другой знакомый предметъ;

5) по вкусу опредѣлить предметъ (сладкое, соленое, кислое, горькое и пр.).

Наибольшее воспитательное значеніе имѣютъ первыя три рода упражненій. Если исходной точкой для узнаванія избирается поочередно тотъ или иной органъ чувствъ, и если въ такую очередь вводятся всѣ органы чувствъ, то у ребенка вырабатывается привычка воспроизводить образъ предмета полностью, всецѣло, со всѣми его признаками. Въ этомъ лучшая гарантія противъ односторонности умственнаго развитія, столь опасной для человѣка и столь частой у дѣтей, трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи.

Во всѣхъ приводимыхъ рядахъ требуется опредѣлить (узнать) предметъ по одному его признаку, который дается воспріятіемъ, всѣ же другіе признаки приходится воспроизвести въ умѣ (вспомнить). Такимъ образомъ, всѣ эти упражненія содѣйствуютъ самымъ положительнымъ образомъ развитію памяти и воспроизведенія и, что еще важнѣе—приводятъ къ постепенному переходу отъ расплывчатыхъ неясныхъ представленій о предметѣ къ точному

познанію его индивидуальныхъ оттѣнковъ, различій и особенностей. Психологическая польза такихъ игръ для дѣтей наглядно доказывается особымъ интересомъ, который дѣти питаютъ къ такимъ упражненіямъ. Этотъ интересъ еще болѣе возвышается, если самыя упражненія ставятся не въ отвлеченной формѣ психологической задачи, а облекаются въ образъ загадки, игры, забавы, развлеченія. Въ такомъ видѣ упражненія получаютъ всю жизненность и реальность дѣйствительности и чрезвычайно нравятся дѣтямъ, возбуждая ихъ умъ и интеллектуальное чувство.

Интеллектуальныя игры служатъ превосходной школой для предстоящаго ребенку обученія чтенію и письму. Чтеніе и письмо — это серія психологическихъ потоковъ, которые будятъ цѣлыя представленія. Это та же интеллектуальная игра въ практическомъ примѣненіи. Краткія замѣтки или программа у лектора—это также психологическіе намеки, способные вызвать обширное содержаніе доклада для лекціи. Самая процедура бѣглаго чтенія есть не что иное, какъ узнаваніе словъ по намекамъ. Это узнаваніе происходитъ со скоростью, превышающею воспріятіе отдѣльныхъ литеръ слова, потому что оно совершается путемъ воспроизведенія (узнаванія, угадыванія) а не путемъ чтенія по слогамъ.

в) Развитіе воли.

Воля дѣтей въ разбираемый періодъ отличается рѣшительной слабостью. Это прежде всего выражается въ неспособности ребенка сдерживать слезы, смѣхъ, шалости, гнѣвъ, конфузливость, злость и въ крайней трудности для дитяти (на второмъ, а иногда даже на третьемъ) году управлять пузыремъ. Послѣднее обстоятельство можетъ даже служить мѣриломъ развитія дѣтской воли: рано развивающаяся у дитяти опрятность въ туалетѣ—хорошій знакъ; наоборотъ, невозможность добиться соблюденія ея указываетъ на слабость воли. Такъ называемыя нервныя дѣти, т.-е. тѣ именно, которыя ни въ чемъ не умѣютъ себя сдерживать,—нерѣдко очень долго (до третьяго и даже четвертаго года) остаются неопрятными даже днемъ. Въ началѣ второго года у развитыхъ дѣтей, уже умѣющихъ цѣнить опрятность, катастрофа иногда совершается, не смотря на всю внимательность дитяти. Въ этомъ сказывается слабость воли.

Слабость дѣтской воли (или, по взглядамъ французскихъ авторовъ,—внушаемость) наглядно выражается также въ безропотномъ и безусловномъ подчиненіи ребенка категорически выраженной волѣ взрослыхъ. Если ребенку среди ѣды рѣшительно, но кротко и любовно сказать: дитя больше не хочетъ ѣсть, то ребенокъ немедленно кладетъ ложку и перестаетъ ѣсть (Прейеръ). При нѣкоторомъ искусствѣ взрослыхъ ихъ воля можетъ вполнѣ господствовать надъ дѣтской волей.

Успѣшное развитіе воли у ребенка обозначается ловкостью въ движеніи рукъ, отчетливой рѣчью, правильной ходьбой и развитымъ вниманіемъ. Неуклюжесть ребенка, разсѣянность и плохо развитая рѣчь указываютъ на мало развитую волю. Идіотическія дѣти неловки и неуклюжи.

Спокойствіе ребенка, самообладаніе и медленно, но въ точности совершаемыя движенія являются наилучшими знаками успѣшно зрѣющей воли дитяти. Тѣ дѣти, которыя спокойны и постоянно чѣмъ нибудь заняты, болѣе обѣщаютъ, нежели дѣти возбудимыя, измѣнчивыя, оживленныя.

Воля составляетъ, такъ сказать, послѣдній опытъ мысли и потому развивается нѣсколько позже, чѣмъ интеллигенція. Запаздываніе въ развитіи воли иногда можетъ быть болѣе или менѣе значительнымъ: такъ наз. недоразвитые характеры (Ribot) преставляютъ собою случаи запоздалаго развитія воли.

Воля ребенка, даже зачаточная и слабая, выражается массой движеній, которыя столь свойственны дѣтскому возрасту. Эта живая и подвижная дѣятельность дитяти вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою вѣрныя психологическія послѣдствія. Она поддерживаетъ то непрерывное бодрое живое напряженіе мышцъ, которое является истинной почвой для наступленія вниманія, потому что вниманіе, по самой природѣ своей, есть состояніе активное, соединенное съ бодрымъ напряженіемъ мышцъ. Такимъ образомъ вниманіе подготовляется, до нѣкоторой степени, живой мышечной дѣятельностью, свойственной дѣтямъ. Поэтому безусловно необходимо предоставлять ребенку свободу дѣйствій и всячески поощрять его бодрость и силу, чтобы давать ему поводы и случай напрягать и упражнять мышцы возможно чаще и полнѣе. Ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ слѣдствіемъ этого будетъ тонкое развитіе у дитяти кинестетическаго (мышечно-осязательнаго) чувства. Своей неусыпной живостью это

чувство станетъ непрерывно напоминать ребенку о постоянно живущей въ немъ и таящейся силѣ, о внутренней крохотной, но необъятной мощи, о свѣжести и энергіи всего организма; вмѣстѣ съ такимъ напоминаніемъ она возбуждаетъ у ребенка инстинктивную потребность искать примѣненія этой силы къ дѣйствію, превращать ее въ движеніе, реализируя переполняющее душу напряженіе. Этимъ путемъ будетъ воспитываться наклонность къ дѣятельной жизни, которая въ будущемъ можетъ стать прочной привычкой и неотразимой потребностью.

Когда достигнута указанная сейчасъ степень нервно-психическаго усовершенствованія, становится возможнымъ самый высшій успѣхъ на этомъ пути, именно — произвольное приспособленіе дыханія и кровообращенія на пользу мыслительной работы. Это приспособленіе состоитъ въ томъ, что, въ моментъ высшаго напряженія мысли, въ дыханіи и кровообращеніи происходятъ такія измѣненія, въ силу которыхъ улучшаются самые органическіе нервные процессы, необходимые для мышленія [1]). Благодаря этому, даже слабыя зачинающіяся движенія мысли находятъ себѣ матерьяльную опору и, почву и легче прорастаютъ. Такимъ образомъ устанавливается возможность произвольнаго управленія ходомъ мысли и теченіемъ чувства. Этой возможности человѣкъ достигаетъ путемъ долгихъ и систематическихъ упражненій; но и у дѣтей уже очень рано замѣчаются ясные слѣды этого высшаго органическаго процесса, который мы стараемся развить и укрѣпить при помощи воспитанія. Такъ называемая дыхательная гимнастика, какъ и нѣкоторыя другія упражненія, содѣйствуютъ и благопріятствуютъ тѣмъ перемѣнамъ въ дыханіи и кровообращеніи, которыя, въ свою очередь, вызываютъ улучшеніе умственной работы.

Соотношеніе между волей и мыслью, состоящее въ томъ, что мысль является исходной точкой, а воля полезнымъ актомъ психологической цѣпи, указываетъ на тотъ естественный путь, какимъ можетъ быть достигнуто у дѣтей упражненіе воли. Этотъ путь уже намѣчанъ Джономъ Локкомъ. Онъ совѣтуетъ вводить въ душу дитяти систему интеллектуальныхъ мотивовъ, которые. уже однимъ присутствіемъ своимъ въ душѣ, кладутъ начало волевому напря-

---

[1]) Geissler. Самонаблюденія. Die Athmung im Dienste der vorstellenden Thätigkeit. Leipzig Pfeffer, 1898.

женію. Совѣтъ Локка чрезвычайно полезенъ въ дѣлѣ педагогическаго развитія воли у дѣтей. Исходя изъ идей Локка, авторъ этихъ строкъ въ отношеніи собственныхъ дѣтей съ успѣхомъ пользовался многими пріемами воспитанія. Такъ, напримѣръ, чтобы ребенку, боящемуся темноты, помочь побѣдить въ себѣ чувство страха усиліями воли, мы давали подробную мыслительную задачу—найти въ такомъ то углу темной комнаты такой то предметъ и принести его. Чтобы, въ свою очередь, и самую мысль подчинить волѣ, мы включали въ составъ идей, внушаемыхъ дитяти, кинестетическія представленія, напримѣръ—объясняли, какъ идти въ темной комнатѣ, какъ протянуть впереди себя руки, какъ обойти такой то предметъ, стоящій на пути и т. п. Благодаря такому пріему, въ умѣ ребенка, движенія котораго до нѣкоторой степени скованы или сдержаны страхомъ, возникали ясныя мысли о маршрутѣ движенія и зарождались даже самые зачатки движенія, и этимъ путемъ психическая машина уже выводилась изъ своей неподвижности, навѣянной опасеніями. Подобнымъ образомъ дѣвочкѣ, колебавшейся пить лекарство (подъ вліяніемъ живого представленія горечи), внушалась такого рода мысль и дѣйствіе: „ты возьми ложку въ руки и только покажи, какъ бы ты подносила лекарство къ губамъ, если бы надо было пить его“. Это начало обезпечивало дальнѣйшій потокъ ассоціацій и приводило къ цѣли, т. е. облегчало задачу колебавшейся воли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе воли тормозится не чувствомъ, а какою либо мыслью, какъ въ приведенномъ примѣрѣ съ лекарствомъ—мыслью объ ожидающей горечи—ребенку слѣдуетъ внушить противодѣйствующую мысль и тѣмъ освободить волю отъ гнета первой мысли. Такъ напримѣръ, въ опытѣ съ нашей дѣвочкой, не очень охотно относившейся къ молочной кашѣ, мы на глазахъ ребенка клали, а еще чаще предоставляли самому ребенку положить въ кашу ничтожнѣйшую, микроскопическую крупицу сахару, говоря, что послѣ этого каша получитъ совершенно иной вкусъ. Представленіе о сладости сахара оказалось достаточно сильнымъ, чтобы ослабить другое представленіе о непріятности и нежелательности каши. Еще убѣдительнѣе былъ опытъ съ пріемомъ хинина. Дѣвочка была предупреждена, что хотя лекарство горькое и непріятное, какъ всѣ, вообще, лекарства, но что въ него положенъ сахаръ и, если стараться обратить вниманіе на сахаръ, то сладость будетъ чувствоваться въ лекарствѣ.

Дѣвочка выпила лѣкарство, продержавъ его минуту во рту. Когда лѣкарство было проглочено, дѣвочка только жаловалась, что сахару аптекарь мало положилъ: „еще бы только одну чуточку больше, говорила она, и ужъ оно (лѣкарство) не было бы горькимъ". Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ вниманіе дитяти было больше обращено на вкусъ сахара, нежели на вкусъ хинина, и благодаря этому, сладость была воспринята (замѣчена) не менѣе, чѣмъ горечь. Но было бы совершенно наоборотъ, если бы въ умѣ ребенка на первомъ планѣ стояла мысль о горечи.

Воля у взрослыхъ и у дѣтей проявляется въ трехъ формахъ: 1) какъ двигательное начало, 2) какъ сдерживающее начало и 3) какъ вниманіе. Въ первые года воля особенно ярко выступаетъ у дѣтей въ своей первой роли, затѣмъ, со второго года жизни, ярко сказывается воля, какъ вниманіе, и только позже, именно около 5—6 года, начинаетъ пріобрѣтать значеніе воля сдерживающая.

г) Развитіе личности ребенка.

Уже было упомянуто выше, что два или три первые года жизни ребенка представляютъ какъ бы рядъ психологическихъ этюдовъ, разрозненныхъ между собою и лишенныхъ общей печати. Сознаніе ребенка, говоритъ Гэффдингъ [1]), походитъ на рядъ лучей тамъ и сямъ всплывающихъ элементовъ, взаимное отношеніе которыхъ шатко и непрочно. Но—мало по малу—лучи сближаются, ихъ пучки становятся плотнѣе и, наконецъ, ярко загорается солнце сознанія. Личными усиліями и напряженіями ребенокъ поднимается еще выше: у него возникаетъ самосознаніе.

Долгое время дитя не сознаетъ себя, не имѣетъ о себѣ понятія и не помнитъ себя. Всѣ мы знаемъ и помнимъ себя со второго, съ третьяго, съ пятаго года нашей жизни, но ранняго дѣтства не помнимъ. Въ раннемъ дѣтствѣ незнаніе себя такъ велико, что ножка, ухо, глазъ и пр. кажутся ребенку предметами посторонними и къ его тѣлу не относяшимися (ср. выше стр. 69—70). Еще и на второмъ году жизни у дѣтей можно слышать фразу: „сапогъ заболѣлъ, сапогъ болитъ". Когда своей дѣвочкѣ, сказавшей подобную фразу, я пытался возражать, что сапогу не больно, когда я его

---

[1]) Геффдингъ. Очерки психологіи. III руск. изд. 1898 г. см. II, 5 стр. 39.

колю иголочкой, то услышалъ отвѣтъ: „теперь, когда ты его снялъ, онъ не болитъ, а какъ надѣнешь, онъ снова заболитъ". Дитя не отдѣляетъ себя отъ внѣшняго міра, говоритъ о себѣ, какъ о постороннемъ лицѣ: Петя упалъ, Петѣ больно, Петя хочетъ ѣсть, возьмите Петю на руки и т. д.

Постепенно, шагъ за шагомъ, дитя знакомится съ территоріей своего собственнаго тѣла и съ границами его соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, и тогда узнаетъ, что неровность на подошвѣ башмачка лежитъ уже за предѣлами его тѣла, и что болитъ не башмакъ, а пограничная часть тѣла, прикасающаяся къ башмаку. Съ этого момента дитя, въ своемъ пониманіи, начинаетъ разграничивать и отдѣлять весь внѣшній міръ отъ своей собственной крошечной фигуры: „все, лежащее за предѣлами тѣла, не болитъ, когда его колютъ, а тѣло болитъ; изъ этого тѣла исходятъ звуки и слова; это тѣло можетъ двигаться, бѣгать, таскать предметы" и т. д. Еще одинъ шагъ умственнаго прогресса — и дитя начинаетъ ясно сознавать, что оно само — нѣчто, совершенно отдѣльное отъ внѣшняго міра. Это открытіе ребенокъ дѣлаетъ внезапно, при какомъ-нибудь тысячномъ повтореніи того, что уже было испытано. Нѣмецкій художникъ Тишбейнъ разсказываетъ о себѣ, что онъ внезапно сознаналъ себя, какъ нѣчто, отдѣльное отъ внѣшняго міра, въ ту минуту, когда коза, къ которой онъ прислонившись стоялъ, двинулась съ мѣста и опрокинула его. Въ эту минуту крошечный философъ понялъ, что и коза, и весь внѣшній міръ составляютъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ него. Вундтъ впервые созналъ себя, упавши съ лѣстницы въ погребъ.

Съ момента наступленія самосознанія устанавливается личность. Дѣтское *я* становится теперь ядромъ сознанія, имѣетъ свое настоящее и прошедшее и живетъ счастливымъ настоящимъ, предъ которымъ незамѣтно подготовляется будущее.

Вторая половина этого періода жизни дитяти (4—6 года) посвящена росту и развитію личности и постепенному познанію самого себя и внѣшняго міра. Важнѣйшимъ вспомогательнымъ орудіемъ того и другого познанія становится теперь слово. Обмѣнъ мыслей съ другими и облеченіе своихъ собственныхъ мыслей и чувствованій въ слова постепенно углубляетъ познанія, даетъ этимъ познаніямъ плоть и кровь и дѣлаетъ раскрывающійся внутренній міръ дитяти болѣе и болѣе для него яснымъ и осязатель-

нымъ. Этотъ внутренній міръ, субъективный, незримый становится при посредствѣ словъ слышимымъ, понятнымъ, осязательнымъ, объективнымъ. Если великій художникъ слова (Тургеневъ) черпалъ такую нравственную силу въ словѣ, то что сказать о значеніи родной рѣчи для дитяти, которое находитъ въ ней первый путь, ведущій въ широкую область своей и чужой души.

Общеніе со взрослыми, жизнь съ ними составляетъ крупный источникъ умственнаго развитія дитяти въ этомъ періодѣ, когда еще не доступно примѣненіе пріемовъ искусственнаго (научнаго) развитія ума.

д) Развитіе индивидуальности ребенка.

Можно ли говорить объ индивидуальности ребенка?—Безъ сомнѣнія! Правда, индивидуальность у ребенка не такъ ясно напечатлѣна, какъ у взрослаго, или по крайней мѣрѣ она таковой кажется намъ при нашемъ маломъ знаніи дѣтской природы.

Характерная разница душевныхъ организацій, говоритъ Höffding, будетъ зависѣть отъ того, берутъ ли въ индивидуумѣ перевѣсъ умъ, или чувство, или воля. Но индивидуальныя разницы могутъ итти и далѣе. Такъ, въ области ума можетъ оказаться то перевѣсъ впечатлѣній надъ ихъ переработкой, то наоборотъ. Отдѣльныя личности не менѣе того разнятся между собою также и въ отношеніи чувства. Наконецъ, и воля принимаетъ далеко не одинаковыя формы. Въ послѣднее время сдѣланы многочисленныя попытки изученія индивидуальности не только у взрослаго, но также и у дѣтей, въ особенности у дѣтей школьнаго возраста.

Новѣйшіе психологи (Höffding) въ вопросѣ о психологической индивидуальности (l. c. VI C, 1, 2) придаютъ первостепенное значеніе наслѣдственности. Правда, съ этимъ согласна и старая психологія въ своемъ ученіи о темпераментахъ. Такая постановка вопроса открываетъ новые горизонты для воспитанія и для психологіи ребенка: очевидно, предстоитъ наблюдать и открыть психологическія особенности каждаго юнаго существа и сообразно этому вести воспитаніе, стараясь въ то же время содѣйствовать развитію тѣхъ сторонъ, которыя слабѣе намѣчены, чтобы такимъ образомъ придать гармоническую цѣльность душѣ ребенка. Въ то же время содѣйствіе къ полному развитію сильнѣйшихъ сторонъ души будетъ

обезпечивать счастливое развитіе индивидуальныхъ качествъ и дарованій.

Въ дѣлѣ содѣйствія развитію индивидуальности главную роль играетъ раннее распознаваніе природныхъ особенностей дитяти. По этому новому вопросу необходимо прежде всего собираніе фактическаго матеріала. Слѣдующій примѣръ представляетъ интересъ для индивидуальной психологіи, тѣмъ болѣе, что наблюденія были фиксированы въ записяхъ, значеніе которыхъ выяснилось лишь впослѣдствіи. Наблюденія сдѣланы авторомъ этихъ строкъ надъ собственной дочерью, у которой на девятомъ-десятомъ году обнаружились художественныя способности, о которыхъ раньше никто изъ близкихъ не догадывался.

Уже очень рано (въ теченіе четвертаго и пятаго мѣсяцевъ) дѣвочка дѣлала медленныя движенія рукой по лицу и однажды, коснувшись глаза, испугалась и расплакалась; видно было, что она совершенно не ожидала встрѣтить столь чувствительную часть тѣла, какъ глазъ и рѣсницы. Послѣ 2—3-дневной паузы дѣвочка снова стала очень медленно передвигать руку въ направленіи глазъ, но уже обошла ихъ съ осторожностью, медленно подвигаясь ощупью въ обходъ глаза. Было очевидно, что ребенокъ руководился въ этомъ случаѣ мышечно-осязательными ощущеніями. Когда дѣвочкѣ было около года, она начала самостоятельно ѣсть изъ ложки полужидкую пищу (кашу), а затѣмъ и молоко. Особенностью въ этомъ случаѣ было слѣдующее обстоятельство. Дѣвочка сразу, съ перваго же опыта, стала ѣсть аккуратно и никогда не пачкала себѣ пищей лица и губъ, какъ это нерѣдко случается съ маленькими дѣтьми. Самая ѣда сначала происходила очень медленно, вслѣдствіе того, что всѣ движенія взвѣшивались и отмѣривались. Дѣвочка внимательно провожала ложку съ пищей, которую подносила къ губамъ, а затѣмъ ловко маневрировала губами, такъ что аккуратность въ ѣдѣ и точность движеній выступала съ очевидностью. Послѣ первой пробы самостоятельной ѣды, дѣвочка уже не соглашалась, чтобы ее кормили изъ рукъ, и хотя работа при ѣдѣ была видимо трудна, но ребенокъ преодолѣвалъ эту трудность, не складывая оружія и обнаруживая ту же точность движенія. Лишь изрѣдка дѣвочка такъ уставала отъ работы, что позволяла другому кормить себя. Хотя самостоятельная ѣда была кропотлива и удовлетворяла голодъ гораздо медленнѣе, чѣмъ это могло быть достигнуто съ помощью другихъ, но ребенокъ, даже и въ случаѣ голода, предпочи-

талъ ѣсть собственными силами: было очевидно, что удовольствіе ѣды изъ собственныхъ рукъ сопровождалось нравственнымъ удовлетвореніемъ, вытекавшимъ изъ успѣха дѣла. Было также ясно, что ребенокъ преуспѣваетъ въ изученіи мышечно-осязательныхъ ощущеній, представленій и движеній. Такой выводъ находилъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что дѣвочка очень любила, чтобы въ нее бросали шариками (начало 2 года), причемъ удовольствіе ея состояло въ опредѣленіи мѣста, куда шарикъ попалъ, и она быстро указывала пальцемъ это мѣсто. Затѣмъ скоро обнаружилась и другая черта, относящаяся къ той же категоріи явленій; ребенку нравилось опредѣлять глазомѣромъ величину предметовъ и отмѣчать ее показомъ руками. Когда это было замѣчено мною, то я, воспользовавшись представившимся случаемъ, показалъ ей въ зеркалѣ себя и ее стоящими рядомъ и обратилъ вниманіе на разницу роста двухъ фигуръ. Восторгъ ребенка былъ необыкновенно великъ: видимо было, что показанная картина удовлетворяла самому настоятельному, самому жгучему умственному запросу минуты. Дѣвочка, несомнѣнно, была въ курсѣ выработки пространственныхъ представленій и пространственнаго созерцанія. И въ самомъ дѣлѣ, съ того времени она любила ставить себя рядомъ со взрослыми и сравнивать величины, также сравнивать глазомѣромъ величину своей шубки и чужихъ шубъ на вѣшалкѣ. Не остается также сомнѣнія и въ томъ, что особенная склонность къ опредѣленію топографіи осязательныхъ ощущеній (забава бросанія шариками) относилась равнымъ образомъ къ тому же разряду фактовъ—къ представленіямъ о пространствѣ. Словомъ, ребенокъ особенно любилъ изученіе формъ и пространства, и когда дѣвочка стала обучаться рѣчи, то выяснилось, что зрительные образы стоятъ впереди другихъ въ умственномъ обиходѣ дитяти: такъ, дѣвочка называла „пуговками“ горошекъ въ супѣ, а равно и манную крупу, и даже гречневая (солдатская) каша состояла по ея номенклатурѣ „изъ пуговокъ“ (круглыя, мелкія пуговки были въ числѣ ея игрушекъ и служили по своей формѣ моделью для зрительнаго представленія). Словомъ, зрительные образы, зрительныя представленія и зрительно-осязательныя, пространственныя созерцанія были ближе для ея ума, лучше и точнѣе изучались, чѣмъ другія области мысли и познанія.

Къ звуковымъ представленіямъ, къ міру звуковъ вообще, дѣвочка относилась не съ такой любовью: изъ двухъ гармоникъ, обык-

новенной—ручной и маленькой—губной, дѣвочка не пользовалась послѣднею въ своихъ забавахъ, какъ музыкальнымъ инструментомъ, а дала ей роль солдатика (деньщика).

Не лишено значенія, что наряду съ замѣтнымъ развитіемъ зрительныхъ образовъ и зрительнаго мышленія, ребенку нравились и краски, какъ показываетъ слѣдующее обстоятельство. Эта дѣвочка на второмъ году жизни имѣла шубку бѣлаго цвѣта съ голубой подкладкой и восхищалась своимъ костюмомъ, называя свою шубку не иначе, какъ „бѣлой". Напр., „я одѣну бѣлую шубку и пойду гулять", выражалась она всегда. Слово „бѣлая" казалось лишнимъ, такъ какъ костюмъ былъ единственнымъ. Чтобъ попытать психологически мысль ребенка, я, еще совершенно не понимая въ ту пору значенія этихъ фактовъ, употребилъ однажды такой пріемъ: указавъ шубку, я твердо и объективно сказалъ, обращаясь къ ребенку: „эта шубка мнѣ очень нравится, она теплая, она мягкая". Своими словами я желалъ, не отрицая оптическихъ свойствъ шубки, лишь обратить вниманіе дитяти на другія качества, которыя такъ же были хорошо извѣстны и цѣнимы ребенкомъ. Но въ отвѣтъ на мои слова, дѣвочка сказала; „нѣтъ, она бѣлая", т. е. своимъ отвѣтомъ ребенокъ видимо желалъ сказать, что совсѣмъ не главное дѣло, что шуба грѣетъ или что она мягка, а главное, молъ, что она бѣлая. Очевидно, что ребенокъ въ своемъ мыслительномъ обиходѣ пользовался зрительными образами по-преимуществу, и эти образы были самыми яркими и выдающимися въ умѣ дитяти и служили для обозначенія и характеристики предмета лучше, чѣмъ всякіе другіе образы. Принимая во вниманіе всѣ описанныя проявленія умственнаго развитія дѣвочки, можно было бы, пользуясь дѣленіемъ проф. Шарко, отнести дѣвочку къ зрительному (visuelle) типу и отчасти къ осязательно-двигательному, согласно преобладанію зрительныхъ и осязательныхъ образовъ въ процессѣ ея мысли.

Съ 5—6 лѣтъ дѣвочка стала шутя рисовать, и это ей удавалось, а съ 8—10 лѣтъ у нея замѣчена способность къ рисованію, которая впослѣдствіи значительно развилась. Въ свое время вся описанная цѣпь будущаго умственнаго развитія ребенка не была понятна, но теченіе событій выяснило значеніе многихъ, казавшихся мелкими, фактовъ и событій, которые въ своей совокупности представляютъ картину преобладающаго развитія міра красокъ, формъ и

пространственныхъ представленій, которыя лежали въ основѣ оказавшейся впослѣдствіи способности къ художественнымъ занятіямъ.

Нѣкоторыя другія, правда, немногочисленныя наблюденія, сдѣланныя авторомъ этихъ строкъ, позволяютъ вывести заключеніе, что уже въ возрастѣ перваго дѣтства (въ возрастѣ 3—6 лѣтъ) возможно безспорное распознаваніе нѣкоторыхъ будущихъ особенностей дитяти.

Существенный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ работы Zichen'a Meumann'a и др. (Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete des pädagogischen Psychologie, а также другія уже многочисленныя работы въ Германіи, Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи).

Большой интересъ представляютъ также изслѣдованія A. Binet на дѣтяхъ школьнаго возраста. Онѣ состоятъ въ томъ, что дѣтямъ молча показана была картина, а затѣмъ дѣти должны были по ея поводу дать въ письменномъ отвѣтѣ свои впечатлѣнія. На основаніи психологическаго анализа такихъ письменныхъ отвѣтовъ Binet установилъ 4 психологическихъ типа индивидуальности:

1) Типъ описательный,
2) Типъ наблюдательный,
3) Типъ эмоціональный,
4) Типъ формальный.

Типъ первый характеризуется способностью останавливаться объективно на внѣшней сторонѣ предмета, не углубляясь въ его внутреннія свойства, смыслъ и значеніе. Типъ второй характеризуется наклонностью и способностью вникать въ смыслъ и значеніе наблюдаемыхъ явленій и углубляться въ сущность дѣла. Третій типъ отличается субъективностью, лиризмомъ, способностью рядомъ съ умственной работой испытывать связанное съ нею и возбуждаемое ею эмоціональное состояніе. Четвертый типъ состоитъ изъ субъектовъ, увлекающихся фразой, у которыхъ мысли вытекаютъ не столько изъ объективнаго наблюденія или субъективнаго состоянія, сколько навѣваются словесными ассоціаціями и игрой словъ.

Опредѣливши принадлежность воспитанника къ одному изъ указанныхъ или иныхъ индивидуальныхъ типовъ, возможно развитіемъ и упражненіемъ дополнить и усилить недостающія или слабыя черты, чтобы придать возможную цѣльность и полноту умственному и душевному складу.

Изслѣдованіе индивидуальности вступило въ послѣднее время на путь экспериментальный и выразилось съ особенной интенсивностью именно по отношенію къ умственному складу личности. Многочисленныя изслѣдованія этого рода произведены также и на дѣтяхъ школьнаго возраста. Эти изслѣдованія представляютъ собою какъ бы родъ внезапныхъ ревизій, касающихся умственной наличности субъекта, или обычнаго свойственнаго субъекту духовнаго богатства. Пріемъ, посредствомъ котораго достигается эта цѣль, состоитъ всего чаще въ предъявленіи экспериментаторомъ какого либо изустнаго или письменнаго слова, которое называется „пытливымъ словомъ“ — „Reizwort“ нѣмецкихъ авторовъ, и на которое экспериментируемый субъектъ долженъ быстро отвѣтить первымъ пришедшимъ ему на умъ словомъ, напр.:

Пытливыя слова:	Отвѣты:
Горе	Слёзы.
Кошка	Мышка.
Солнце	Мѣсяцъ и звѣзды.
Солнце	Свѣтитъ, да не грѣетъ!
Любовь	Счастье.
Танцы	Музыка, балъ.
Танцы	Боже, сохрани!

Изъ отвѣтовъ на пытливыя слова можно судить о томъ, насколько прочно связаны между собою отдѣльныя представленія, и въ какомъ направленіи установились ассоціативныя связи. Слѣд. примѣръ показываетъ сущность дѣла, напр., у одного лица слово „солнце“ вызываетъ отвѣтъ: „мѣсяцъ и звѣзды“, у другого оно вызываетъ фразу: „свѣтитъ да не грѣетъ“.

Изученіе ассоціацій получило широкое распространеніе въ качествѣ психологическаго пріема изслѣдованія индивидуальности. Оно вполнѣ примѣнимо и къ дѣтямъ даже самаго ранняго возраста, какъ показываетъ примѣръ, приведенный выше (стр. 134—137).

е) Неправильности въ ходѣ индивидуальнаго развитія.

Уклоненія въ ходѣ индивидуальнаго развитія представляются далеко не рѣдкими; во всякомъ случаѣ, они наблюдаются у

дѣтей чаще, чѣмъ у взрослыхъ. Наиболѣе важны изъ нихъ слѣдующія:

α) Неравномѣрное развитіе чувства ума и воли. Наиболѣе частый случай—это слабость воли и относительно слабое развитіе интеллигенціи (запаздываніе развитія рѣчи). При такомъ положеніи дѣла у дѣтей замѣчается раздражительность, капризность, наклонность къ слезамъ и непостоянство. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ развитіе самаго чувства идетъ ненормально, выдвигая на первый планъ такія чувства, которыя способны задерживать ростъ умственныхъ силъ. Послѣднія для своего развитія нуждаются во всякомъ случаѣ въ относительномъ спокойствіи духа и въ нѣкоторомъ самообладаніи даже у дитяти. Состоянію этому обыкновенно сопутствуетъ дурной сонъ.

β) Преобладаніе воспріятій надъ мышленіемъ представляется явленіемъ естественнымъ въ дѣтскомъ возрастѣ; однако же, по временамъ оно достигаетъ такихъ размѣровъ, что должно быть признано за отклоненіе отъ нормы. Въ своихъ крайнихъ формахъ это явленіе наблюдается нерѣдко у идіотовъ, а также у слабо одаренныхъ или отсталыхъ дѣтей. Такія дѣти крайне непосѣдливы, неспособны къ играмъ и забавамъ, быстро переходятъ отъ одного предмета къ другому, поверхностно схватываютъ впечатленія и повидимому очень мало способны къ размышленію, такъ какъ постоянно ищутъ новыхъ впечатлѣній и заполняютъ свою мысль только воспріятіями. Въ качествѣ аномаліи въ ходѣ психическаго развитія описываемая особенность можетъ окрѣпнуть у ребенка, дѣлая его надолго маловнимательнымъ, разсѣяннымъ и раздражительнымъ.

γ) Избалованность ребенка, какъ плодъ антипедагогическаго отношенія къ нему.

δ) Психическій обликъ нормально развивающагося дитяти. Всѣ ошибки воспитанія и всѣ, вообще, ненормальности развитія ребенка сказываются съ особой силою въ первые годы жизни дитяти; въ возрастѣ же второго дѣтства (7—14 лѣтъ), въ особенности къ концу этого періода, т. е. на границѣ юности выступаютъ тѣ ненормальности характера, которыя связаны съ болѣзненной наслѣдственностью нервнаго характера (нервно-психическая наслѣдственность). Для отличія нормальныхъ явленій отъ ненормальныхъ полезно держаться нѣкоторыхъ основныхъ призна-

ковъ, наличность которыхъ указываетъ на здоровый ходъ психическаго развитія дитяти. Признаки эти слѣдующіе:

αα) Веселость и жизнерадостность ребенка, спокойный и достаточный сонъ и аппетитъ, нечастыя и непродолжительныя слезы.

ββ) Увлеченіе ребенка игрой и забавою.

γγ) Ежедневные замѣтные умственные успѣхи (новыя слова въ рѣчи, новые предметы забавъ и новые объекты вниманія).

δδ) Живая подвижность ребенка, вытекающая изъ интеллектуальныхъ требованій.

εε) Рано сказывающаяся самостоятельность ребенка въ играхъ, забавахъ и времяпрепровожденіи.

II. Душа въ возрастѣ второго дѣтства.

(Отъ 7—14 лѣтъ).

1. Старшее дѣтство (съ 7—12 лѣтъ).

Увеличеніе и ростъ головы ребенка совершается въ два срока или періода. Въ первомъ періодѣ—отъ рожденія до семилѣтняго возраста голова растетъ быстро; начиная же съ седьмого года жизни до наступленія юности голова почти вовсе не растетъ (Меркель). Такимъ образомъ можно сказать, что къ наступленію второго дѣтства, т.-е. къ началу седьмого года развитіе мозга можно считать законченнымъ. Слѣдовательно, вступая въ возрастъ второго дѣтства, или отрочества, ребенокъ обладаетъ уже вполнѣ развитымъ мозгомъ, и ему предстоитъ задача упражнять этотъ органъ соотвѣтственной работой и дѣятельностью.

Вступая въ отроческій возрастъ, юное человѣческое существо обладаетъ всѣми основными душевными способностями: чувствами, вниманіемъ, способностью произвольнаго вниманія, различными видами воли и памятью. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ способностей развиты слабѣе, нѣкоторыя сильнѣе; но все, вообще, въ извѣстныхъ размѣрахъ, доступно ребенку. Съ психологической точки зрѣнія ребенокъ этого возраста можетъ быть приравниваемъ къ взрослому человѣку въ качественномъ отношеніи, но въ количественномъ—существуетъ, безъ сомнѣнія, немаловажная разница. От-

носительная психическая зрѣлость въ возрастѣ второго дѣтства объясняетъ практику всѣхъ культурныхъ народовъ (во всѣ времена) начинать съ этого возраста систематическое обученіе и подвергать дѣтей, въ извѣстныхъ случаяхъ, нравственной отвѣтственности.

Наилучше развитой стороной душевной жизни въ этомъ возрастѣ является чувство; умъ и воля значительно уступаютъ. Психическое развитіе касается, главнымъ образомъ, двухъ послѣднихъ поименнованныхъ сторонъ души. Хотя дѣти въ эту пору обладаютъ уже отличной памятью, но она оказывается таковой только для непроизвольныхъ воспріятій и ассоціацій. Что же касается произвольнаго вниманія, то оно, вообще, еще значительно слабо. Отроку предстоятъ продолжительныя упражненія для пріобрѣтенія надлежащей остроты и силы произвольной памяти (т. е. ассоціацій и репродукцій). Въ виду этого систематическая умственная работа еще затруднительна, но для болѣе простыхъ предметовъ какъ память, такъ и произвольное вниманіе достаточно развиты.

Сложный механизмъ воспріятія, сохраненія и воспроизведенія впечатлѣній у человѣка требуетъ точности, системы и порядка, и только при этомъ условіи возможно незыблемое храненіе впечатлѣній и болѣе или менѣе точное воспроизведеніе ихъ. Память не безъ основанія сравниваютъ съ обширной библіотекой, въ которой легко можно найти требуемую книгу только при условіи систематическаго распредѣленія книгъ и строгаго порядка ихъ, въ противномъ же случаѣ разысканіе книги почти невозможно.

На порядкѣ воспріятія впечатлѣній и способѣ сохраненія ихъ основано раздѣленіе памяти на три вида (Latham).

1) Память предметная или механическая, особенно свойственная дѣтскому возрасту, состоитъ въ непосредственномъ и ближайшемъ запоминаніи впечатлѣній въ томъ видѣ, какъ они восприняты. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ такого рода памяти служитъ простое заучиваніе наизусть, не соединенное съ размышленіемъ и обсужденіемъ предмета (методъ Эббингауза). Заучиваютъ или такимъ образомъ, что обращаютъ преимущественное вниманіе на звуки, если заучиваніе происходитъ путемъ повторнаго чтенія вслухъ извѣстнаго отрывка; или заучиваютъ иначе, именно—стараются закрѣпить въ памяти страницу и мѣсто на ней, гдѣ находится запоминаемое; или, наконецъ, путемъ продолжительнаго беззвучнаго произнесенія заучиваютъ послѣдовательность произносимыхъ словъ, какъ ряда движеній.

Въ первомъ случаѣ пользуются, главнымъ образомъ, звуковой памятью, во второмъ—зрительной и въ третьемъ—мышечно-осязательной. Этого рода заучиваніе соотвѣтствуетъ памяти животныхъ, и воспроизведеніе заученнаго при помощи подобной памяти возможно при воспоминаніи какой-либо части его, или какого-либо члена цѣлаго ряда. Воспоминаніе одной части служитъ сигналомъ, который вызываетъ повтореніе всей работы, напр., подсказываніе или припоминаніе начала фразы облегчаетъ дальнѣйшія воспоминанія. Но зато иная постановка вопроса можетъ затруднить или сдѣлать невозможнымъ припоминаніе. Такого рода память составляетъ низшую форму, мало обезпечивающую успѣхъ. Дѣти и люди посредственныхъ дарованій пользуются однако же болѣе всего этимъ видомъ памяти и обыкновенно скоро усваиваютъ заучиваемое или запоминаемое; но при этомъ какъ храненіе впечатлѣній, заученныхъ такимъ образомъ, такъ и ихъ воспроизведеніе бываетъ непрочнымъ и необезпеченнымъ. Ученикъ, подготовляющійся къ экзаменамъ при помощи подобной памяти, обыкновенно скоро и вполнѣ забываетъ то, что онъ заучилъ и за что получилъ удовлетворительныя отмѣтки на экзаменѣ. Англійскіе психологи признаютъ справедливымъ ставить неудовлетворительную или, по крайней мѣрѣ, низшую отмѣтку даже и за порядочный отвѣтъ, если только онъ основанъ на пользованіи этого рода памятью.

2) Память аналитическая, или память съ выборомъ, представляетъ собою сортировку или подборъ извѣстныхъ фактовъ съ точки зрѣнія какой нибудь идеи. Она развивается у дѣтей около 6—7 года. Такого рода памятью пользуются, напр., обвинитель и защитникъ на судѣ. Первый старается удержать въ памяти факты, относящіеся къ обвиненію, второй—то, что относится къ оправданію. Хотя память такого рода отличается односторонностью, но по своему значенію она стоитъ выше памяти предметной и въ большей степени, чѣмъ эта послѣдняя, обезпечиваетъ возможность сохраненія или воспроизведенія запоминаемаго.

3) Память ассимилирующая, или ассоціативная. Этого рода память состоитъ въ воспріятіи или въ запоминаніи, соединенномъ съ размышленіемъ. При посредствѣ этой памяти человѣкъ старается привести получаемыя впечатлѣнія въ связь со всѣми предшествовавшими впечатлѣніями. Такая связь не только обезпечиваетъ прочную работу памяти, но и облегчаетъ въ чрезвычайной степени воспоминаніе впечатлѣній при самыхъ различныхъ условіяхъ

и поводахъ. Работа при посредствѣ ассимилирующей памяти происходитъ медленнѣе, нежели при другихъ видахъ памяти, но зато она въ чрезвычайной степени повышаетъ умственные успѣхи и даетъ возможность во всякую минуту безпрепятственно пользоваться всѣмъ опытомъ и всѣми плодами предшествующаго умственнаго развитія. Это есть зрѣлая память развитаго ума, недоступная раннему дѣтскому возрасту. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ по своему умственному развитію, тѣмъ болѣе онъ прибѣгаетъ къ этому виду памяти. Талантливые люди пользуются этого рода памятью почти всѣ безъ исключенія; обыкновенные же люди пользуются не только этимъ усовершенствованнымъ видомъ памяти, но и другими простѣйшими формами ея, къ ущербу, конечно, для истинныхъ успѣховъ личнаго развитія, въ особенности для успѣховъ познанія. Отъ людей этой категоріи сплошь и рядомъ приходится слышать, что имъ извѣстная мысль или фактъ просто не пришли въ голову, т. е., у нихъ не возникло воспоминаніе о такихъ предметахъ, которые должны были бы непремѣнно всплыть на поверхность сознанія, если бы только въ это время у нихъ дѣйствовала ассоціативная память. Такіе субъекты бываютъ умны заднимъ числомъ, но остаются неопытными и растерянными въ минуту необходимости.

Экспериментальныя изслѣдованія по вопросу о памяти ассоціативной дали рядъ неожиданныхъ и въ высшей степени интересныхъ фактовъ. Такъ, изъ наблюденій A. Binet и V. Henri оказалось, что словесная память фразъ весьма неодинакова въ томъ случаѣ, когда слова соединены въ фразу, или же когда они заучены въ разбивку. Въ первомъ случаѣ память въ 25 разъ сильнѣе. Это наблюденіе показываетъ, какое важное значеніе въ дѣлѣ запоминанія имѣетъ ассоціація. Свойства и значеніе ассоціативной памяти выступаютъ съ особенной очевидностью въ наблюденіяхъ надъ дѣтьми. Дѣтямъ, вообще, этотъ видъ памяти менѣе свойственъ, нежели взрослымъ, и опытъ умственнаго развитія дѣтей указываетъ на особенную важность для нихъ ассоціативныхъ упражненій. Они должны составлять существенную часть нагляднаго обученія. Въ наглядномъ обученіи стараются соединить словесное объясненіи съ показомъ, т. е., даютъ дѣтскому уму звуковыя и зрительныя впечатлѣнія соединенными вмѣстѣ, т. е. ассоціированными.

Весьма интересны новѣйшія данныя, выясняющія прочность ассоціацій въ зависимости отъ распредѣленія работы заучиванія.

Д-ръ Адольфъ Іостъ произвелъ въ физіологическомъ институтѣ въ Гетингенѣ рядъ крайне интересныхъ наблюденій слѣдующаго рода. По методу Эббингауза онъ заучивалъ искусственно составленные ряды слоговъ и наблюдалъ, какое вліяніе на прочное заучиваніе ихъ имѣетъ распредѣленіе работы по времени. Оказалось, что послѣ 68 повтореній, проиэведенныхъ кряду, заучиваемые слоги запоминаются не такъ прочно, какъ послѣ 38 повтореній, произведенныхъ въ теченіе трехъ дней. Оказывается, такимъ образомъ, что заучиваніе, распредѣленное на срокъ трехъ дней, даетъ тотъ же полезный результатъ, т. е., ту же степень запоминанія при затратѣ только половины труда. Слѣдовательно, распредѣленіе работы на нѣсколько сроковъ даетъ чистую экономію труда въ сравненіи съ работой за одинъ присѣстъ. Весьма вѣроятно, что эта разница зависитъ отъ біологическихъ основаній. Авторъ приходитъ къ справедливому заключенію, что наблюденія, подобныя тѣмъ, которыя онъ дѣлаетъ, могутъ послужить основаніемъ научной мнемотехники.

По вопросу объ умственной работѣ самыми замѣчательными представляются изслѣдованія проф Крепелина (Kraepelin) и его учениковъ [1]). Изслѣдованія эти даютъ существенныя разъясненія и по отношенію къ дѣтямъ разбираемаго сейчасъ періода (отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ).

Изъ этихъ ислѣдованій, произведенныхъ по пріемамъ экспериментальной психологіи, выяснено, что въ умственномъ трудѣ необходимо различать слѣдующія стороны или фазы, а именно:

1) Упражненіе—Uebung—(Kraepelin).
2) Увлеченіе работой—Anregung—(Amberg).
3) Усиленіе работы—Antrieb—(River).
4) Привычка, навыкъ—Gewöhnung—(Kraepelin).
5) Утомленіе—Ermüdung—(Kraepelin).
6) Отдыхъ—Erholung—(Kraepelin).

Въ первомъ изъ этихъ состояній умственная работоспособность (Arbeitsleistung) постепенно повышается, такъ что количество работы, въ каждый слѣдующій промежутокъ времени наростаетъ. Такъ дѣло продолжается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; затѣмъ работоспособность понижается, что и выражаетъ собою начало наступающаго утомленія, чувствуемаго субъективно. Замедленіе работы проис-

---

[1]) Wundt's. Philosoph. Studien. Bd. XIX.

ходитъ сначала постепенно и затѣмъ быстро. Существеннѣйшимъ признакомъ значительнаго утомленія является не только замедленіе умственной работы, но и глубокое измѣненіе самыхъ свойствъ ея и качества ассоціацій.

Разъ достигнутое состояніе умственной работоспособности держится въ полной силѣ. При правильной, не утомительной работѣ оно продолжаетъ оставаться неопредѣленно долгое время въ качествѣ благопріобрѣтеннаго умственнаго дара (навыкъ); прекращеніе же работы уничтожаетъ этотъ даръ, и для возвращенія его недостаточно одного отдыха, но необходимы новыя усилія и новыя упражненія.

Высшая форма умственной работы называется состояніемъ возбужденія или увлеченія (Anregung-Amberg); это состояніе наступаетъ, какъ плодъ правильной, непрерывной, не утомительной умственной работы изо дня въ день. Состояніе увлеченія не является, подобно состоянію упражненія, длительнымъ умственнымъ даромъ, но исчезаетъ послѣ 50—70 часового перерыва умственной работы и должно быть вновь пріобрѣтаемо; болѣе же краткіе перерывы не нарушаютъ достигнутыхъ успѣховъ,

Усиленіе работы (Antrieb-River)—это быстрый и неожиданный подъемъ работы, зависящій исключительно отъ соотвѣтственнаго напряженія воли, которая вдругъ и сразу можетъ на короткое время, но въ значительныхъ размѣрахъ, поднять напряженность работы—наперекоръ, такъ сказать, всѣмъ физіологическимъ условіямъ.

Воля въ разбираемомъ возрастѣ еще относительно слаба, и оттого настойчивости въ трудѣ не можетъ быть, и умственное утомленіе наступаетъ легко, въ особенности при работѣ монотонной и при занятіяхъ, лишенныхъ наглядности. Слабость воли въ этомъ періодѣ выражается, между прочимъ, въ томъ, что душевныя волненія, напр., робость, конфузливость, смѣхъ и слезы не всегда могутъ быть сдерживаемы и подавляемы.

Основныя черты личности настолько выражены, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно опредѣлить характеръ.

Въ общемъ результатѣ, психическое состояніе въ этомъ возрастѣ таково, что самостоятельность и независимость дѣйствій невозможна, и дѣти этого возраста произвольно и непроизвольно подчиняются другимъ.

Въ большинствѣ случаевъ, подъ конецъ описываемаго періода, психическое состояніе измѣняется столь существенно, что въ этихъ случаяхъ надлежитъ допустить существованіе переходнаго періода или промежуточнаго.

2. Промежуточный возрастъ. (Отъ 12—15 лѣтъ).

Періодъ этотъ соотвѣтствуетъ самымъ послѣднимъ годамъ отрочества и стоитъ на пограничной чертѣ юности.

Въ переходномъ возрастѣ происходятъ физическія и нравственныя перемѣны, предвѣщающія юность. Физическія измѣненія состоятъ въ усиленіи роста тѣла и появленія первыхъ проблесковъ возмужалости. Эти перемѣны оказываютъ существенное вліяніе на нравственный строй и сообщаютъ ему особый,типичный отпечатокъ. Психологическія особенности переходного возраста состоятъ въ слѣдующемъ.

Въ ходѣ развитія чувствъ начинаетъ замѣчаться временный застой и колебанія, вызываемыя спеціальнымъ физическимъ развитіемъ.

Умственныя способности продолжаютъ развиваться безостановочно; однако же, благодаря колебаніямъ чувства, умственная работа совершается менѣе успѣшно, что особенно замѣтно въ школахъ. Умъ въ эту пору еще не обладаетъ способностью къ сравненіямъ и обобщеніямъ, къ оцѣнкѣ и критикѣ; онъ гораздо болѣе склоненъ къ подробной частной работѣ и къ отдѣльнымъ, дробнымъ умственнымъ этюдамъ.

Воля, въ противоположность другимъ сторонамъ душевнаго склада, начинаетъ рѣшительно, безостановочно и успѣшно наростать. Однако же, такое наростаніе воли еще не создаетъ характера, такъ какъ характеръ обусловленъ совмѣстнымъ развитіемъ чувства и воли. И въ самомъ дѣлѣ, въ переходномъ возрастѣ мы замѣчаемъ неустойчивость характера въ зависимости отъ колебаній чувства и отъ недостаточнаго развитія способности къ критикѣ, оцѣнкѣ и обобщеніямъ. Такія свойства и особенности психологическаго склада вызываютъ ту типическую односторонность душевной жизни, какой не замѣчается ни въ предыдущихъ, ни въ послѣдующихъ возрастахъ. Односторонность проявляется въ нелѣ-

помъ ребяческомъ героизмѣ, въ наклонности къ сказочнымъ подвигамъ, въ родѣ, напр., предпринимаемыхъ побѣговъ изъ дому, проэктовъ путешествій въ отдаленныя страны, легендарныхъ замысловъ, въ которыхъ великое и смѣшное, зрѣлое и дѣтское сплетены между собою неразрывно. Объ этихъ типическихъ проявленіяхъ промежуточнаго возраста приходится, время отъ времени, читать въ газетахъ. Для поясненія приводимъ слѣдующіе примѣры.

Первый примѣръ:

Въ Тирасполѣ главной темой для разговоровъ, какъ сообщаютъ „Нов. Дня", служитъ внезапное бѣгство въ Южную Африку на театръ военныхъ дѣйствій къ бурамъ трехъ учениковъ 4-го класса мѣстнаго городского училища.

Юные герои: Ц., С. и Б., зорко слѣдя въ послѣднее время, по газетнымъ сообщеніямъ, за дѣйствіями воюющихъ сторонъ возгорѣли ненавистью къ англичанамъ. Наконецъ, воинственныя наклонности юныхъ героевъ достигли крайнихъ предѣловъ, и вотъ, 2-го февраля они отправились изъ Тирасполя прямо въ Трансвааль. Родители юныхъ героевъ очень опечалены бѣгствомъ сыновей и приняли всѣ мѣры для розыска ярыхъ бурофиловъ.

Такіе же герои бѣжали уже, какъ сообщалось, изъ Курска, Кишинева, Москвы и др. городовъ. Такова впечатлительность отзывчивой дѣтской души, замѣчаетъ газета (Россія, № 290. 1900 г.).

Второй примѣръ:

На дняхъ въ Варшаву, по словамъ „Варш. Дн." прибѣжали (въ буквальномъ смыслѣ) два оригинальныхъ туриста—швейцарскіе мальчики Августъ Шмидли и Іосифъ Циглеръ. Мальчики нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ бѣжали потихоньку изъ родительскаго дома и безъ гроша въ карманѣ, въ легкихъ пальто, пошли въ Россію. Послѣ долгаго странствованія по Австріи и Пруссіи они добрались, наконецъ, до Млавы, откуда по желѣзнодорожному пути дошли до Варшавы въ самомъ жалкомъ видѣ: голодные, полунагіе съ отмороженными руками и ушами. Туристы направились въ первую попавшуюся гостиницу, но оказалось къ ихъ изумленію, что тамъ за все надо платить. Только благодаря этому, слухъ о своеобразныхъ туристахъ дошелъ до предсѣдателя швейцарскаго благотворитель-

наго общества въ Варшавѣ, который мальчиковъ отправилъ въ больницу, а родителей ихъ извѣстилъ о мѣстопребываніи бѣжавшихъ. По выздоровленіи легкомысленные туристы будутъ отправлены на счетъ общества домой. (Кіевлянинъ № 36-й 5/II 1901 г.).

III. Юность.

Юность начинается около 15 года жизни, переходитъ, въ возрастѣ отъ 18—20 лѣтъ, въ зрѣлую юность и затѣмъ, незамѣтно— въ зрѣлый возрастъ.

Юность души совпадаетъ съ весьма существенными процессами физическаго развитія, такъ что оба цикла явленій находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи и связи, по крайней мѣрѣ по времени.

Юность характеризуется возбужденіемъ всѣхъ силъ души — чувства, ума и воли. Это возбужденіе носитъ характеръ глубокаго органическаго процесса, никогда болѣе не повторяющагося въ жизни. Въ этомъ кроется важное психологическое и педагогическое значеніе юношескаго возраста.

Съ наступленіемъ юности, чувства получаютъ печать необыкновенной глубины, искренности и идеальной чистоты.

Воля въ юности быстро наростаетъ и сообщаетъ всему душевному строю характеръ рѣшительности, смѣлости и независимости духа.

Но наибольшія перемѣны происходятъ въ умственномъ строѣ. Основную черту умственнаго развитія юноши составляетъ глубокое стремленіе освѣтить и объединить всю душу, связать въ одно цѣлое всѣ впечатлѣнія, хранящіяся въ памяти, и установить единое цѣльное міросозерцаніе, примиривъ всѣ противорѣчія, разрѣшивъ для себя всѣ проблемы. Въ этомъ періодѣ рѣшается вопросъ о призваніи, начерчивается планъ всей дальнѣйшей жизни. У молодыхъ дѣвицъ тактъ и нравственная чуткость достигаютъ въ эту пору истинной художественной высоты, придавая всему существу отпечатокъ возвышенныхъ неземныхъ свойствъ.

Описанныя измѣненія, совершающіяся въ зрѣющей человѣческой душѣ, носятъ на себѣ типическую печать идейнаго процесса съ широкими планами и смѣлымъ полетомъ мысли.

Чѣмъ правильнѣе идетъ психическая эволюція юности, тѣмъ болѣе въ юношѣ замѣчается сдержанности и тѣмъ отчетливѣе обозначается отсутствіе стремленія къ дѣйствію: великія дѣла, героическіе подвиги, борьба со зломъ, служеніе обществу, — всѣ эти великодушные порывы переживаются въ формѣ умственныхъ процессовъ. Жизнь еще не требуетъ отъ юности дѣлъ, предоставляя ей развиваться и зрѣть, вдумываться въ свое призваніе, расширять свои горизонты, организовать свою душу, создавать программы жизни. Истинная юность посвящена, главнымъ образомъ, этому: она вся въ будущемъ, она живетъ надеждами. Дѣйствуетъ старшее поколѣніе, пока на помощь и на смѣну ему не приходитъ зрѣлая юность.

Подобно любви, которая обладаетъ силой преобразовывать человѣка и вносить въ душу глубочайшій залогъ нравственнаго долга,—и всѣ процессы, совершающіеся въ юной душѣ, оставляютъ въ ней неизгладимый слѣдъ, пребывающій живымъ и жизненнымъ началомъ въ теченіе всей дальнѣйшей жизни человѣка. Оттого юность дорога намъ, какъ періодъ великаго преобразованія души, въ которомъ все возвышенное, сильное, доброе, чистое вступаетъ въ обладаніе душой и соединяется съ нею органически.

Чтобы этотъ органическій процессъ юности совершился правильно, необходимы, со стороны юнаго существа, непрерывныя усилія и напряженія, чтобы идти въ уровень съ раскрывающимися запросами души. Необходима величайшая нравственная бдительность, чтобы исполнить долгъ юности, который не менѣе, если не болѣе, важенъ, чѣмъ долгъ послѣдующихъ возрастовъ. Не должна быть пропущена ни одна минута. Притча о десяти дѣвахъ полна глубочайшаго жизненнаго смысла въ примѣненіи къ юности. Юность коротка, она проходитъ быстро, ея нельзя возвратить!

Опасности, которыя могутъ грозить юности, состоятъ: въ возможности недоразвитія, въ нравственной узости и въ нравственномъ старчествѣ.

Умственная недоразвитость типически сказывается наклонностью къ поступкамъ и дѣйствіямъ, характеризующимъ предшествующій возрастъ, т. е. стремленіемъ къ фантастическому, къ чудовищнымъ планамъ, къ болѣзненному, нездравому героизму и т. д.

Опасность нравственнаго старчества зависитъ отъ недостаточнаго упражненія нравственныхъ силъ въ юные годы. Основной фактъ, характеризующій умственное старчество, состоитъ въ преждевременной утратѣ идеальной пытливости, въ нравственномъ охлажденіи, въ подчиненіи рутинѣ и грубому практицизму среды, въ общемъ нравственномъ пониженіи съ отказомъ отъ идеаловъ жизни. Отъ подобной умственной опасности вполнѣ застрахованы всѣ талантливые люди и всѣ вообще люди, которые не перестаютъ умственно работать, не засыпаютъ нравственно, не гасятъ, подобно юродивой дѣвѣ, своего свѣтильника. Но тѣ, кто въ юности мало упражнялъ свои умственныя способности, могутъ легко впасть въ преждевременную умственную старость, притомъ не только послѣ сорокалѣтняго возраста, но и гораздо раньше. Иногда это печальное явленіе наступаетъ уже вслѣдъ за окончаніемъ юности, т.-е. послѣ двадцатыхъ годовъ.

Многими компетентными наблюдателями засвидѣтельствованъ фактъ ранняго и необыкновенно частаго появленія умственнаго старчества въ наше время.

Въ основѣ указанныхъ сейчасъ отклоненій въ нравственной эволюціи юной души лежатъ то физическія причины (болѣзни, физическое истощеніе, утомленіе), то нравственныя причины. Въ ряду послѣднихъ важнѣйшее мѣсто принадлежитъ пониженію общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ въ старшемъ поколѣніи (А. Ѳ. Кони) и зависящему отъ того упадку воспитательнаго воздѣйствія старшихъ на младшихъ. Значеніе этого условія раскрыто Лермонтовымъ въ его глубокомысленномъ художественномъ „монологѣ“, который заканчивается словами:

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Умственное старчество есть самая опасная болѣзнь юнаго возраста!

IV. Зрѣлый возрастъ.

Въ физическомъ смыслѣ зрѣлый возрастъ начинается съ окончаніемъ роста организма, около 26—30 года, но психическая зрѣлость наступаетъ раньше. Нерѣдко, однако же, психическая зрѣлость запаздываетъ, что выражается неполнымъ развитіемъ воли и зависящей отъ того недостаточной силой самообладанія, не взирая на хорошо развитой умъ и чувства.

Зрѣлый возрастъ есть періодъ дѣятельности человѣка и характеризуется стремленіемъ къ осуществленію жизненныхъ задачъ и цѣлей. Дѣятельность и осуществленіе задачъ есть прямой естественный долгъ человѣка въ зрѣломъ возрастѣ; но въ то же время, это—и долгъ нравственный, согласно величайшему принципу, по которому всякое дерево, не приносящее плодовъ, должно быть срублено и брошено въ огонь. Личность человѣка и его индивидуальныя особенности кладутъ отпечатокъ на самый характеръ дѣятельности и на способъ осуществленія жизненнаго долга въ зрѣломъ возрастѣ.

Правильно проведенная юность вноситъ въ зрѣлый возрастъ не только программы и планы, но и тотъ запасъ энергіи и внутренняго идейнаго напряженія, которое является истиннымъ зерномъ будущаго большого дерева (idèe-force французскихъ психологовъ).

Зрѣлый возрастъ иногда называютъ возрастомъ практической жизни, въ противоположность идейной жизни юности. При правильномъ ходѣ психической эволюціи, юность и зрѣлый возрастъ такъ между собою разнятся, какъ проэктъ и его исполненіе или, вѣрнѣе, какъ идея и ея конкретное осуществленіе или примѣненіе. Подобно юности, смѣлой и пламенной въ построеніи плановъ жизни, зрѣлый возрастъ полонъ глубокаго одушевленія на пути осуществленія жизненныхъ задачъ, освѣщаемыхъ и одушевляемыхъ идеалами. Достиженіе цѣлей и ихъ исполненіе вноситъ въ душу зрѣлаго человѣка тотъ порывъ творчества, который дается идеалами. Правда, нерѣдко случается, что самый процессъ осуществленія жизненныхъ задачъ, на дѣлѣ, становится окончательной цѣлью, съуживая такимъ образомъ душу и заслоняя въ человѣкѣ свѣтъ идеаловъ, отчего можетъ происходить разладъ между принципіальной жизнью

и дѣйствительной. Независимо отъ того, самое осуществленіе конкретныхъ задачъ и частныхъ цѣлей жизни способно вносить и иногда вноситъ въ душевный строй нѣкоторую односторонность, закрѣпляемую временемъ и привычкой. Отсюда происходитъ своего рода спеціализація души въ извѣстномъ направленіи съ нарушеніемъ идеальной полноты духа. При такихъ условіяхъ психическая жизнь могла бы сдѣлаться односторонней и до извѣстной степени съузиться, еслибы не существовало нравственныхъ коррективовъ. Такими коррективами являются: религія, наука, семья, общественная жизнь и психологическая разница половъ. Всѣ эти начала вносятъ въ душу ту разносторонность, ту широту и глубину, которая поддерживаетъ въ человѣкѣ душевную полноту и цѣльность, не давая уснуть ея разностороннимъ запросамъ. Въ особенности ближайшее дѣятельное значеніе имѣетъ семья съ ея интересами, охватывающими всѣ возрасты; быть можетъ, наиболѣе сильная доля семейнаго начала принадлежитъ женщинѣ.

По самому складу своей разносторонней души, женщина остается на всю жизнь чуждой всякаго рода психической спеціализаціи. Благодаря болѣе полному развитію чувства, женщина навсегда сохраняетъ въ своей душѣ больше идеализма и широты, нежели мужчина. До глубокой старости въ сердцѣ женщины и въ ея душѣ остаются свѣжими черты идеальной юности и невиннаго дѣтства. Поэтому, женщина, болѣе нежели мужчина, проникнута пониманіемъ юной зрѣющей жизни и является естественнымъ соединительнымъ звеномъ двухъ поколѣній, объединенныхъ въ семьѣ. Не маловажную психологическую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто думаетъ, что одна внѣшняя сила, а не естественныя особенности женщины поставили ее въ центрѣ семьи и вдали отъ практическихъ интересовъ. Служба женщины на стражѣ широкаго теченія психической жизни и универсальныя способности женщинъ въ пониманіи души новаго назрѣвающаго поколѣнія такъ цѣнны для успѣховъ психическаго развитія человѣчества, что жизнь навсегда сохранитъ за женщиной ея высокое положеніе нравственнаго старшинства въ семьѣ и обществѣ.

Главнѣйшія ошибки психическаго развитія, наиболѣе свойственныя зрѣлому возрасту, состоятъ въ недоразвитой, слабой волѣ у мужчинъ, въ отсутствіи такта и тонкаго развитія чувствъ у женщинъ. При такихъ условіяхъ, мужчина становится мало дѣятель-

нымъ и непостояннымъ, а женщинѣ угрожаетъ опасность нравственнаго подчиненія средѣ и рутинѣ, съ утратой ея возвышенной чистоты и нравственной проницательности.

V. Старость.

Въ возрастѣ между 45—55 годами начинается пониженіе физической жизни организма, выражающееся въ уменьшеніи величины и размѣровъ всѣхъ органовъ тѣла, въ томъ числѣ и—головного мозга. Такое измѣненіе не можетъ остаться безъ вліянія на психическія отправленія, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ душа старца отличается отъ души другихъ возрастовъ жизни. Впрочемъ, не нужно думать, что въ душѣ старца мы имѣемъ дѣло съ явленіями психическаго упадка и съ разрушеніемъ тѣхъ величайшихъ началъ, которыя мы называемъ человѣческимъ сердцемъ, человѣческимъ духомъ. Бываетъ и это! Но мы не остановимся ни на патологіи, ни на отклоненіяхъ; въ нашу программу входитъ изложеніе естественнаго хода психической эволюціи съ возрастомъ. Не только болѣзненная старость, но и неправильно проведенная, бездѣятельная юность полна психическихъ пробѣловъ и недочетовъ; но они относятся къ исключительнымъ явленіямъ. Возвращаемся къ нашему предмету.

Безпрерывная работа, неусыпнное напряженіе органа мысли сообщаетъ ему такую остроту, придаетъ такую силу и до такой степени совершенствуетъ и повышаетъ его работоспособность, что, даже при нѣкоторой физической слабости нервной системы и мозга, психическая дѣятельность можетъ оставаться высокой и тонкой, какъ видимъ на примѣрѣ Гаусса, Бунзена, Моммзена и другихъ великихъ людей. Изслѣдованіе ихъ мозга достаточно подтверждаетъ сказанное. Упражненіе мыслительнаго органа придаетъ ему особую силу и работоспособность. Но существуетъ и болѣе прямой коррективъ. Изслѣдованіе мозга Гельмгольца [1]), Менцеля [2]) и др. пока-

---

[1]) Hanseman. Ueber das Gehirn von Helmholz. Ztschrft. f. Psycholog. und Physiol. Bd. XX.

[2]) Hanseman. Ueber die Gehirne von Th. Mommzen (Historiker), R. W. Bunzen (Chemiker) und Ad. v. Menzel (Maler). Stuttgart, 1907.

зало, что постоянное умственное и нравственное напряженіе предохраняетъ мозговую ткань отъ разрушенія и поддерживаетъ ее въ состояніи физіологической жизненности. Все въ организмѣ такого труженика, старѣется, всѣ органы—сердце, мышцы, кости—старѣются и атрофируются, но органъ мысли—мозгъ остается въ сохранности, рука времени его не касается. Какое ободреніе труженикамъ человѣчества въ этомъ знаменательномъ фактѣ! Какое утѣшеніе для тѣхъ, кто приближается къ предѣльному сроку человѣческой жизни! Пусть разрушается тѣло—таковы законы природы,—но пусть, до послѣдней минуты жизни, не покидаетъ человѣка ясность ума, сила воли и огонь сердца! Примѣръ жизни великихъ людей показываетъ, что это достижимо, и путь къ этому—непрерывное усовершенствованіе своихъ нравственныхъ силъ. Геніальность—это значитъ неусыпный трудъ, говоритъ Гёте. Великіе люди: Шарко, Гельмгольцъ, Моммзенъ, Бунзенъ, Менцель, Софья Ковалевская трудились съ полнымъ успѣхомъ до старости, многіе до самой глубокой старости, а нѣкоторые, какъ Моммзенъ и Менцель, до послѣднихъ дней жизни. Эта способность неусыпнаго труда и духовнаго усовершенствованія есть не столько даръ природы, сколько заслуга личности. И тотъ, кто работаетъ, вознаграждается за это сохраненіемъ своей работоспособности до глубокой старости—до послѣдняго дня жизни!

Въ своей естественной эволюціи человѣческая душа достигаетъ, въ старческомъ возрастѣ, высшей точки развитія. Ни одинъ возрастъ не сравнится со старостью по размѣрамъ жизненнаго опыта и по нравственной высотѣ, которой достигаетъ человѣкъ только въ концѣ своей жизни. Уже и въ предшествующемъ возрастѣ нравственное совершенство выступаетъ ясно, Родительская любовь есть чувство, превышающее собою любовь сыновнюю и любовь супружескую (Вундтъ). И та, и другая не лишены нѣкоторой доли личнаго элемента, нѣкотораго оттѣнка своекорыстія; но любовь родительская—чувство безкорыстное, какъ и вытекающій изъ нея родительскій долгъ. Чувства старца стоятъ еще выше! И это тѣмъ бобѣе неожиданно, что связь старости съ живыми, съ этимъ міромъ, становится изо дня въ день все меньше и меньше. Чѣмъ дальше продолжается жизнь въ старости, тѣмъ меньше остается тѣхъ, кто былъ близокъ и дорогъ, съ кѣмъ душа сроднилась и срослась: всѣ они тамъ, въ иномъ мірѣ, куда и взоры старца обращены

естественно (Herbert Spencer). Тѣмъ удивительнѣе становятся тѣ идеальныя чувства, та безкорыстная любовь къ людямъ, которыми полна старость. Эти чувства не различаютъ болѣе своихъ отъ чужихъ, присныхъ отъ дальнихъ. Всѣ они одинаково близки для этого идеальнаго широкаго чувства. Душа старца освободилась и очистилась отъ всего, что называется личнымъ чувствомъ, личнымъ интересомъ, разсчетомъ, перспективой, ожиданіемъ. Но она очистилась и въ другомъ горнилѣ: утраты, разочарованія, несчастія— все это испытано въ долгой жизни, но душа устояла. Какъ у многострадальнаго Іова, несчастія коснулись поверхности души, не затронувъ ядра. Ядро осталось цѣльнымъ, чистымъ, неизмѣннымъ.

Всѣ стремленія старческой души обратились въ одинъ сплошной нравственный долгъ. Ни одинъ возрастъ человѣческой жизни не даетъ намъ образцовъ столь чистаго и возвышеннаго понятія о долгѣ, какъ возрастъ старческій. Понятно то благоговѣніе, которымъ окружаютъ сѣдую старость всѣ человѣческіе возрасты. Сама юность, полная идеализма и чистоты, преклоняется предъ старостью, предъ ея величавыми нравственными чертами. Своей идеальной душой старость близка всѣмъ возрастамъ. Близость старой няни и дитяти—это привычная для нашего взора картина—это два естественныя, смежныя явленія нравственной жизни. Старая няня необходима и въ горести, и въ счастіи; она—повѣренный тайнъ юнаго сердца; она одинаково нужна и обыкновенному смертному, и великому поэту, который „въ суровые дни“, такъ утѣшаетъ себя мыслью о своей нянѣ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно, ты ждешь меня...

Пушкинъ.

Старость какъ будто отъ всего устранилась, она ушла въ себя, она болѣе не живетъ нашими обычными интересами. Но мы ею живемъ! Полузасохшая, сморщенная, почти лишенная плоти, она все еще намъ необходима, какъ олицетворенная мудрость, какъ высшая совѣсть, какъ живой вѣстникъ иного міра, предъ

лицемъ котораго мы плачемъ, каемся, даемъ обѣты, у котораго просимъ благословенія, которому повѣряемъ тайны высшаго счастья!.. Человѣчество не можетъ жить безъ своей дряхлой вѣрной няни!

Вотъ она предъ нами! Безъ страха смерти, безъ волненій, съ немощной плотью, но со спокойной совѣстью, съ чувствомъ исполненнаго долга, ничего не ища отъ людей—какъ Божье дитя, полное вѣры и надеждъ—бодро стоитъ она у дверей вѣчности, въ ожиданіи, когда ударитъ послѣдній часъ (Пироговъ).

И какъ дорогъ человѣчеству этотъ образъ!

Предметный указатель.

Стр.

Аккомодація 49, 63
Активное осязаніе . . . 44, 45, 69, 113
Амфибіи 17
Аномаліи развитія 138, 139
Аппараты памяти 7
Ассоціаціи 64, 66, 80
„ непроизвольныя 141
„ основныя 84
„ произвольныя 141
Біогенетическій основной законъ . . 4
Благоговѣніе 19, 100
Большой мозгъ 8, 9
Быкъ 19
Вещество мозга 8
Вкусъ 34, 35, 36
Вниманіе 40
„ внутреннее 40, 63, 77
„ внѣшнее . 40, 47, 53, 63, 64
„ зрительное 47
„ непроизвольное 117
„ осязательное 42, 45
„ произвольное 143
„ слуховое 53
Возбудимость ненормальная . . . 101
Возрастъ переходной 145
Волевая мышца 63
Воля 33, 63, 127, 128, 130, 145
Воспоминанія 33, 65
Воспріятія 5, 33, 58, 139
„ зрительныя 39, 47
„ слуховыя 39, 53

Стр.

Воспріятіе стереогностическое . 44, 69
Впечатлѣнія 84, 100, 101
„ воспріятіе ихъ . . . 58, 76
„ зрительныя 111
„ количество 58
„ мышечно-осязательныя 68
„ переработка 58
„ слуховыя 107
Гигіена нервно-психическая . 56, 57, 95
Глазъ 11, 49
Гнѣвъ 92
Движенія зрительныя 52
„ слуховыя 54
Дряхлость 149, 150
Духовная работа 143, 144
Душа животныхъ 22
„ развитіе ея 24
Дѣтство первое 25
Дѣтскіе сады 90
Живость дѣтей 91
Животныя 10, 86
Жизнь 152
„ коррективы ея 152
„ чувство жизни 93, 95
Законъ біогенетическій основной . . 4
Зоопсихологія 10
Зрительное вниманіе 47
Зрительное воспріятіе 47, 52
Зрительныя движенія 52
Зрѣлость 151
Зрѣніе 47

Стр.
Зрѣніе ненормальное 50
Игрушки 113, 114
Игры 68, 114, 127
„ интеллектуальныя 125
„ животныхъ 115
Идіотизмъ 28, 29, 66
Индивидуальность 133
Инфантилизмъ 128
Изумленіе 19
Клѣтки нервныя 4, 22, 59
Коллатералы 59, 60
Коррективы жизни 152
Личность 84, 90, 131
Лошадь 19
Любовь 154
Млекопитающія 19
Мозгъ большой 8, 9
„ его заболѣванія 28
„ его масса 8
„ его развитіе 5, 67
„ его проводящіе пути . . 40, 51
„ въ старости 153
Музыка 107
Муравей 11
Мышленіе 58, 86, 139
Мышечное чувство 44, 69
Мышца воли 63
Напряженіе мысли 63
„ воли 63
Наслѣдственность 133
Недоразвитые характеры 149
Неправильности развитія, индивидуальности 149
Нервная клѣтка 58
Нервный отростокъ 58
Нервные центры 8, 91
Нервныя явленія (у новорожденныхъ) 30
Нервно-псхическая гигіена . 56, 57, 95
Новорожденный ребенокъ . . . 25, 26

Стр.
Нормальный ребенокъ 139
„ его признаки . . . 139
Обезьяна 21
Обоняніе 38
Общее чувство 36
Односторонность 149
Органы чувствъ 69
Орудія познанія 39
Осязаніе 42, 45, 112
Осязательная сфера 42
Отростки клѣтокъ 59
Отсталыя дѣти 35
Память 80
„ аналитическая 142
„ ассимилирующая 142
„ безсознательная 6
„ механическая 141
„ протоплазматическая 6
„ упражненіе ея 143, 144
Паукъ 15
Переходной возрастъ 145
Познаніе вкусовое 34
„ зрительное 111
„ обонятельное 38
„ осязательное 113
„ предсознательное . . . 32, 33
„ слуховое 107
„ орудія его 39
Представленія конкретныя 125
„ общія 99
„ свободныя 73
Птицы 18
Пути проводящіе мозга 40, 61
Пчелы 14
Работа духовная 143, 144
Развитіе воли 127
„ души животныхъ 23
„ индивидуальности ребенка 133
„ интеллектуальное 103
„ личности ребенка . . 90, 131

Стр.
Развитіе мозга 5, 6, 7, 8, 9, 10
„ чувства 39, 54, 91
„ рѣчи 85
Репродукціи 67, 80
Рыбы 16
Рѣчь 85
Сады дѣтскіе 90
Самообладаніе 140
Самопознаніе 132
Самосознаніе 132
Самостоятельность 140
Свободныя представленія 73, 99
Свѣтъ 48
Симпатія 21
Слабость воли 138, 145
Слово 85
Слонъ 20
Слухъ 107, 108
Собака 21
Сонъ 56
Старость 153
Старчество нравственное . . 149, 150
Стереогнозія 44
Страхъ 19
Темпераментъ 133
Типы дѣтей 136
Узнаваніе 61
Умъ 103

Стр.
Упражненія памяти 143, 144
Утомленіе 35, 56, 144
Характеры недоразвитые 149
Царство животное 10
Центры ассоціаціонные . . 8, 9, 70, 85
Центры нервные 8, 91
„ психическіе 8, 70, 91
„ рѣчи 85
„ чувственные 9
Цвѣта 97
Цинизмъ 23
Черви 10
Чувства высшія 94, 100
„ Ителлектуальныя . . . 94, 98
„ религіозныя 99
„ эстетическія 94, 96
„ этическія 94, 99
Чувствительность дѣтей 101
Чувство виновности 93
„ жизни 96
„ неожиданности . . . 55, 56, 92
„ почтенія 100
„ пріятнаго и непріятнаго . . 37
„ страха 19, 20, 92
„ стыда 93, 94
„ удивленія 19
Юность 148

WELLCOME LIBRARY INSTITUTE

M
15

7-50
56926 | 578